

N. Trotzky. — Unsere politische Aufgaben.

Російська Соціалдемократическа Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

540
960

Наши политическія задачи.

(Тактическіе и организационные вопросы).

Frux 75c.

Изданіе Російской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904.

Дорогому учителю

Павлу Борисовичу Аксельроду.

Handwritten text, possibly a signature or name, appearing as a faint, mirrored impression on the paper.

unc 1299532 m

E 40 —
960

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ПРЕДИСЛОВІЕ	VII
ВВЕДЕНІЕ. Критерій партійнаго развитія и методъ оцѣнки. Эволюція „марксистской“ интеллигенціи. „Именемъ марксизма“!	1
ТАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ: Содержаніе нашей дѣятельности въ пролетаріатѣ. Игнорированіе задачъ самодѣятельно сти пролетаріата, какъ наслѣдіе періода „Искры“. Со- ціалъдемократическая политика или политика „Credo“? Что же дѣлать? Два слова о пропагандѣ. Отъ педа- гогики къ тактикѣ. Прочь политическое „замѣсти- тельство“!	27
ОРГАНИЗАЦІОННЫЕ ВОПРОСЫ: Діалогъ. Раздѣленіе труда. „Демократизмъ“. Дисциплина и централизмъ. Нѣкоторые выводы	57
ЯКОВИНИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ. Не яacobинецъ- соціалъдемократъ, а яacobинецъ или соціалъдемократъ. Диктатура надъ пролетаріатомъ	90

Предисловіе.

Тяжелымъ годомъ былъ послѣдній годъ нашей партійной жизни.

Подумать только, что въ то время, какъ революціонный пролетаріатъ всего міра съ ожиданіемъ смотритъ на нашу Партію, предъ которой исторія поставила грандіозную задачу: разрубить узелъ міровой реакціи — русскіе социальдемократы какъ бы не знаютъ другихъ задачъ, кромѣ задачъ мелочной внутренней борьбы, не знаютъ другихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ юридической „компетенціи“, не видятъ другихъ перспективъ, кромѣ перспективъ партійнаго раскола... Какой ужасъ!

Какой душу раздирающій трагизмъ въ томъ фактѣ, что широкіе круги Партіи — подъ отдаленные раскаты надвигающейся исторической бури — копошатся въ организаціонныхъ мелочахъ, заподозриваютъ старѣйшихъ и лучшихъ товарищей, идущихъ въ первыхъ рядахъ международной социальдемократіи, въ теоретическихъ грѣхахъ, которыхъ обвинители не способны даже формулировать, призываютъ къ крестовому походу противъ половины Партіи, отмежевываютъ себя отъ своихъ единомышленниковъ, стоящихъ за примиреніе съ крыломъ „оппозиціи“, и готовы, далѣе, объявить непримиримую войну не только активнымъ „примирителямъ“, но и всѣмъ тѣмъ, которые снисходительно относятся къ „примирительству“.

Въ такой кошмарной атмосферѣ мы прожили цѣлый годъ... Расколъ временами казался неизбѣжнымъ... Всѣ чувствовали ужасъ положенія, почти всѣ сознавали преступность раскола, но никто не могъ вырваться изъ стальныхъ тисковъ исторіи...

Острый періодъ прошелъ. Сторонники партійнаго единства имѣютъ теперь право съ увѣренностью глядѣть впередъ. Единичные фанатики раскола, еще такъ недавно импонировавшіе своей „непримиримостью“, вызываютъ теперь рѣзкій отпоръ даже со стороны своихъ вчерашнихъ единомышленниковъ.

Наша Партія, явно, подошла къ поворотному пункту въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, и, какъ мы думаемъ, во всей своей революціонной дѣятельности. Этотъ поворотъ ознаменуется прежде всего организаціоннымъ умиротвореніемъ, которое создастъ возможность концентраціи всѣхъ работоспособныхъ силъ вокругъ общепартійныхъ задачъ. Внутреннее умиротвореніе, котораго жаждутъ всѣ здоровые элементы Партіи, означаетъ, въ первую голову, организаціонную смерть такъ называемаго „меньшинства“.

Мы, представители „меньшинства“, безъ всякихъ скорбныхъ чувствъ смотримъ въ глаза этой смерти, ибо она, какъ это ни странно на первый взглядъ, дѣйlikомъ входила въ наши планы. Мы ни на минуту не задавались дѣйlikомъ перетянуть всю Партію въ „меньшинство“. Это не только противорѣчило бы этимологическому смыслу нашего наименованія (партія не можетъ быть въ „меньшинствѣ!“), но и шло бы въ разрѣзъ съ тѣми задачами, на почвѣ которыхъ организаціонно сложилось „меньшинство“.

Только на первый взглядъ сказанное кажется парадоксомъ.

„Меньшинство“, какъ неофициально организованная часть официальной Партіи, боролось противъ извѣстнаго партійнаго режима, вытекающаго изъ совершенно фантастическихъ представлений о путяхъ партійнаго развитія. По этимъ представленіямъ Партія развивается не путемъ выкиванія наиболее прогрессивныхъ программныхъ, тактическихъ и организаціонныхъ оттѣнковъ и теченій, но исключительно путемъ логическаго извлеченія уполномоченнымъ на это Центральнымъ Комитетомъ (или Органомъ, или Советомъ) — къ свѣдѣнію и руководству Партіи и пролетаріата — новыхъ тактическихъ и организаціонныхъ выводовъ изъ извѣстныхъ теоретическихъ посылокъ. Это чисто рационалистическое представленіе порождаетъ своеобразный формальный ригоризмъ, которому всякое „скопление“ иначе-мыслящихъ элементовъ представляется явленіемъ болѣзненнымъ, чѣмъ-то вродѣ организаціоннаго нарыва, требующаго внимательства руки авторитетнаго оператора и примѣненія ланцета.

Мы не будемъ касаться, ни въ предисловіи, ни въ брошюрѣ, различныхъ эпизодовъ почти годовой организаціонной сутолоки. По этому вопросу существуетъ уже дѣйlikая литература, успѣвшая набить всей Партіи оскомину¹⁾. Для

¹⁾ Недавно, впрочемъ, какой-то чудакъ напечаталъ 85 страницъ совершенно безграмотнаго гнѣвнаго текста, оповѣщаю-

насъ важно въ данномъ случаѣ лишь то, что „меньшинство“ завоевало для себя — а такъ какъ кампанія его велась подъ принципіальнымъ знаменемъ, то значить и для другихъ оппозиціонныхъ теченій на предбудущія времена — право гражданства. Последнее заявленіе Центрального Комитета, какъ бы подводющее итогъ происшедшей перемѣнѣ въ партійномъ сознаніи и представляющее — если мы вѣрно понимаемъ намѣренія его составителей — рѣшительный шагъ въ сторону подлиннаго объединенія Партіи, окончательно и, надо надѣяться, безповоротно сдаетъ въ архивъ пріемы и методы „осаднаго положенія“. Но смерть этого режима означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и организаціонную смерть „меньшинства“. „Нынѣ отпускаеши...“, можетъ облегченно сказать это послѣднее, растворяясь въ Партіи. „Нынѣ отпускаеши!...“

Рядомъ съ борьбой противъ опредѣленной внутрипартійной политики, „меньшинство“ — или, вѣрнѣе, небольшая, въ особо благоприятныя условія поставленная часть его — подвергало пересмотру политическую практику Партіи и искало новыхъ тактическихъ путей. Организаціонная смерть „меньшинства“ не означаетъ уничтоженія сдѣланныхъ имъ въ этой области пріобрѣтеній. Наоборотъ. Мы питаемъ твердую увѣренность, что разрушеніе исторически возникшей организаціонной стѣны между двумя частями Партіи позволитъ сконцентрировать всѣ силы ея для дружной переработки нашей партійной практики, для совмѣстнаго разрѣшенія новыхъ выдвинутыхъ нашимъ собственнымъ политическимъ ростомъ тактическихъ задачъ.

Эта брошюра и представляетъ собою попытку привлечь вниманіе товарищей, утомленное и притупленное наполовину схоластическими организаціонными дебатами, къ вопросамъ политической тактики, съ которыми связана вся дальнѣйшая судьба нашей Партіи.

Но не одни вопросы тактики составляютъ содержаніе предлагаемой работы.

Тяжелыя внутреннія тренія послѣдняго года скомпromетировали лишь опредѣленные *практическіе пріемы* „внутренней политики“, не выдержавшіе объективнаго испытанія „жизни“; но *принципіальныя предразсудки*, связанныя съ этими практическими пріемами и на ихъ почвѣ выросшіе,

шаго Героу обо всѣхъ перипетіяхъ и мелочахъ нашей внутрипартійной организаціонной борьбы. Мы очень дорого дали бы за того нѣмца, который прочитаетъ это поразительное произведеніе, и еще дороже за того, который въ немъ что нибудь поиметь.

все еще остаются хозяевами широких сфер партийной мысли. Мы не сомневаемся, что эти предрассудки в конце концов погибнут, но мы считаем своей теоретической обязанностью оказать им в этом самое активное содействие.

Нам пришлось поэтому посвятить часть нашей брошюры послѣдней книжкѣ т. Ленина: „Шагъ впередъ, два шага назадъ“, въ которой разрозненнымъ предрассудкамъ придано подобіе системы. Признаемся, мы выполнили эту часть работы крайне неохотно. Хотя и до выхода названной книжки мы не сомнѣвались, что ничего внушительнаго тов. Ленинъ не сможетъ сказать въ защиту своей позиціи, ибо позиція, занятая имъ, совершенно безнадежна, но все же такой бѣдности мысли, какую онъ обнаружилъ, мы не ожидали. Первымъ движеніемъ по прочтеніи брошюры было: простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ! Но по здравомъ размышленіи, суть котораго мы выше изложили, пришлось простой переходъ замѣнить *мотивированнымъ*: нельзя перескочить черезъ извѣстное состояніе партійнаго сознанія.

Разумѣется, читатель, который считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ организаціонно-бюрократическихъ и „якобинскихъ“ предрассудковъ, можетъ ограничиться першми двумя отдѣлами брошюры.

Въ теченіе тѣхъ мѣсяцевъ, когда писалась эта работа — а писалась она частями¹⁾ — мысль: не время! не разъ скопывала пассивностью руку...

Въ то время, какъ издыхающій царизмъ пытается подкупить представшую передъ нимъ въ лицѣ Японіи буржуазію Немезиду, сжигая на ея жертвенникѣ силы и средства истерзанной націи, въ то время, какъ внизу, въ народныхъ глубинахъ, идетъ невидимый, но неотвратимый молекулярный процессъ накопленія революціоннаго гнѣва, который можетъ быть, завтра прорвется наружу съ элементарной силой стихій, снося, — какъ полная вѣшняя воды смывають мосты и заруды, — не только полиціескія заставы, но и всею постройкой нашей муравьиной организаціонной работы, въ то время, когда своевременна, повидимому, лишь одна наука — наука возстаній, когда умѣстно одно искусство — искусство баррикадъ, — въ это время сражаться съ организаціонными предрассудками, распутывать теоретическіе софизмы, писать о новыхъ вопросахъ тактики,

¹⁾ Это отразилось и на содержаніи и на тонѣ отдѣльных ея главъ. Кое-что изъ содержанія брошюры было, въ различной мѣрѣ, высказано за это время другими авторами въ „Искрѣ“.

искать новыхъ формъ развитія самодѣятельности пролетаріата... въ такую безпримѣрную минуту исторіи!..

Не время! возмущенно протестуетъ непосредственное революціонное чувство.

Нѣтъ, время! отвѣчаетъ увѣренный голосъ социальдемократическаго сознанія и — побѣждаетъ.

Время! Всегда — время!

Никому не дано знать времена и сроки, — и каждый часъ, каждую минуту, которые остаются еще до рѣшительнаго дня, мы должны использовать для самокритики, для своей политической подготовки къ такому участию въ рѣшительныхъ событіяхъ, чтобъ оно было достойнымъ великаго класса, съ которымъ мы связали свою революціонную судьбу.

Никому не дано знать времена и сроки. Если, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, смертный часъ самодержавія отступитъ, если надвинется новый періодъ „затишья“, который смететъ съ политическаго поля появившіяся на немъ въ періодъ подъема оппозиціонныя и революціонныя группы, мы, социальдемократы, останемся на своемъ мѣстѣ, въ рядахъ пролетаріата, и будемъ выполнять свою великую работу. Реакція, какъ и революція, не могутъ отвлечь насъ отъ нашихъ историческихъ задачъ.

Конечно, когда наступятъ — и пусть это будетъ хоть завтра — великія событія, мы, коммунисты, предвѣстники новаго, социалистическаго міра, сумѣемъ исполнить свой долгъ революціонеровъ по отношенію къ старому, буржуазному міру. Мы будемъ драться на его баррикадахъ, мы будемъ завоевывать для него ту свободу, которой онъ безъ насъ не можетъ добыть.

Но, даже и въ непосредственной близости этого часа, мы, коммунисты, не хотимъ и не смѣемъ забыть или отодвинуть свои пролетарскія задачи. Мы должны подчинять этимъ задачамъ нашу революціонную тактику не только въ сѣрые политическіе будни, но и наканунѣ революціоннаго взрыва, и въ бурные дни самой революціи. Не только черезъ преступную голову царизма, но и черезъ вершины революціонныхъ баррикадъ, черезъ груды камней разрушенной Петропавловки мы должны смотрѣть впередъ, на свой дальнѣйшій путь, — путь непримиримой пролетарской борьбы со всѣмъ буржуазнымъ міромъ!

Н. Т.

23 августа, 1904 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Критерій партійнаго развитія и методъ оцѣнки.

«*Un jour si muove!* „И все-таки она движется!“ Подъ страшными ударами — огнемъ и мечомъ вооруженнаго врага, среди политическxъ трудностей, съ которыми никакому другому отряду нашей международной арміи не приходилось бороться, совлекаемаи могучими подпочвенными теченіями съ своего пути, россійская социалъдемократія „все-таки движется“ *впередъ* — и не только какъ партія политическаго раскрѣпощенія Россіи, но и какъ партія пролетаріата.

Принципіальное примиреніе революціонно-демократической и социалистической задачъ, формулирующихъ двѣ самостоятельныя историческія тенденціи, и тактическое соединеніе этихъ задачъ на почвѣ достигнутаго принципіальнаго примиренія, — такую загадку загадала россійской социалъдемократіи политическая судьба русскаго общества.

Русское революціонное движеніе въ цѣломъ никогда не выходило изъ состоянія борьбы между этими двумя тенденціями. Онѣ разорвали на двѣ части первую серьезную революціонную организацію „Землю и Волю“... Мысль революціоннаго народничества беспомощно билась въ тискахъ этого основного противорѣчія. Примирить его не было ей дано. Это дѣло способно быль сдѣлать только марксизмъ, переиравшій революціонную задачу, о которую разбилось народничество.

„Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ *оптимально рабочіе*, или наоборотъ не восторжествуетъ.“ Эту мысль мы испитали, принципіально признали и сдѣлали ее содержаніемъ нашей революціонной практики. Но этимъ исчерпывается только одна сторона вопроса. Другая можетъ быть формулирована такъ. Русское революціонное движеніе, восторжествовавшее, какъ движеніе рабочею, должно превратиться въ процессъ немедленнаго политическаго самоуправленія пролетаріата, — иначе россійская социалъдемократія, какъ *такое*, есть историческое недоразумѣніе.

Вадвинуть рабочихъ, какъ главную силу революціи, и сдѣлать революцію политическою школой рабочихъ — въ этомъ вопросѣ источникъ разногласій и несогласій, очагъ всѣхъ внутреннихъ смуть, столько разъ раздиравшихъ нашу партію. Первое произведеніе партіи социалъдемократической группы ставить именно этотъ двусмысленный вопросъ: „Соціализмъ и политическая борьба“ — и впервые разрѣшить его, давая тѣмъ самымъ россійской социалъдемократіи теоретическія права на существованіе.

Первый „документ“, провозглашающий идею единой социальдемократии в России, манифестъ I-го съезда, пытается дать программную формулу, резюмирующую марксистское примирение коренной „антиномии“ русского революціоннаго движенія. „Ставя главнѣйшею изъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ, говоритъ Манифестъ, *завоеваніе политической свободы*, социальдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли“. Но средства и пути, которые выбираетъ социальдемократія, иные. Выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что она сознательно *хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ*“. Лучше нельзя было сказать. Социальдемократія *сознательно хочетъ быть и остаться* классовымъ движеніемъ пролетаріата, — это ея субъективное, пока еще подтѣчески не реализовавшееся, стремленіе даетъ ей ту „регулятивную идею“, съ точки зрѣнія которой она будетъ оцѣнивать и критиковать, судить и осуждать, принимать и отвергать всё „средства и пути“ борьбы за политическую свободу. Социальдемократія еще далеко не стала на рельсы самостоятельной классовой политики пролетаріата, — содержаніе ея вчерашней и сегодняшней работы можетъ еще всецѣло покрываться „главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи, завоеваніемъ политической свободы“, — но и вчера и сегодня социальдемократія сознательно хотѣла и *хочетъ „быть и остаться“* классовой партией пролетаріата, т. е. самой собою — социальдемократіей.

Это та дань, которую часть русской революціонной интеллигенціи платила и платитъ классовой доктринѣ международнаго революціоннаго пролетаріата, марксизму, который далъ ей прежде всего отвѣтъ на „демократическій“, а не „пролетарскій“ вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ?“, по который поставилъ ея политическую совѣть подъ контроль классовыхъ интересовъ пролетаріата уже тѣмъ, что послалъ ее къ пролетаріату, какъ къ борцу за политическую свободу.

Если оглянуться назадъ, на смѣну теченій в направленій, въ острой борьбѣ которыхъ иные „революціонные“ наблюдатели усматривали симптомъ „разложенія“ нашей партіи, то источникомъ глубочайшаго нравственнаго и политическаго удовлетворенія должеъ явиться тотъ фактъ, что чередованіе взаимно отмѣвшихъ другъ друга направленій — *въ общемъ и въложъ* — опредѣлялось всегда одной и той же верховной контролирующей идеей: социальдемократія сознательно *„хочетъ быть и остаться“* классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“. Нѣтъ спора, руссійская социальдемократія не разъ уклонилась отъ этой своей цѣли въ тѣхъ или другихъ своихъ „высказываніяхъ“, но въ общемъ и цѣломъ и эти бесспорно еретическія „высказыванія“ были результатомъ стремленій молодой нескрѣпной партіи примириться съ собою, заполнить противорѣчіе между огромной революціонной цѣлью и маленькими революціонными средствами — хотя бы цѣною калѣченія самой цѣли и прибѣжанія принципіальной постановки задачъ. Нѣтъ спора и въ томъ, что рѣш находились объективныя условія для *такого* примиренія „самопримиренія“, означавшаго, въ теиендіи, самоотреченіе социальдемократіи, эти

пріемы должны были развить свою внутреннюю логику, силою которой вчерашніе сторонники пролетарскаго дѣла сегодня отрывались отъ него и перебрасывались во вражескій лагерь: такое именно явленіе было закономѣрнымъ продуктомъ упрощенной политической методологіи экономизма, о чемъ еще рѣчь впереди. Но сейчасъ мы хотимъ установить тотъ фактъ, что рѣшительнымъ критеріемъ въ нашей внутрипартіиной борьбѣ были *классовые интересы пролетаріата*, а ея лейтмотивомъ — обвиненіе противника въ „безсознательномъ предательствѣ пролетаріата буржуазной демократіи“.

Брошюра „Объ агитаціи“, открывающая періодъ „экономизма“ въ нашей литературѣ, съ этой именно точки зрѣнія обвиняетъ социалдемократовъ-пропагандистовъ въ томъ, что они лишь отрываютъ сознательныхъ рабочихъ отъ массы. „Исторія Европы показывасть, говоритъ брошюра, что при такомъ положеніи вещей, когда назрѣють условія для движенія рабочей массы, а истинные представители ея интересовъ окажутся ей чуждыми, она найдетъ себѣ *другихъ вождей* — не теоретиковъ, а практиковъ, которые поведутъ ее *въ ущербъ дѣлу ея классоваго развитія*“ (стр. 21).

Направление „Искры“, смѣнившее „экономизмъ“, пришло подъ знаменемъ, на которомъ были написаны тѣ же слова. „... Всякое преклоненіе передъ стихійностью рабочаго движенія. ., говоритъ, напрімѣръ, авторъ брошюры „Что дѣлать?“, популяризуя Аксельрода и Плеханова, означаетъ тѣмъ самымъ... усиленіе *вліянія буржуазной идеологіи на рабочихъ*“ (стр. 26). Тотъ же авторъ отмѣчаетъ, что „Искра“ не разъ обвиняла „Рабочее дѣло“ въ „косвенномъ подготовленіи почвы для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи“. Наконецъ, тов. Аксельродъ, давшій въ своихъ двухъ фельетонахъ оцѣнку политическаго состоянія нашей партіи, заявляетъ, что при самомъ счастливымъ выполненіи такъ называемыхъ „плановъ“ тов. Ленина, „мы имѣли бы... революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи“ („Искра“, № 57).

Нужно, далѣе, имѣть въ виду, что въ каждомъ изъ взятыхъ нами случаевъ однородныя обвиненія идутъ съ *обѣихъ* сторонъ. „Пропагандисты“ обвиняютъ „экономистовъ“ въ томъ, что они лишь возбуждаютъ рабочихъ, не давая имъ социалистическаго сознанія, и тѣмъ готовятъ ихъ къ роли пушечнаго мяса въ интересахъ буржуазіи. „Экономисты“ обвиняютъ „Искру“ въ томъ, что она стремится оторвать „политику“ отъ „экономики“ и тѣмъ лишаетъ борьбу рабочихъ ея классоваго характера. И, наконецъ, Ленинъ не находитъ другого средства скомпрометировать въ глазахъ Партіи своихъ нынѣшнихъ противниковъ, кромѣ обвиненія П. Б. Аксельрода и его единомышленниковъ въ томъ, что они обнаруживаютъ „*оппортунизмъ* въ организаціонныхъ вопросахъ“, несомѣстимый съ классовыми интересами пролетаріата и означающій привнесеніе въ нашу партію буржуазно-индивидуалистическихъ началъ.

Было бы, однако, полизѣшимъ заблужденіемъ думать, что эти „стереотипныя“ обвиненія просто нейтрализуютъ другъ

друга, или, еще хуже, что они представляют собою не что иное, как условность партійной фразеологии. Никонъмъ образомъ. При отсутствіи этого „стереотипна“ борьба каждаго двухъ теченій неизбежно должна была бы разорвать нашу партію на двѣ части, ибо, какъ писалъ нѣкогда Бакунинъ, „нелѣзно хлопотать о томъ, въ двухъ или въ одномъ видѣ должно принимать святое причастіе тамъ, гдѣ все христіанство должно выбросить за окно“. Только возможность апелляціи къ признаваемой обѣими сторонами высшей инстанціи, классовымъ интересамъ пролетаріата, создаетъ возможность изжить каждый конфликтъ „внутренними средствами“.

Если, такимъ образомъ, принципиальный критерій, подъ знакомъ котораго происходитъ смѣна направленій въ нашей партіи, былъ въ общемъ и цѣломъ всегда одинъ и тотъ же: классовые интересы пролетаріата, то методъ оцѣнки отноудъ не всегда соотвѣтствуетъ этому критерию и своей собственной примитивностью какъ нельзя лучше характеризуетъ примитивность нашего политическаго развитія, ничтожные размѣры основнаго капитала политическаго опыта партіи. Каждое новое направленіе предаетъ своего предшественника анаемѣ. Прошлый періодъ представляется посетелямъ новыхъ идей ничѣмъ инымъ, какъ грубымъ уклоненіемъ отъ правильнаго пути, историческимъ недоразумѣніемъ, узломъ ошибокъ, результатомъ случайной комбинаціи теоретическихъ суевѣрій.

Авторъ брошюры „Объ агитація“ считаетъ, что „первые шаги русскихъ социалдемократовъ были невѣрны“. Его задача — ликвидировать этотъ періодъ тактическихъ промаховъ. Авторъ брошюры „Что дѣлать?“ точно также относится къ эпохѣ „экономизма“. Все то, что характеризуетъ „экономизмъ“, какъ эпоху роста нашего движенія среди невѣроятныхъ трудностей, кажется ему признакомъ временнаго и случайнаго упадка. Упадка — по сравненію съ чѣмъ? По сравненію съ тѣмъ періодомъ, который могъ бы быть, если бы полицейская рука не устранила отъ работы группу друзей тов. Ленина¹⁾.

Разумѣется, отдѣльныя лица, какъ тов. Аксельродъ, всегда умѣли становиться на историческую точку зрѣнія и въ сложныхъ вопросахъ внутренняго развитія партіи. Но они такъ и оставались отдѣльными лицами. Цѣляя же теченія отпосились другъ къ другу „метафизически“, цѣликомъ отменяя другъ друга. Первымъ, въ сущности, примѣромъ когда представители новаго теченія въ партіи сознательно стремятся утвердиться не на костяхъ, а на плечахъ своихъ предшественниковъ, разсматривая себя въ общей перспективѣ партійнаго развитія, является такъ называемое „меньшинство“. И это добрый симптомъ, — какъ для „меньшинства“, такъ и для всей Партіи. Опъ свидѣтельствуетъ, что партія наша идейно мужаетъ, и что посетелями прогрессивныхъ запросовъ мужалющей партійной мысли являются представители „меньшинства“.

Незачѣмъ, конечно, говорить, что историческая точка зрѣнія

¹⁾ „Что дѣлать?“, стр. 26.

марксиста не имѣть ничего общаго съ той консервативно-„исторической“ точкой зрѣнія, „которой исторія, по словамъ Маркса, какъ богъ Израиля своему слугѣ Моисею, показываетъ только свое a posteriori“. Эта послѣдняя точка зрѣнія вся цѣликомъ растворяется въ вопросѣ эмпирически-каузальной необходимости, и послѣдовательнымъ выводомъ изъ нея является политическій квіетизмъ. Марксистъ же знаетъ точку зрѣнія *діалектической* необходимости, которая всегда дѣйствительна и революціонна, которая не только объясняетъ каждое новое состояніе цѣликомъ изъ предшествующаго, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣетъ указать, съ одной стороны, элементы развитія и движенія, съ другой — элементы косности, застоя и реакціи. Эта точка зрѣнія діалектическаго матеріализма, въ отличіе отъ консервативно-исторической, не лишаетъ насъ права оцѣнки, суда и осужденія, но, — въ отличіе отъ идеалистической, — она требуетъ, чтобы наша оцѣнка опиралась на внутреннія тенденціи самого развитія и въ нихъ находила тѣ силы, которыя способны преодолѣть внутреннее противодѣйствіе и реализовать превосходящую будущее теоретическую „оцѣнку“.

Примѣненіе этого метода по отношенію къ развитію внутреннихъ тенденцій партіи такъ же обязательно, какъ и по отношенію къ развитію буржуазнаго общества въ цѣломъ. Марксистомъ цужо быть не только во „внѣшней политикѣ“, но и во „внутренней“. Для первой — общіе выводы марксизма имѣются уже въ готовомъ видѣ и могутъ быть восприняты, какъ шаблонъ. Для второй — они могутъ вырабатываться лишь путемъ постояннаго примѣненія діалектическаго метода. . .

Молодой партіи, какъ наша, это дается очень трудно. Не нужно, однако, думать, будто мы хотимъ этимъ сказать, что въ старыхъ партіяхъ, какъ германская, всѣ вожди философски-образованные политики. Нѣтъ. Но самая *коллективная мысль* партіи подверглась діалектической шлифовкѣ путемъ трепій, борьбы, ошибокъ и разочарованій. Эта въ извѣстной мѣрѣ стихійно накопленная мудрость нерѣдко тормазитъ дѣло выработки новыхъ политическихъ методовъ, но въ то же время предохраняетъ партію отъ примѣненія такихъ тактическихъ пріемовъ, которые представляютъ собою одну силовую „дерзость“ противъ партійныхъ традицій. . .

Наша партія — вотъ ужъ около года — находится въ періодѣ застоя. Вопросъ: что дѣлать? стоитъ предъ всѣми мыслящими товарищами. Для всякаго, кто болѣлъ этимъ вопросомъ, ясно, что причины застоя очень глубоки, что Партія должна преодолѣть какой то органической недугъ. Но вопросъ: что дѣлать? не можетъ быть рѣшенъ „отъ разума“. Онъ долженъ ставиться и рѣшаться въ извѣстной исторической перспективѣ. Что мы представляемъ собою? Что мы унаслѣдовали отъ прошлаго? Какіе элементы этого наслѣдія играютъ роль кандаловъ на нашихъ ногахъ? На эти вопросы нужно отвѣтить. А это значитъ, что разрѣшенію вопроса ближайшаго будущаго долженъ предшествовать ретроспективный взглядъ на недавнее прошлое: періодъ „экономизма“ и періодъ старой „Искры“.

Эволюція „марксистской“ интеллигенціи.

(„Экономизм“, „критика“, „идеализм“, „соціально-революціонизм“.)

Упрощенная политическая методология „экономистовъ“ опредѣлялась тѣмъ, что они были поставлены предъ *политически истощаема* пролетаріатомъ. Для нихъ не существовали всѣ тѣ политическія задачи, которыя стояли передъ социалистическими партіями Запада, когда имъ приходилось освобождать пролетаріатъ отъ политическаго подчиненія лѣвому крылу буржуазіи, подъ руководствомъ котораго пролетаріатъ успѣлъ уже совершить не одну военную кампанію. Революціонное крыло нашей буржуазіи, подъ вліяніемъ полного историческаго разложенія чисто-демократической идеологіи, потерявшей способность ствѣчать на роковой вопросъ: „Что же дальше?“, вынуждено было историческимъ положеніемъ Россіи принять социализмъ, какъ отправной пунктъ демократической борьбы. Но именно потому, что социализмъ поглотилъ всѣ элементы революціонной демократіи, онъ потерялъ возможность противопоставлять себя ей и въ этомъ противопоставленіи развивать и оформлять свою политическую природу. Отсутствие конкуренціи съ радикальной буржуазіей изъ-за вліянія на пролетаріатъ позволяло до поры до времени обходиться при помощи самыхъ грубыхъ тактическихъ методовъ и порождало уродливо-упрощенныя представленія о перспективахъ политическаго развитія рабочаго класса. Ему противопоставляется почти одноцвѣтная „реакціонная масса“, — и онъ развивается съ методической постепенностью и математической правильностью, день за днемъ, отъ простаго къ сложному, отъ требованій кипятку до требованій перехода всѣхъ фабрикъ въ собственность трудящихся.

Такое упрощенное представленіе, связанное съ соотвѣтственно-упрощенной тактикой, разумѣется, не способно было закалять классовое сознаніе ни марксистской интеллигенціи, ни революціонныхъ элементовъ пролетаріата, не могло снабжать ихъ орудіями политическаго отпора въ сторону радикальной демократіи. И потому, если бы въ моментъ революціоннаго подъема начала новаго столѣтія рядомъ съ социальдемократіей стояла инициативная радикальная демократія, она имѣла бы всѣ шансы вышибить нашу партію изъ сѣдла. На это не разъ указывалось, и это несомнѣнно. Но несомнѣнно и другое. Организованная радикально-буржуазная партія не могла вырости внезапно, силою революціоннаго напѣя. Чтобы оказаться вооруженной въ критическую минуту, она должна была вооружаться въ предшествующій періодъ. Но дѣлать это она могла не иначе, какъ въ прямой или косвенной борьбѣ съ социальдемократіей. А это обстоятельство — параллельное существованіе буржуазно-революціонной партіи, пользующейся вліяніемъ на интеллигенцію и пролетаріатъ или активно стремящейся къ такому вліянію — сдѣлало бы совершенно *невозможнымъ* то упрощеніе задачъ социалистической партіи, которое составляетъ основную черту „экономизма“. Если бы русской марк-

сизмъ не встрѣтилъ въ пролетаріатѣ политической цѣлины, на которую еще никто пока не заявлялъ своихъ притязаній, онъ не могъ бы такъ просто рѣшить вопросъ, сказавъ: „моя“, онъ долженъ былъ бы доказать, *политически доказать*, что это его территория, онъ вынужденъ былъ бы самой логикой политической конкуренціи противопоставлять свою классовую, социалистическую политику политикѣ демократической.

Исторія позаботилось о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи сдѣлать болѣе легкими первые шаги нашей партіи, — но такъ какъ ничто не дается даромъ, то самую „легкость“ первыхъ нашихъ завоеваній исторія сдѣлала причиной ихъ политической неустойчивости. „Экономисты“ своей политической практикой, которую жизнь учитывала по своему, воспитывали себѣ политическаго противника; но они, въ силу указанной причины, не только не пытались „предостеречь“ противъ него массу, они сами не вѣрили въ возможность его пришествія. Но онъ пришелъ. Какъ ни примитивны были тактическіе приемы „экономизма“, какъ ни недостаточны они были для того, чтобы противопоставить пролетарскую массу государству во всей игрѣ его классовыхъ и „сверхъ-классовыхъ“ проявленій, — они оказались могущественнымъ средствомъ столкнуть массу съ государствомъ, какъ съ колоссальнымъ аппаратомъ полицейской репрессіи, и, возбудивъ широкіе слон пролетаріата, сдѣлать ихъ главнымъ резервуаромъ революціонной энергіи.

Этотъ фактъ не могъ не вызвать цѣлаго ряда производныхъ явленій.

Буржуазное „общество“ политически соединено съ революціонной массой слоемъ высшей возбудимости и „проводимости“ — революціонной интеллигенціей. На ней прежде всего сказалось политическое пробужденіе „народа“. Студенческая волна поднялась выше, чѣмъ когда бы то ни было раньше. На ея гребнѣ показалось нѣсколько отважныхъ, героическихъ фигуръ, въ которыхъ общество, съ двойственнымъ чувствомъ скорби и гордости, узнало своихъ дѣтей. Демократія тронулась съ мертвой точки и стала послѣдовательными пластами, отъ лѣвой руки къ правой, вдвигаться въ политическій потокъ. Правое крыло демократіи сразу обнаружило готовность опереться на политически тяжеловѣсные элементы земской оппозиціи. На гребнѣ этой земско-интеллигентской волны тоже показалась „фигура“, разумѣется, нимадо не героическая... Общество отнеслось къ ней съ двойственнымъ чувствомъ — самодовольства („нашъ!“) и нѣкоторой „хозяйской“ подозрительности.

Этотъ политическій процессъ, выбрасывавшій изъ себя отдѣльныя фигуры — то подъ перекладину шиллессбургской висѣлицы, то на мирную улицу уѣзднаго города Штутгарта — „внѣ предѣловъ дѣйствія русской полиціи и цензуры“¹⁾ — этотъ процессъ совершался, разумѣется, не механически, онъ требовалъ и вырабатывалъ для себя рядъ параллельныхъ *идеологическихъ* процессовъ, въ которыхъ опредѣлялась, оформлялась и

1) „Освобожденіе“, № 1.

закрѣплялась политическая группировка размежевавшейся интеллигенции. Разумѣется, та нервная смѣна философскихъ вѣрованій и теоретическихъ міросозерцаній, которая наблюдается въ русской интеллигенціи за послѣдніе полтора десятка лѣтъ, подчинена общей логикѣ познающей и обобщающей *человѣческой мысли*, — но съ этой логикой, какъ и всегда, встрѣчается другая, гораздо менѣе гибкая и уступчивая, гораздо болѣе властная и нетерпимая логика *политическаго интереса*. Она подчиняетъ себѣ первую, дѣлаетъ свою волю ея волей и свой законъ ея закономъ.

Исходнымъ пунктомъ идейнаго пробужденія широкихъ круговъ интеллигенціи послѣ свинцовыхъ сумерекъ 80-хъ годовъ было внесеніе идей „экономическаго матеріализма“ въ нашу легальную литературу. Марксизмъ пришелъ, легитимировался и овладѣлъ широкимъ полемъ, на которое онъ, если вѣрнѣе ему самому, не имѣлъ въ сущности историческихъ правъ... Но въ концѣ концовъ марксизмъ оказался правъ — противъ самого себя. Эксплуатируя марксизмъ, какъ незамѣнимое орудіе борьбы противъ народничества, ставшаго сверху до низу реакціоннымъ, — какъ цѣлостное теоретическое оправданіе ея естественнымъ тяготѣніямъ къ „свропеизаціи“ русской общественной жизни, интеллигенція — особенно ея все болѣе и болѣе опредѣлявшееся правое крыло — освобождалась, сперва робко, а потомъ съ все возрастающей настойчивостью, отъ революціонно-пролетарскихъ выводовъ марксизма. Это самоосвобожденіе и выступило въ видѣ безпощаднаго „пересмотра догмы“, „пульверизаціи марксизма“, по злорадному выраженію покойнаго Михайловскаго. Но на самомъ дѣлѣ процессъ „пульверизаціи“ опредѣлялся, вопреки мнѣнію идеалистовъ „позитивистскаго“ или „метафизическаго“ толка, не теоретической несостоятельностью доктрины, а общественными мотивами, которые только съ точки зрѣнія этой доктрины получаютъ свое освѣщеніе и объясненіе.

Выше мы сказали о нашей партіи, что, поглотивъ все дѣйствительные элементы демократіи, она лишилась тѣмъ самымъ возможности противопоставлять себя этой послѣдней, и именно этимъ была на долгій періодъ предопредѣлена ея примитивность. Но „гои природы въ дверь, она влетитъ въ окно“. То размежеваніе, которое только и должно было „напрочь“ классовую энергію социалистическаго движенія, размежеваніе между пролетарскими и буржуазно-демократическими элементами, начало развиваться въ предѣлахъ одного общаго, всю интеллигенцію захватившаго вѣроученія, упрощеннаго марксизма. Не социалистическіе элементы начали отдѣляться отъ буржуазно-демократическихъ, но, наоборотъ, послѣдніе стали интенсивно очинять — въ формѣ „критики“ — свое сознаніе отъ всехъ классовыхъ элементовъ марксизма. Революціонная доктрина лишилась своего классоваго лезвія, которое систематически, на половину инстинктивно, на половину сознательно, притулялось — при помощи ли схоластическаго доктринерства въ формальныхъ рамкахъ марксизма или при помощи открытой „кри-

тики" марксизма, когда даже его рамки оказывались стѣснительными. . . .

Марксизмъ, сказали мы только что, овладѣлъ у насъ такими общественными элементами, на которые онъ не имѣлъ въ сущности правъ. Но точно ли такъ? Не наоборотъ ли: не овладѣли ли эти элементы марксизмомъ для своихъ временныхъ цѣлей? Теперь не нужно много политической проицательности, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Чѣмъ именно былъ марксизмъ для россійской демократіи въ цѣломъ, объ этомъ вполнѣ опредѣленно говорить намъ бывшіе „марксисты“, вчерашніе „критики“, сегодняшніе „идеалисты“. Одинъ изъ авторовъ „Проблемъ идеализма“, г. П. Г., признастъ за марксизмомъ ту заслугу, что онъ „далъ новую, ясную и практическую публицистическую программу“ (стр. 88). И тотъ же авторъ одной страницей ранѣе говоритъ, что „соціализмъ, какъ таковой, ни тогда (во времена Чернышевскаго), ни теперь не могъ дать ясной публицистической программы“. Такимъ образомъ, указанная выше заслуга принадлежит марксизму постольку, поскольку онъ — не соціализмъ. Но что же представляетъ изъ себя марксизмъ минусъ соціализмъ? У г. П. Г. мы найдемъ совершенно недвусмысленный отвѣтъ, гласящій, что „крупная заслуга (курсе. автора) русскаго марксизма“ состоитъ въ „научномъ объясненіи исторической необходимости капитализма въ Россіи“, а значитъ и въ „условно-историческомъ оправданіи капитализма“ (стр. 88). Другими словами. Марксизмъ освободилъ совѣсть интеллигенціи отъ обязательствъ кого-то или что-то охранять отъ капитализма, марксизмъ позволялъ бороться за сиропизацію общественнаго строя, *марксизмъ далъ интеллигенціи теоретическія основы для борьбы за политическое рѣшкритиченіе*. Въ этомъ вся его „заслуга“. Съ этой тѣчки зрѣнія становится понятнымъ слѣдующее, на первый взглядъ, чудовищное утвержденіе г. П. Г. о г. Струве (котораго авторъ, къ слову сказать, до неприличія высоко оцѣниваетъ): Струве, „отнавъ отъ позитивизма, въ *философскомъ* (курсе. автора) отношеніи пересталъ быть и марксистомъ“ (стр. 90). Только въ философскомъ? Да, ибо „научно-положительные результаты марксизма и цѣнные приобрутенія его публицистической программы не затрогиваются метафизическимъ поворотомъ“ (стр. 90). Итакъ, редакторъ „Освобожденія“ въ политическомъ смыслѣ оказывается „марксистомъ“. И рядомъ съ нимъ стоитъ г. Булгаковъ. Этотъ тоже отрицаетъ „соціально-философскую доктрину марксизма“ и исходитъ „изъ совершенно другихъ философскихъ основаній“, — но и онъ остается вѣренъ марксизму „во всемъ, что касается основныхъ вопросовъ конкретной соціальной политики“ (Булгаковъ, „Отъ марксизма къ идеализму“, стр. 315). . . .

Въ сущности, г. П. Г. представляетъ отношеніе русской интеллигенціи 90-хъ годовъ къ марксизму въ слишкомъ грубомъ и обнаженномъ видѣ. Это *теперь*, когда догорѣли многіе огни и облетѣли многіе цвѣты, г. П. Г. можетъ прицѣпываться, отъ имени своего прошлаго, къ марксизму съ такой явной буржуазно-апологетической цѣлью: значеніе марксизма въ оправданіи капи-

тализма. Тогда, въ началѣ и серединѣ 90-хъ годовъ, марксизмъ — субъективно — былъ даже для господъ П. Г. чѣмъ то большимъ, чѣмъ простое оправданіе капиталистической эксплуатаціи... Но если г. П. Г. и повиненъ въ безцеремонномъ отношеніи къ своему прошлому, въ которомъ какъ-никакъ были эленты „романтизма“, то онъ все же даетъ насомнѣнно правильный отвѣтъ на вопросъ: за какія заслуги марксизмъ былъ допущенъ въ большіе литературные салоны? — онъ, какъ мы слышали, доставилъ цѣнную „публицистическую программу“, свободную отъ социализма.

Ясно, что люди, такъ оцѣнивающіе марксизмъ, не были марксистами: они были и остаются философскими паразитами одной механически выдѣленной ими стороны марксизма, состоящей въ теоретическомъ „оправданіи“ каждой данной формы общественныхъ отношеній внутренними законами общественнаго развитія. Такое „оправданіе“, механически вырванное изъ контекста діалектискаго міросозерцанія, можетъ санкціонировать крайне консервативныя выводы, — но въ дѣйствительномъ, не фальсифицированномъ марксизмѣ это „оправданіе“ подчинено безусловно революціонной сторонѣ матеріалистической діалектики: всякая форма общественныхъ отношеній изъ себя развиваетъ свои противорѣчія и падаетъ въ концѣ концовъ ихъ жертвой. „Критика“ и должна была лишить марксизмъ этой его второй, веуживчивой стороны. Но такъ какъ очищеніе марксизма отъ его „ненаучныхъ“ (т. е. революціонныхъ) переживаній скоро приняло форму борьбы съ революціонными марксистами, то скоро и весь марксизмъ потерялъ для господъ П. Г. всякую привлекательность: онъ превратился въ чужую доктрину.

Вотъ какими выразительными словами рисуетъ этотъ моментъ одинъ изъ пережившихъ его: „Такимъ образомъ, почва постепенно уходила у меня изъ-подъ ногъ. Отъ зданія, которое еще недавно казалось столь стройнымъ и цѣльнымъ, остались одиѣ стѣны. Конечно, извѣстные социальнo-политическія требованія (мы уже знаемъ, какія... Н. Т.), которыя выставляются жизнью, сохраняютъ свое практическое значеніе и внѣ всякой теоріи... Но тѣмъ не менѣе мыслящій человекъ естественно стремится осмыслить эти разрозненныя требованія, — одухотворить ихъ единствомъ міросозерцанія и идеала. И это-то единство, которое прежде давалось марксизмомъ, теперь было утрачено“ (Булгаковъ, „Отъ марксизма къ идеализму“, пред., XIII стр.). Цитируемый нами писатель думаетъ, будто на наниѣ марксистскій взглядъ „дѣло представляется такимъ образомъ, что нѣкоторыя цасынки марксизма по тѣмъ или другимъ соображеніямъ (преимущественно практическаго характера) въ подходящій моментъ капитулировали подъ стѣнъ идеализма, въ мирную обитель звуковъ сладкихъ и молитвъ“ („Отъ марксизма къ идеализму“, пред., стр. V и VI). Конечно, это вздоръ. Въ „объясненіи“ (или обвиненіи), которое отъ имени марксистовъ предъявилъ себѣ г. Булгаковъ, коллективно-психологическіе мотивы замѣнены индивидуальнo-практическими, матеріалистическое объясненіе подмѣнено этическимъ осужденіемъ, идеализмъ, какъ средo широкихъ круговъ интелли-

генціи, отодвинуть фигурами гг. Булгакова и Бердяева, удаляющихся „по соображеніямъ практическаго характера“ въ мирную обитель звуковъ сладкихъ и молитвъ... По какимъ собственно *мыслямъ* — практическимъ или „религіознымъ“ — „соображеніямъ“ тѣ или иные изъ вождей „идеализма“ удалялись съ извѣстныхъ постовъ, это дѣло ихъ судей-біографовъ, если вообще вожди „идеализма“ заработаютъ себѣ біографовъ. Но какія соціально-политическія условія создали психологическій резонансъ для идейныхъ „передвижелій“ „нѣкоторыхъ пасынковъ марксизма“ — этотъ вопросъ несомнѣннѣйшимъ образомъ входитъ въ компетенцію историческаго материализма и только имъ и разрѣшается.

Мы уже сказали, что пролетарская доктрина, марксизмъ, сдѣлала совершенно непредусмотренное ея творцами дѣло: она дала російской демократіи нравственное право съ чистымъ сердцемъ и яснымъ лбомъ отправиться „на выучку къ капитализму“, послѣ чего пришедшая на выручку „критика“ очистила сознание нашей демократической интеллигенціи, пробужденной пролетариатомъ къ политической жизни, отъ того идейнаго уваженія къ соціологической доктринѣ вообще, къ научному социализму въ особенности, которое было привито марксизмомъ, какъ орудіемъ борьбы съ реакціоннымъ народничествомъ. — А дальше? Чистый идейный паразитизмъ, въ формѣ голой *критики* марксизма, доктрины другого общественнаго класса, не можетъ поддерживать существованіе широкихъ круговъ демократіи — въ періодъ ея оппозиціоннаго расцвѣта, когда она готовится развернуть широкіи доступнаго ей политическаго энтузіазма... Мы только что слышали отъ г. Булгакова, что „мыслящій человѣкъ естественно стремится осмыслить разрозненныя требованія, — одухотворить ихъ единствомъ міросозерцанія и идеала“. Распространенія съ марксизмомъ „мыслящій“ либераль „естественно стремится“ построить себѣ новый храмъ, въ которомъ онъ могъ бы безъ помѣхи молиться своимъ богамъ. Но построить этотъ философскій храмъ изъ элементовъ реалистическаго мышленія было совершенно немыслимо для г. Булгакова и для всѣхъ тѣхъ, которые эволюціонировали вмѣстѣ съ нимъ, — вѣдь русскія традиціи реалистическаго мышленія неизбѣжно упирались въ марксизмъ: это было убійственно ясно для всѣхъ, имѣвшихъ въ своемъ біографическомъ багажѣ борьбу съ соціологическимъ „субъективизмомъ“ и народничествомъ. Обратиться къ философскому „реализму“ значило наткнуться на марксизмъ, который только что такъ тщательно, такъ долго очищали отъ „ненаучности“, что наконецъ очистили до... тла. *Отказъ отъ марксизма означалъ тѣмъ самымъ отказъ отъ традицій реалистическаго міросозерцанія вообще.* И что же? Идеологи русскаго либерализма, прошедшіе предварительно школу марксизма и въ этой школѣ теоретически „поврежденные“, оказались вынужденными искать духовнаго прибѣжища на высотахъ идеалистической метафизики и даже, говоря словами Фейербаха, въ „сумасшедшемъ домѣ богословія“...

„Мыслящій“ либераль „естественно стремится осмыслить разрозненныя требованія“ демократіи. Но его классовый инстинктъ гонитъ его отъ соціально-исторической точки зрѣнія, ибо она

монополизирована марксизмомъ, какъ внешнимъ моментомъ соціологическаго мышленія. Марксизмъ сдѣлалъ соціально-историческую точку зрѣнія — классовой точкой зрѣнія и, при помощи ея, онъ „осмысляетъ“ „разрозненныя требованія“, какъ продуктъ классоваго интереса. Для „мыслящаго“ либерала или демократа такая точка зрѣнія означала бы политическое самоубійство: примѣнивъ ее, они оказались бы въ собственныхъ глазахъ политическими представителями господствующихъ классовъ. Ясно, что они вынуждены были искать теоретической опоры *внѣ* историческаго процесса и входящихъ въ него классовыхъ реальностей. — они должны были обратиться къ міру *надъ* историческому. Отъ текущаго эмпирическаго „сущаго“ они апеллировали къ неизмѣнному и вѣчному „должному“. Категорическій императивъ морали былъ призванъ для того, чтобы философски „осмыслить“ тѣ разрозненныя политическія требованія, вскрыть и формулировать которыя взялось штутгартское „Освобожденіе“. И объективно и субъективно идеологамъ либерализма *необходимо* было представить свою программу не какъ вульгарную платформу скаредно-прогрессивной буржуазіи, но какъ выраженіе вѣчныхъ законовъ морали, — и мы видѣли, какъ, въ отвѣтъ на эту „необходимость“, „Проблемы идеализма“, не сходя съ своей сверхъ-исторической позиціи, доказали, при помощи очень маленькихъ силлогизмовъ, что „формальный принципъ морали устраняетъ одинаково и этическій консерватизмъ и этическую утопію земаго совершенства. Онъ осуждаетъ... представленіе о возможности всеобщей гармоніи интересовъ и силъ, достигаемой осуществленіемъ этого идеала въ дѣйствительности“. (288). Короче: категорическій императивъ, какъ руководящій принципъ политики, „устраняетъ“ непримиримый консерватизмъ и „осуждаетъ“ непримиримый революціонный соціализмъ. Онъ „одобряетъ“ либерализмъ. И г. Булгаковъ со своей точки зрѣнія вполнѣ правъ, когда говоритъ: „этого принципа не много и не мало, а какъ разъ достаточно для обоснованія всѣхъ освободительныхъ стремленій нашего времени“. („Отъ марксизма къ идеализму“, пред., XXI).

Такимъ образомъ позиція упрощена. „Исчезающія права человека и гражданина“, поставленныя подъ непосредственную охрану категорическаго императива, должны отнынѣ служить опорной базой для борьбы на два фронта: сегодня — съ самодержавной полиціей, завтра — съ пролетаріатомъ, сегодня — съ абсолютизмомъ, завтра — съ соціализмомъ.

Въ то время, какъ либерально-умѣренное крыло интеллигенціи пыталось укрѣпиться въ цитаделяхъ метафизики, промежуточные элементы ея, освобожденные той же „критикой“, просто рѣшили, что отнынѣ — *все позволено!* Нѣтъ сомнѣній, французская революціонная демократія не праздновала съ такой радостью праздникъ богини Разума, какъ наша „соціально-революціонная“ интеллигенція — свой праздникъ освобожденія отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ теоретическому разуму. Прочитайте „Вѣстникъ русской революціи“, органъ „освобожденнаго“ соціализма, — это своего рода „соціалистически-революціонный“ Де-

камеронъ, собраніе повелѣтъ, далеко не столь художественныхъ, какъ новеллы Боккаччіо, но въ одинаковой мѣрѣ воплощающихъ бурный протестъ проснувшейся буржуазной „плоти“ противъ тиранническихъ оковъ, безаналогично налагавшихся въ теченіе извѣстнаго періода господствующей „ортодоксальной“ церковью. Въ атмосферѣ, освобожденной „критикой“ отъ идейнаго гнета марксизма, широкіе слои интеллигенціи, шумно врывавшіеся въ область революціонной борьбы, чувствовали себя независимыми отъ суровой „догмы“. Но они — въ лицѣ „соціалистовъ-революціонеровъ“ — не отвергли все же марксизма цѣликомъ: такое отверженіе наложило бы на нихъ слишкомъ большія обязательства. Они эксплуатируютъ марксизмъ по частямъ, хищнически, въ интересахъ оправданія отдѣльных актовъ политическаго авантюризма. Отношеніе „соціалистовъ-революціонеровъ“ къ марксизму есть лишь теоретическое отраженіе ихъ политическаго отношенія къ пролетаріату. Они не признаютъ въ пролетаріатѣ самостоятельной политической силы, но и не поворачиваются къ пролетаріату спиной: они согласны его политически эксплуатировать¹⁾...

¹⁾ Промежуточное положеніе нашихъ „субъективныхъ“ соціалистовъ между соціалистической партіей пролетаріата и либеральной партіей буржуазіи замѣчательно ясно отражается въ сферѣ философіи.

Если „субъективный критерій“, который долженъ направлять нашу дѣятельность, обязанъ своимъ происхожденіемъ эмпирической дѣйствительности, тогда онъ имѣетъ неизбежно социальнo-историческій, значить классовый характеръ. И наша задача: отъ данной намъ, какъ фактъ, оцѣнки провести вспомогательными линіями *внизъ*, установить классовую природу даннаго субъективнаго критерія и поставить его тѣмъ самымъ подъ контроль *объективнаго критерія*, т. е. законовъ соціального развитія. Съ этой точки зрѣнія, „субъективизмъ“, который замыкается въ самомъ себѣ, знаменуетъ страхъ „позитивной“ мысли предъ своими выводами.

Если же „субъективный критерій“ автономенъ отъ соціальной эмпириі, на руководство которою онъ посягаетъ, тогда долженъ быть сверхъ-эмпирической источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ критеріемъ и масштабомъ нравственной и иной оцѣнки. Тогда наша задача — провести отъ данной намъ, какъ фактъ, оцѣнки линіи *сверхъ*, въ потусторонній міръ долженствованія и тѣмъ самымъ опять-таки поставить субъективный критерій подъ контроль „объективнаго критерія“, именно абсолютной нормы. Долга. Съ этой точки зрѣнія, замкнутый въ себѣ „субъективизмъ“ предполагаетъ малодушный отказъ мысли отъ собственныхъ метафизическихъ (или религіозныхъ) предпосылокъ.

(NB. Либо „экономическій матеріализмъ“, либо философскій идеализмъ. Эта дилемма, стоящая предъ „субъективизмомъ“, наглядно демонстрируетъ — методомъ „отъ обратнаго“ — столь часто отрицавшуюся внутреннюю связь между философскимъ матеріализмомъ и матеріалистическимъ пониманіемъ общественнаго развитія).

То, что Европа в муках рождала, то, что она изживала общественно и политически, русская интеллигенция усваивала легко, по книжкамъ и газетамъ, по увы! — при первой же смѣнѣ обстоятельствъ она столь же легко освобождалась отъ своего новаго достоянiя... Стоило ей ощутить подъ собою революционную силу и наполниться сознаниемъ или предчувствiемъ своего близкаго политическаго значенiя, какъ она немедленно же обнаружила совершенно непредвидѣвшуюся марксистами девяностыхъ годовъ способность къ идеологическимъ рецидивамъ — въ формѣ замаскированнаго народничества, историческаго субъективизма, и идеалистической метафизики. Столь надежныя, казалось, „марксистскiя“ фаланги все болѣе и болѣе таяли... Званiе „бывшаго марксиста“, „бывшаго социалдемократа“ сразу стало входнымъ билетомъ въ „лучше дома“ литературной „теримости“, — и никому — никому, кромѣ небольшой сравнительно группы, — не казалось, что это почетное „званiе“ свидѣтельствуетъ лишь о переселенiи изъ боевой армiи пролетарiата во вражiй лагерь. А такое переселенiе называется политическимъ ренегатствомъ...

И вотъ въ то время, какъ вчерашнiе „единомышленники“ наскоро собирали свои пожитки, точно боясь опоздать къ отходу поѣзда, большинство работниковъ партiи, душою и тѣломъ предавшихъ дѣлу пролетарiата, неспособно было даже понять политическiй смыслъ происходившихъ на ихъ глазахъ „передвиженiй“ интеллигенци. Социалдемократы-„экономисты“ не цѣнили марксизма, потому что почти не пользовались имъ, какъ политическимъ оружиемъ. Они взяли изъ марксизма два-три упрощенныхъ тезиса, которые санкционировали въ ихъ глазахъ ихъ побѣдоносную тактику, — и они съ самоубiйственнымъ равнодушиемъ относились къ марксизму въ цѣломъ. Болѣе того. Они сами оказались очень воспримчивы къ буржуазной „критикѣ“. Теоретической партiйной атмосферы не было, — и практики „экономизма“ дышали атмосферой легальной журналистики, съ ея буржуазно-апологетическимъ „марксизмомъ“ и съ ея „критикой“, дышали и заражались ею. Въ общемъ это былъ невеселый перiодъ повальнаго бѣгства интеллигенци изъ марксизма — на фонѣ приведенныхъ въ движенiе массъ городского пролетарiата. Социалдемократическая партiя изъ *факта*, правда, крайне примитивнаго, становилась *вопросомъ*, правда очень, сложнымъ.

Именно, какъ сложный вопросъ, взяла нашу партiю „Искра“

„Именемъ марксизма“!

(Перiодъ „Искры“.)

И сказалъ богъ: „Да будетъ свѣтъ!“ И сталъ свѣтъ. И отдѣлилъ небо отъ земли, день отъ ночи и буржуазную демократiю отъ социалистической. Исчезъ первозданный хаосъ и настало царство революционной социалдемократической политики. Таковъ библейскiй слогъ комитетскихъ признанiй и провозглашенiй по адресу „Искры“. Полное отсутствiе исторической перспективы является ихъ основной чертой.

„Искра“ не „самочинно“ выбирала собѣ задачи. Онѣ были навязаны ей охарактеризованными выше условиями политическаго момента. „Экономисты“ пробудили къ жизни новыя силы и оказались не въ состояніи овладѣть ими. Они вызвали массовое движеніе и опустили руки предъ лицомъ задачи — придать этому массовому движенію классовый характеръ. Они оживили черезъ посредство рабочаго движенія демократическую интеллигенцію, но не только не подчинили ея своему контролю, наоборотъ, спасовали передъ нею, когда она открыла теоретическую кампанію противъ принциповъ самостоятельной классовой политики пролетаріата.

Эти два явленія опредѣлили основныя задачи всего періода „Искры“. Въ частности, второе — быстрое паростаніе демократіи — наложило неизгладимую печать на обликъ нашей первой политической газеты.

Необходимо было — разъ была вѣра въ политическую правоспособность социалдемократіи — принять самое активное участие въ размежеваніи демократической интеллигенціи съ тѣмъ, чтобы, именовъ марксизма, отвоевать для дѣла рабочаго класса возможно большее число сознательныхъ сторонниковъ... „Именовъ марксизма“! — весь періодъ стоялъ подъ этимъ лозунгомъ, вокругъ него происходила группировка революціонной интеллигенціи, этотъ лозунгъ сталъ грознымъ, какъ нѣкогда „Слово и дѣло!“

„Искра“ не совершила чудесъ. Она не отдѣлила земли отъ неба и суши отъ воды. Но, опираясь на „Зарю“, возстановляющую марксизмъ, „Искра“ много сдѣлала въ сферѣ политическаго размежеванія демократической интеллигенціи. Періодъ „экономизма“ былъ эпохой непосредственной и исключительной борьбы за вліяніе на пролетарскую массу, — борьбы не съ другими демократическими партіями, а съ некультурностью самого пролетаріата и варварствомъ російскихъ политическихъ условий. Періодъ „Искры“, по своему объективному политическому смыслу, былъ эпохой непосредственной борьбы за вліяніе на революціонную интеллигенцію — на фонѣ вовлеченія пролетаріата въ общедемократическую борьбу. Въ этомъ основное политическое различіе и историческое „оправданіе“ двухъ послѣднихъ періодовъ жизни нашей партіи. *Это различіе, а значитъ и смыслъ всего періода „Искры“ долженъ прежде всего понять всякій, кто хочетъ хотя бы только подойти къ нашимъ теперешнимъ партійнымъ разногласіямъ.*

Періодъ „Искры“ былъ періодомъ борьбы за вліяніе на интеллигенцію. „Искра“ сказала: *„необходимо размежеваться“*. И она размежевывала и отмежевывалась. Но это означаетъ не то, что „Искра“ вырабатывала *тактические* приемы непосредственнаго политическаго „размежеванія“ пролетаріата и буржуазіи — въ этомъ направленіи она сдѣлала крайне мало — нѣтъ, она примѣняла реставрированныя „Зарю“ марксистскія *теоретическія* основы для дѣла размежеванія принципиальныхъ *сторонниковъ* пролетаріата и потенциальныхъ „сторонниковъ“ буржуазіи въ средѣ демократической *интеллигенціи*. *„Надо размежеваться“*. Разумѣется, „въ конечномъ счетѣ“ это означало политическое самоопре-

дѣленіе пролетаріата въ формѣ самостоятельной классовой политики. Но эта „конечная цѣль“ лишь субъективно подразумѣвалась — развернуть ее составляет миссію новаго большого и богатаго періода, солнце котораго можетъ быть уже занимается надъ партіей. Задача же старой „Искры“, ею дѣйствительно выполненная, состояла въ томъ, чтобы — съ отточеннымъ лезвіемъ марксистской доктрины наголо — удержать всѣ тѣ элементы изъ среды демократической интеллигенціи, которые еще не окончательно погбли для „идеи четвертаго сословія“.

Нужно оговориться. Мы имѣемъ въ виду *объективную задачу*, которую выполнила „Искра“. Мы говоримъ объ „Искрѣ“, но какъ она была задумана, не какъ она родилась, но какъ она *стала*. Субъективно „Искра“ ставила себѣ самыя широкія цѣли: прежде всего, возвышеніе стихійнаго рабочаго движенія на степень политическаго и затѣмъ, руководство — именемъ пролетаріата, класса освободителя! — „всѣми тѣми, кому дорого имя—*свобода!*“ (№ 3). Политическая газета, какъ *соціалъдемократическая*, должна была служить свѣточемъ революціонному пролетаріату, какъ *демократическая* — путеводной звѣздой борющейся демократіи. Но оказалось, что невозможно на литературномъ пути достигнуть тѣхъ политическихъ эффектовъ, которые не отвѣчаютъ соотношенію политическихъ силъ. Не только соціалъдемократія не можетъ бороться *за* рабочихъ, но и соціалъдемократическая газета не можетъ бороться *за* соціалъдемократію. Если послѣдняя по глубинѣ своего вліянія на пролетарскія массы, по энергіи и цѣлесообразности политическаго дѣйствія не способна завоевать себѣ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ демократической борьбы, то соціалъдемократическая газета тщетно будетъ пытаться взять на буксирь всю демократію — однимъ именемъ класса-освободителя. Исторія не допускаетъ „замѣстительствъ“.

Демократія не позволила взнуздать себя чисто литературными средствами, ибо литература — это именно та область, гдѣ интеллигенція всего сильнѣе и потому всего независимѣе. Поставить, по живому образцу „Искры“, „Освобожденіе“ и „Революціонную Россію“ и тѣмъ ликвидировать всякія даже „временно-обязательныя“ отношенія къ партіи пролетаріата было дѣломъ 1-2 лѣтъ.

По мѣрѣ того, какъ демократія обзаводилась собственнымъ „идеологическимъ“ хозяйствомъ, которое мы охарактеризовали въ предыдущей главѣ, политическая отсталость пролетаріата сказывалась въ томъ, что его собственной партіи стала грозить опасность — если не цѣликомъ, то значительной долей раствориться въ демократіи. „Искра“, разъ она оставалась вѣрна дѣлу пролетаріата, была вынуждена уже не „именемъ пролетаріата“ вязать демократію, но „именемъ марксизма“ отбиваться отъ нея. „Искрѣ“ пришлось — хотѣла она этого или нѣтъ — отдать главную долю своихъ усилій задачамъ „размежеванія“, для выполненія которыхъ сперва предназначалась одна „Заря“. Руководительница соціалъдемократической борьбы подъ гегемоніей партіи пролетаріата *по замыслу*, „Искра“ *на томъ* превратилась въ органъ политической самозащиты соціалъдемократической интеллигенціи во имя объективной задачи: вовлеченія подъ своимъ знаменемъ пролетаріата

въ общедемократическую борьбу. Этотъ переломъ, совершившійся наполовину стихійно, придавъ газетѣ ту боевую „неустово-полемическую“ физиономію, которая предносится передъ всякимъ, когда онъ слышитъ имя „Искры“... Въ № 35, въ превосходной статьѣ тов. Старовѣра, „Искра“ отдаётъ себѣ отчетъ въ происшедшихъ объективныхъ перемѣнахъ, подъ влияніемъ которыхъ сложились ея собственный обликъ. „Поворотъ въ умахъ демократіи, говоритъ Старовѣръ, — совершившійся фактъ“. „Идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, смѣняется идеей освободительной борьбы, въ которой пролетаріату отведено подчиненное мѣсто“ („О двуликой демократіи“).

Львиная доля „Искры“ была посвящена критикѣ „экономизма“, предразсудковъ народничества, терроризма, націонализма. „Искра“ какъ говорили, была не *политической*, а *полемической* газетой. Ее обвиняли въ томъ, что она борется не столько съ самодержавіемъ, сколько съ другими революціонными фракціями. Выводы, которые неизбежно вытекаютъ изъ этого упрека, если быть послѣдовательнымъ, означаютъ, что „Искрѣ“ не слѣдовало выдвигать такіа политическія идеи, которыя не общи всему освободительному движенію въ цѣломъ, — а это значить, что *слѣдовало* растворить классовую идею въ демократической. Для социалдемократіи это значило бы отказаться отъ всякихъ видовъ на будущее. „Искра“ на это, къ счастью для Партіи, не пошла. Наоборотъ, большую часть своего вниманія она отдала „фракціоннымъ разногласіямъ *внутри интеллигенціи*“. Борясь съ терроризмомъ, народничествомъ, націонализмомъ, „Искра“ указывала *интеллигенціи* путь борьбы за историческіе интересы пролетаріата. Непосредственно тутъ передъ „Искрой“ стояла не задача политическаго обособленія пролетаріата, а задача уясненія историческихъ интересовъ пролетаріата въ сознаніи интеллигенціи.

Когда Лассаль велъ свою неустовую войну съ прогрессистами, онъ боролся непосредственно за влияніе на уже вовлеченныхъ въ общедемократическіе интересы рабочихъ, среди которыхъ прогрессисты имѣли своихъ организованныхъ приверженцевъ. Когда же мы боремся съ народничествомъ или идеализмомъ, мы имѣемъ въ виду непосредственно не рабочихъ, а интеллигенцію, которая прежде всего уйдетъ отъ насъ, а затѣмъ уже пойдетъ къ рабочимъ съ мелкобуржуазнымъ народничествомъ или буржуазнымъ либерализмомъ. „Искра“ не привлекала „соціалистовъ-революціонеровъ“, какъ Лассаль прогрессистовъ, на *политическій* судъ пролетаріата, — наши комитеты дѣлали это въ ничтожныхъ размѣрахъ, — она подвергала ихъ лишь *теоретическому* осужденію съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата, и *въ этомъ смыслѣ* — именемъ пролетаріата. „Искра“ не сталкивала пролетаріата лицомъ къ лицу со всѣмъ буржуазнымъ міромъ, — она лишь вербовала въ интеллигенціи принципиальныхъ сторонниковъ такого „сталкиванія“. Она не вырабатывала тактическихъ формъ самостоятельной политики пролетаріата — даже нѣсколько такіа тактическія формы возможны при нашихъ общественно-историческихъ условіяхъ, — она лишь доказывала революціонной интеллигенціи необходимость такой самостоятельной политики.

Какъ бы усердно тотъ или другой изыскатель ни старался доказать, что у старой „Искры“ былъ цѣлый рядъ ошибокъ теоретическаго характера, сгубившихъ во цвѣтъ лѣтъ цѣлое поколѣніе социальдемократовъ, и что, если-бы въ свое время эти ошибки были исправлены, сообразно преподаннымъ указаніямъ, Партія пережила бы въ настоящій моментъ могучій и пышный расцвѣтъ, мы можемъ по этому поводу только нетерпѣливо пожать плечами. Не въ этомъ корень вопроса. Все дѣло не въ теоретическихъ оплошностяхъ (вредѣ отношенія „стихійности“ къ „сознательности“), по крайней мѣрѣ не столько въ нихъ, сколько въ *политической ограниченности* той задачи, которую классовые интересы пролетаріата возложили на группу социальдемократовъ въ опредѣленный историческій періодъ, когда лихорадочно-торопливый процессъ передвиженія и распредѣленія демократической интеллигенціи грозилъ почти безслѣдно разметать тѣ ея элементы, которые были до этого періода связаны въ одно неоформленное цѣлое субъективнымъ стремленіемъ „быть и остаться“ сознательнымъ орудіемъ „классоваго движенія организованныхъ рабочихъ массъ“.

Мало признать большія историческія заслуги „Искры“ и ужъ совѣтъ немногаго стоитъ пересчитать въ „Искрѣ“ всѣ неудачныя и двусмысленныя выраженія; необходимо сдѣлать больше: понять историческую ограниченность той роли, которую сыграла „Искра“. Она многое внесла въ процессъ дифференціаціи революціонной интеллигенціи, — и многое вынесла изъ этого процесса. Она перевела салонныя словопренія, литературную полемику, интеллигентскія объясненія за стаканомъ чая на языкъ политическихъ программъ; она матеріалистически связала разнообразныя теоретическія и философскія симпатіи съ извѣстными классовыми интересами и именно этимъ „раскольническимъ“ методомъ „размежеванія“ завоевала для дѣла пролетаріата *добрую долю интеллигенціи* и закрѣпила свою „добычу“ программными, тактическими и организаціонными рѣшеніями II съѣзда. Но вся эта работа стоитъ лишь у преддверія подлинной политической работы социальдемократів. И теперь вопросъ формулируется такъ: *какая задача должна составить душу новаго періода: дальнѣйшее ли „размежеваніе“ — теперь уже въ ограниченномъ кругу интеллигенціи, объединенной общей программой въ социальдемократическую партію — или же выработка методовъ непосредственнаго политическаго отдѣленія пролетаріата (а не только его „идеи“) отъ буржуазіи (а не только ея „идеи“).*

Мы настаиваемъ на второмъ отвѣтѣ. Партійное творчество, для котораго старая „Искра“ и собирала разбредавшуюся интеллигенцію, должно направиться на это *непосредственное рѣшеніе* нашей основной политической задачи, съ точки зрѣнія которой получаетъ свое объясненіе и оправданіе работа „Искры“, задачи, которая непосредственно „Искрой“ и практиками ея періода почти не ставилась — политическое отдѣленіе пролетаріата отъ буржуазіи.

Мы утверждаемъ, что Партія теперь только впервые приступаетъ къ пролетаріату. Во время „экономизма“ работа всецѣло

была направлена на пролетаріатъ, но принципиально это еще не была *соціалдемократическая* работа. Работа періода „Искры“ имѣла соціалдемократическій характеръ, но непосредственно она была направлена не на пролетаріатъ, — поскольку же она была направлена на пролетаріатъ, она — о чемъ скажемъ ниже — носила лишь *примитивно демократическій* характеръ. Только теперь соціалдемократія, какъ таковая, приступаетъ къ пролетаріату, какъ таковому.

Если мы такимъ образомъ опредѣлимъ нынѣшнее положеніе, то уже самая постановка вопроса открываетъ намъ не только возможность, но, до извѣстной степени, и неизбежность переживаемыхъ партіей разногласій. Каждый періодъ вырабатываетъ свою собственную косность и стремится свои тенденціи навязать движенію въ цѣломъ. Какъ „экономисты“ — въ силу естественной психологической абераціи — отождествляли руководимое ими профессиональное движеніе съ соціалдемократическимъ, — ибо они себя сознавали соціалдемократами, — такъ и „искровцы“ слишкомъ часто отождествляли борьбу за принципиальное признаніе классової политики пролетаріата съ выработкой этой политики, и въ силу такого отождествленія пришли въ концѣ концовъ къ полному игнорированію своей прямой задачи — реализовать въ соответственныхъ формахъ повседневной политической практики признаваемые ими принципы классової политики пролетаріата. Но объ этомъ еще рѣчь впереди¹⁾.

¹⁾ Мы не знаемъ, согласятся ли съ нашей оцѣнкой періода „Искры“ единомышленники тов. Ленина. Мы думаемъ, что нѣтъ, потому что это обязало бы ихъ къ цѣлому ряду непріемлемыхъ для нихъ выводовъ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что на Второмъ Съѣздѣ ни тов. Ленинъ, ни его единомышленники не пытались выступить противъ „узкой“ оцѣнки, данной въ моей рѣчи работѣ „Искры“. „Вспомнимъ, говорилъ я, какъ быстро овладѣлъ марксизмъ умами интеллигенціи въ началѣ 90-хъ годовъ. Для большинства этой интеллигенціи марксизмъ былъ орудіемъ идейной эмансипаціи нашей демократіи отъ устарѣвшей народнической идеологіи. Онъ обезпечивалъ за ней право съ свободной совѣстью пойти „на выучку къ капитализму“. Но марксизмъ выдвинулъ свое истинно революціонное содержаніе въ рабочемъ движеніи. Чѣмъ больше развивалось это послѣднее, тѣмъ настоятельнѣе становилась для демократіи потребность оформить свое отношеніе къ нему. Но сама демократія успѣла вырасти, окрѣпнуть и получить вкусъ къ самостоятельнымъ политическимъ нотамъ. Идеологія пролетаріата была ей не въ пору. Начинается критическій походъ противъ марксизма. Оффиціальная цѣль этого (похода) — освободить марксизмъ отъ некритическихъ, „догматическихъ“ переживаній. Истинная задача этого похода — освободить демократію отъ гнета марксистской идеологіи. „Критика“ „подкопала“ всѣ основы марксизма. Отъ обаянія марксизма не осталось и слѣда. Разлагающее вліяніе этой „критики“ сказалося и въ нашихъ рядахъ, въ рядахъ соціалдемократіи. Начался періодъ сомнѣній,

Когда Ленинъ подсовывалъ Каутскому абсурдные представленія объ отношеніи „стихійнаго“ и „сознательнаго“ элементовъ въ революціонномъ движеніи пролетаріата, онъ просто грубыми мазками рисовалъ задачу своего періода. Онъ обращался къ интеллигенціи, которая одна только и составляла аудиторію „Зари“, да и „Искры“, какъ „Искры“, со всей сложностью выдвинутыхъ ею проблемъ — и онъ говорилъ: „Сперва мы вась накачаемъ марксизмомъ, концентрированнымъ растворомъ сознательности, пропитаемъ вась подозрительностью къ буржуазной демократіи — и тамъ... за работу, въ атаку противъ „стихійности“! Въ этомъ, да, именно въ этомъ была задача: „накачать“ интеллигенцію марксизмомъ, закрѣпить, связать по рукамъ и ногамъ, чтобъ не разбредалась, чтобъ не перебѣгала, чтобъ не предательствовала... чтобъ пикнуть не смѣла противъ Маркса, чтобъ не дышала! — задача страшно сибиріиал, ибо марксистская интеллигенція таяла, какъ воскъ, уходила между пальцевъ къ — „соц.-революціонерамъ“ и къ либераламъ...“

Сказаннаго выше не нужно, разумеется, понимать въ томъ смыслѣ, что „Искра“, увлекшись своимъ участіемъ въ размежеваніи интеллигенціи, пришла къ игнорированію своихъ прямыхъ задачъ, что она забыла о пролетаріатѣ, погнавшись за „другимъ классомъ населенія“. Нисколько! Та интеллигенція, за которой „Искра“ гонялась, была *въ первую голову* — ея собственная партія. Истиниктъ политическаго самосохраненія толкалъ на борьбу съ „критикой“, бернштейнствомъ, терроризмомъ, народничествомъ, идеализмомъ, вносившими смуту и разложеніе въ тѣ самыя ряды, изъ которыхъ „Искра“ хотѣла строить объединенную партію. Между небольшою группою выдающихся социалъдемократовъ и пробуждавшейся рабочей массой прелегалъ слой мятущейся интеллигенціи, среди которой „свой“ терялись въ „не-своихъ“, — и прямая задача „Искры“ была: внести „порядокъ“ въ этотъ „хаосъ“. Именно вслѣдствіе этого наша первая политическая газета оказалась не органомъ *непосредственнаго* руководства политической борьбой пролетаріата, но принципиальной политической платформой, служащей размежеванію въ средѣ марксистской, полумарксистской и чуть-чуть-марксистской интеллигенціи. Нужно, однако, помнить, что „Искра“ застала серьезное и страшное послѣдство эпохи „экономизма“: *возбужденныя массы городской пролетаріата*. Борьба за вліяніе на интеллигенцію на этой исторической почвѣ — задача, глубоко отличная отъ той, какая стояла въ теченіе 80-хъ и отчасти 90-хъ годовъ передъ „Групиной Освобожденія Труда“. Тогда приходилось доказывать

платаній и разброда. Мы уступали буржуазной демократіи одну позицію за другой... Въ этотъ то критическій моментъ и выдвинулась группа „Искры“ и „Зари“, предиринявшая за свой страхъ и рискъ дѣло силоченія партій подъ знаменемъ революціоннаго социализма... (Второй очередной съѣздъ Р. С.-Д. Р. П., стр. 112). Во всѣхъ другихъ рѣчахъ „Искра“, сознательно или бессознательно, оцѣнивалась въ сущности подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія.

неизбѣжность развитія капитализма въ Россіи, и выводить отсюда историческую правоспособность социалъдемократіи. Для этого нужна была не газета, а журналъ, не „Искра“, а „Соціалъ-Демократъ“. Тѣ революціонеры, которые воспитались на „Соціалъ-Демократѣ“, стали были *пропагандистами* научнаго социализма. Другая задача стояла передъ „Искрой“. Она должна была воспитывать не пропагандистовъ, а *политическихъ руководителей* уже существующаго массоваго движенія. Достигнуть этого можно было не теоретическимъ лишь отстаиваніемъ методовъ марксизма, но и демонстраціею ихъ на токунихъ явленіяхъ общественно-политической жизни. Но и отстаиваніе методовъ и ихъ публицистическое примѣненіе *въ своемъ полномъ объемѣ и непосредственно* служила все той же цѣли: закрѣпленію и политическому просвѣщенію марксистской интеллигенціи.

Но этимъ не исчерпывается содержаніе прошлаго періода.

Стихійно возбужденныя городскія массы, какъ послѣдіе „экономической“ агитаціи, не только опредѣляли, фактомъ своего существованія, методы воздѣйствія на интеллигенцію, — эти массы требовали прежде всего непосредственнаго вниманія къ самимъ себѣ. „Помимо своихъ руководителей, писала „Искра“ въ № 3, пролетаріатъ ринулся въ бой, когда увидѣлъ, что радикальная часть общества готова не на шутку помѣряться съ правительствомъ... Русская социалъдемократія должна будетъ *поставить въ основу своей практической дѣятельности это явное стремленіе рабочихъ массъ принять активное участіе въ освободительной борьбѣ всей русской демократіи*; она должна будетъ сдѣлать это, если не пожелаетъ остаться за бортомъ, если не пожелаетъ передать свои права на руководство движеніемъ пролетаріата другимъ политическимъ силамъ“. И русская социалъдемократія дѣйствительно поставила это стремленіе рабочихъ массъ *во главу угла своей политической дѣятельности*.

Въ извѣстномъ смыслѣ партійная практика въ періодъ „Искры“ — но, разумѣется, не подъ ея исключительнымъ вліяніемъ — совершенно переродилась: изъ „профессіональнаго“, стачечнаго движенія, почти не рѣзнявшагося выступать за свои предѣлы, она превратилась въ систематическое политическое возбужденіе пролетаріата путемъ всестороннихъ политическихъ обличеній. Это различіе такъ рѣзко, что его можно принять — и его принимаютъ — за различіе между „средь-юніонизмомъ“ и классовой политикой пролетаріата. Съ этой точки зрѣнія соотношеніе между „Искрой“ и всей работой Партіи, а значить, и вся роль „Искры“ представляется въ самомъ упрощенномъ видѣ: революціонная социалъдемократическая газета непосредственно руководитъ революціонной социалъдемократической политикой пролетаріата. Такое представленіе столь же ложно, сколь и заманчиво.

Воплощеніе въ сферѣ политической практикѣ всѣхъ задачъ, выдвинутыхъ „Искрой“ и „Зарей“, было совершенно недоступно для Партіи. Социалъдемократическую тактику нельзя ни сценарировать въ любой моментъ и на любомъ мѣстѣ. Одна наличность пролетаріата еще не достаточна. Необходимы, въ качествѣ предпосылки, болѣе или менѣе широкіе слои пролетаріата, *воле-*

ченныя въ демократическую политику. Такого пролетаріата не было. Россійской социальдемократіи пришлось самой создавать эту предпосылку классовой политики, выполняя за буржуазную демократію ея историческую задачу: стихійнаго возбужденія пролетаріата (періодъ „экономизма“) и его вовлеченія въ сферу общедемократической борьбы („политическій“ періодъ). Пріемы „экономическаго“ агитаціи предназначены были на то, чтобы пробудить элементарныя *революціонныя инстинкты*, ищдіящіеся въ „стихійно“-слабнющей классовой психологіи пролетаріата; методы политическаго „обличительства“ годились на то, чтобы этимъ пробужденнымъ инстинктамъ придать форму сознательнаго *гражданскаго протеста*. Какъ ни различно, слѣдовательно, содержаніе двухъ предшествующихъ періодовъ, оба они объединяются тѣмъ, что представляютъ собою, въ объективномъ смыслѣ, выполненіе буржуазно-демократической работы — подъ принципиальнымъ знаменемъ социализма и, субъективно, изъ чисто социалистическихъ побужденій.

Если теоретики и публицисты „экономизма“ безпощадно урѣзывали социалистическое знамя, то группа „Заря“ и „Искры“ въ такомъ грѣхѣ противъ духа святаго совершенно неповинна: она ставила себѣ и Партіи задачу, общую всей международной социальдемократіи: соединеніе рабочаго движенія съ социализмомъ („И“. № 1), она развивала эту задачу теоретически, публицистически и полемически и именно вокругъ признанія этой задачи группировала своихъ сторонниковъ. Но работа, которую эти сторонники выполняли въ пролетаріатѣ — не только, впрочемъ „сторонники“, но и „противники“, толкавшіеся на тотъ же путь объективными запросами и подталкивавшіеся конкуренціей со сторонниками — исчерпывалась задачей: освободить сознаніе рабочихъ массъ „отъ гнета вѣковыхъ политическихъ предрассудковъ, изъ которыхъ главныя — слѣпая вѣра въ правительство, въ царскую милость и отсутствіе сознанія себя *равноправными гражданами* того общества, которое живетъ трудомъ рабочаго класса“ (№ 1). „Заря“ въ сферѣ теоріи, „Искра“ въ сферѣ публицистики и программной полемики указывали правильное соотношеніе между „равноправнымъ гражданиномъ“ и пролетаріемъ и на этомъ соотношеніи учили свою аудиторію социалистической политикѣ, по политическая жизнь возбужденныхъ массъ не пропитывалась сознаніемъ этого соотношенія, она вся дѣйкомъ исчерпывалась общими лозунгами освобожденія. „Мнѣ „Искра“ потому такъ и понравилась, пишетъ петербургскій рабочій, что она рабочаго за *гражданина* считаетъ, а это ахъ какъ важно!“ (№ 14).

Было бы поэтому прямою исторической ложью сказать, что „Искра“ непосредственно руководила политической жизнью пролетаріата — въ томъ смыслѣ, что она пыталась непосредственнымъ опытомъ движенія и на его непосредственные запросы давала непосредственныя отвѣты. Въ дѣлѣ размежеванія интеллигенціи „Искра“ дѣйствительно играла руководящую роль, выступая съ полнымъ правомъ, какъ хозяйинъ положенія: она была теоретически вооружена до зубовъ, а теоретическое оружіе въ этой борьбѣ означало все. Но сама эта борьба не означала всего. Про-

летарская доктрина политическаго развитія не может замѣнить политически развитою пролетаріата. И это обнаружилось не только на неуспѣшной попыткѣ „Искры“ перваго періода „именемъ пролетаріата“ подчинить демократію всеѣхъ направленной социальдемократической гегемоніи, но и въ полной недоступности для „Искры“ — непосредственно оплодотворять движеніе самого пролетаріата тѣмъ идейнымъ вкладомъ, который она вносила въ сознание революціонной интеллигенціи.

Разумѣется, то перерожденіе практики, которое сложилось за послѣдніе три-четыре года, происходило подъ прямымъ и косвеннымъ влияніемъ „Искры“. Но для того, чтобы давать только тѣ директивы, которыя учитывались практикой, только тѣ дозвуги, которые подхватывались ею, „Искрѣ“ — *отвлеченно говоря* — не нужно было быть „Искрой“, ей достаточно было быть революціонной демократической газетой. Что же касается тѣхъ сложныхъ политическихъ идей, которыя были внесены „Искрой“, какъ „Искрой“, то онѣ давались ею не столько въ счетъ настоящаго, сколько въ счетъ будущаго. Эти идеи, не впитывавшіяся непосредственно практикой, подготовляли въ сознаніи руководящихъ элементовъ движенія *идейный* предпосылки для постановки революціонно-классовыхъ тактическихъ задачъ — на „матеріальной“ почвѣ, созданной усиліями предшествующихъ „поколѣній“ партійнаго развитія.

Мы сказали, что для того перерожденія практики, которое совершилось въ прошлый періодъ, достаточно было, отвлеченно говоря, революціонно-демократической идеологіи. Но для того, чтобы періодъ „вовлеченія“ пролетаріата въ сферу интересовъ „человѣка и гражданина“ вошелъ составной частью въ процессъ классоваго *самоопредѣленія* пролетаріата, необходимо было, на данныхъ историческихъ основаніяхъ, выдвинуть сложный, неурѣзанный идеологическій аппаратъ научнаго социализма, способный противостоятъ разнымъ формамъ буржуазно-демократической идеологіи, и при помощи этого аппарата закрѣпить руководящій персоналъ движенія, элементы демократической интеллигенціи за историческимъ дѣломъ пролетаріата.

Чтобы показать на частныхъ, но яркихъ образцахъ, въ какой *неравной мѣрѣ* „Искра“ руководила идейнымъ размежеваніемъ интеллигенціи и политическимъ самоопредѣленіемъ пролетаріата, достаточно напомнить хотя бы то, какъ „Искра“, безпощадно суровая ко всякой „шатости“ со стороны интеллигенціи, проявляла безмѣрную и перѣдко совершенно недопустимую снисходительность ко всякимъ заявленіямъ политически пробуждавшихся пролетаріевъ. „Искра“ смолчала — почти одобрительно, — когда петербургскій рабочій высказалъ свою крайнюю радость по поводу полнаго упраздненія всякихъ разговоровъ о прибавочной стоимости (а значитъ и о социализмѣ), — и въ то же время совершенно законно обрушилась всей тяжестью теоретическаго гнѣва на „соціалистовъ-революціонеровъ“, которые рѣшили подъ шумокъ дать свое не слишкомъ „доктринерское“ опредѣленіе класса, какъ категоріи, опредѣляющейя распределеніемъ, а не производствомъ. „Искра“ безъ всякихъ оговорокъ цитировала тѣхъ

рабочихъ, которые требовали, чтобъ ихъ, не задерживая, прямо учили, „какъ въ бой идти“, — и въ то же время предавала жестокому посмѣянiю „Историческiй поворотъ“ съ его совѣтомъ — строиться въ штурмовыя колонны! А въ сущности этотъ кличъ: „стройтесь въ колонны!“ былъ лишь безпредметнымъ отвѣтомъ на безпредметный вопросъ: „Какъ въ бой идти?“

Объясняется это, въ сущности, тѣмъ, что у „Искры“, вслѣдствiе несоотвѣтствiя между теорiей и практикой“, были двѣ разныя мѣрки. Интеллигента нужно было немедленно связать семью узлами социалистической доктрины: освобожденный же отъ „прибавочной стоимости“ пролетарiй, шедшiй къ познанiю „правъ чловека и гражданина“, привлекался не самъ по себѣ, а для того, чтобы его революционностью — да будетъ позволено такое выраженiе — ткнуть въ зубы интеллигентныхъ „хвѣстиковъ“...

Мы въ настоящiй моментъ ответственны въ известномъ смыслѣ не только за будущее, но и за прошлое. Отъ нашего дальнѣйшаго „поведенiя“ зависитъ не только судьба россiйской социалдемократiи въ теченiе цѣлаго ряда ближайшихъ лѣтъ, но и социалистическая цѣнность той работы, которая совершена русскими социалдемократами до настоящаго момента...

Для того, чтобы вся предшествующая работа не пошла на смарку въ социалистическомъ (не просто въ революционномъ) смыслѣ, намъ необходимо прежде всего оцѣнить двѣ имѣющiяся у насъ предисылки дальнѣйшей дѣятельности: политическiя пробужденныя и связанныя съ нами десятилѣтними традициями массы — внизу, и безусловное, то за страхъ, то за совѣсть, уваженiе къ марксизму, какъ къ методу политическаго мышленiя — сверху. Оба эти элемента должны войти составными частями въ наше дальнѣйшее строительство.

Призывы начисто „ликвидировать“ ту или другую изъ этихъ предисылокъ, раздвоились тамъ и сямъ, должны быть рѣшительно и безповоротно отвергнуты, какъ безумная попытка выбросить всю ту политическую культуру, которую мы приобрѣли цѣною такихъ усилiй и безъ которой мы окажемся ниши и паги, какъ Юнгъ...

... „Искра“ съ „Зарей“ не совершали чудесъ, потому что исторiя не допускаетъ чудесъ. Но всякiй членъ партiи, который настолько марксистъ, что не требуетъ отъ марксистской литературы чудесъ, можетъ съ гордостью оглянуться на боевую литературную кампанiю прошлаго перiода.

Работа реставрации марксизма, занесеннаго мусоромъ критики, была совершена „Зарей“, во главѣ которой, разумѣется, шелъ тов. Плехановъ. В. И. Засуличъ указывала интеллигенции элементы идеализма въ нашемъ материалистическомъ социализмѣ, мягко, но убийственно проицировала надъ новыми богами интеллигенции и „мапила“ ее назадъ — и въ то же время впередъ — на службу пролетариату. Старовѣръ подкупалъ интеллигентнаго разночинца, давая ему его собственный, тонко и по марксистски умно идеализированный портретъ... Мартовъ, Добролюбовъ „Искры“, умѣлъ на нашу нищенски бѣдную, несложившуюся, невыразительную общественную жизнь бросить спонъ

такого яркаго свѣта и всегда съ такого счастливаго пункта, что ея политическія, т. е. классовыя очертанія выступали съ поразительной отчетливостью... А тамъ, гдѣ нужно было оформить, закрѣпить, приковать, завязать мертвою петлей, тамъ, гдѣ нужно было: „чтобъ не ды-ша-ла!“ тамъ рѣшительно и талантливо выступалъ тов. Ленинъ.

А тов. Аксельродъ? Замѣчательное дѣло! Въ этотъ періодъ тов. Аксельродъ не игралъ активной роли, ибо это не былъ періодъ тов. Аксельрода. Вѣрный и проникательный стражъ интересовъ пролетарскаго движенія, онъ первый забилъ тревогу у предверія того періода, на который „Искра“ наложила такую яркую и красивую печать... По самому складу своего мышления, не только по міросозерцанію, по политическому настроенію, не только по „программѣ“, онъ истинный пролетарскій идеологъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они являлись только въ Германіи. Онъ не способенъ относиться къ интеллигенціи субъективно, — только объективно. Онъ говоритъ объ интеллигенціи всегда въ третьемъ лицѣ, никогда — во второмъ. Интеллигенція для него не та аудитория, къ чувствамъ которой онъ апеллируетъ, которую зоветь, — нѣтъ, это просто политическая сила, которую онъ взвѣшиваетъ и учитываетъ. Этимъ объясняется, что въ періодъ, центромъ котораго была размагничивающаяся марксистская интеллигенція, П. Б. Аксельродъ не могъ играть активную роль — не только по „количеству“ статей¹⁾, — Аксельродъ вообще пишетъ не „статьями“, а математически сжатыми формулами, изъ которыхъ другіе, въ томъ числѣ и Ленинъ, дѣлають очень много статей, — но и по тому мѣсту, которое занимала въ литературной кампаніи „Искры“ разработка тактических „формуль“ Аксельрода. Непосредственное исканіе тактических методовъ политическаго самоопредѣленія пролетаріата въ общественно-историческихъ рамкахъ абсолютизма, составляющее ту „свою линію“ тов. Аксельрода, которая проходитъ по всѣмъ его работамъ, почти не ставилось въ этотъ періодъ на очередь дня. Шла работа внутренняго размежеванія...

Т. Аксельродъ снова выступилъ въ концѣ періода „Искры“, чтобы сказать: „Довольно! Теперь необходимо кореннымъ образомъ перенести центръ тяжести работы, — необходимо пустить въ живой политической оборотъ ту потенциальную силу, которую „Искра“ завоевала для дѣла пролетаріата!“ Фельетоны Аксельрода въ №№ 55 и 57 „Искры“ знаменуютъ начало новой эпохи въ нашемъ движеніи...

Можетъ показаться страннымъ, что я говорю объ „Искрѣ“ словами некролога: „Искра“ живетъ и работаетъ и борется. Но я думаю все же, что я вправдѣ говорить о *доухѣ* „Искрахъ“ и объ одной изъ нихъ въ прошломъ. Новая „Искра“ — и въ *разъясненіи* этого до пѣкоторой степени задача моей брошюры — есть прямое дѣтище старой „Искры“. Тѣмъ не менѣе между ними

¹⁾ Теперь съ легкой руки Навловяча (т. е. Ленина) вліяніе публициста опредѣляется въ нашей партіи вѣсомъ печатной бумаги.

лежитъ цѣлая пропасть. И не потому, что кто-нибудь разочаровался, кто-нибудь ошибся и поправился, и еще меньше потому, что кто-нибудь отдѣлился, а потому, что прошло три года — и не простыхъ, а военныхъ — политической жизни, три года, въ теченіе которыхъ у всѣхъ въ сознаниіи успѣла прибавиться новая глубокая политическая „складка“, три живыхъ и интересныхъ года, которые не повторятся, — и хорошо, что не повторятся, ибо впереди — рядъ еще болѣе живыхъ и болѣе интересныхъ годовъ. . .

ТАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Содержаніе нашей дѣятельности въ пролетаріатѣ.

Да, нѣтъ сомнѣній, насъ ждутъ интересныя боевыя годы, готовится духъ захватывающія событія, — но сейчасъ намъ необходимо во что бы то ни стало выбиться изъ того туника, въ которомъ вотъ уже годъ бьется наша партія. Комитетская работа въ необычайно жалкомъ состояніи. Организационныя связи съ массой ничтожны. Политическаго „контакта“ съ массой почти нѣтъ вовсе. Рѣчи о пролетаріатѣ, какъ авангардѣ общедемократическаго движенія, все болѣе и болѣе начинаютъ рѣзать ухо, какъ политическая фальшь. Для всякаго соціалдемократа, умѣющаго политически мыслить, должно быть изъ всего этого ясно, что въ нашей работѣ существуетъ какой-то глубокій порокъ, либо унаследованный нами отъ „экономизма“, либо благопріобрѣтенный въ періодъ „Искры“, „порокъ“, который не даетъ намъ выпрямиться во весь ростъ. Навивно думать, что внутреннія тренія — причина застоя. Они только его симптомъ.

Отвлечемся на время отъ партійныхъ разногласій, отъ организационныхъ столкновеній, взаимнаго „бойкота“, оглянемся на содержаніе нашей партійной работы, — и оно поразитъ насъ не только своей количественной, но и своей качественной бѣдностью... Все поле нашей дѣятельности покрыто разпой величины бѣлыми листками, на которыхъ напечатаны общія мысли о необходимости низвергнуть самодержавіе — „во имя социализма“. Листки эти называются прокламаціями. Совокупность этихъ прокламацій называется почему-то Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіей... Развѣ это не такъ?

Узловымъ пунктомъ работы „экономистовъ“ была *стачка*. Такую же приблизительно роль для слѣдующаго періода играла *демонстрація*. Безъ такихъ „узловыхъ пунктовъ“ наша работа въ массахъ вообще идти не можетъ. На Западѣ, — не говоря ужъ о томъ, что тамъ въ настоящее время темпъ движенія не въ примѣръ болѣе „терпѣливый“, — на Западѣ „критическими моментами“ въ революціонномъ „производствѣ“ являются періодически повторяющіяся избирательныя кампаніи... И стачка и демонстрація упражняютъ цѣлый рядъ сложныхъ навыковъ массоваго отпора, укрѣпляютъ чувство солидарности, развиваютъ боевое настроеніе, — въ такой мѣрѣ, въ какой это никогда не удалось бы сдѣлать одной литературной агитаціей и пропагандой. Было бы величайшимъ утопизмомъ — во вкусѣ первыхъ лавристовъ — думать, что можно развивать въ пролетаріатѣ классовую политическую силу однимъ

лишь литературнымъ оно ѣщеишемъ его о томъ, какъ борется рабочіе въ другихъ странахъ, или однимъ лишь доказательствами необходимости борьбы—безъ прямого указанія и непосредственнаго призыва къ примѣненію возможныхъ въ данный моментъ формъ борьбы. Стачка или демонстрація, эти кульминаціонные пункты работы двухъ прошлыхъ періодовъ, не только давали практическое примѣненіе тѣмъ чувствамъ протеста, которыя будились въ рабочихъ литературной и устной агитаціей, но и сразу, скачками, расширили поле этой агитаціи и качественно повышали воспріимчивость массы къ новымъ, болѣе высокимъ и сложнымъ идеямъ борьбы.

Въ зависимости отъ того, какое мѣсто въ общей картинѣ нашей революціонной работы занимаютъ тѣ или другія выработанныя нашей практикой формы проявленія массовой активности и самостоятельности, самая организація работы колеблется между двумя типами: либо это техническій аппаратъ для массоваго распространенія издаваемой на мѣстѣ или заграничей литературы, — либо же это революціонный рычагъ, служащій для приведенія массы въ цѣлесообразное движеніе, а значить для упражненія въ ней извѣстныхъ навыковъ активности и самостоятельности.

Подъ этотъ второй типъ особенно близко подходила „кустарническая“ организація „экономистовъ“. Худо ли, хорошо ли, но она всецѣло была приспособлена къ извѣстнымъ формамъ „практическаго сопротивленія рабочихъ капиталистамъ“. Худо ли, хорошо ли, но она непосредственно и активно служила дѣлу сплоченія и дисциплинированія рабочихъ въ рамкахъ „экономической“, преимущественно стачечной борьбы.

Для того, чтобы пайти болѣе или менѣе чистую организацію перваго типа. — аппаратъ для распространенія партійной литературы — нужно обратиться къ такъ называемой Польской Соціалистической Партіи (P. P. S.). Стараясь свести къ минимуму поле сопряженія съ массой, запертая резолюціями съѣздовъ, но консервативнымъ соображеніямъ, даже кружковую пропаганду, P. P. S. возложила въ концѣ концовъ все задачи по политической мобилизаціи массы на свою литературу, отчасти газетную, главнымъ образомъ — прокламаціонную. „Сознавая отрицательныя стороны такой работы (организаціи партій тайныхъ кружковъ пропаганды) — говоритъ II-й съездъ P. P. S. въ 1891 г. — партія направила все свои усилія на агитацію посредствомъ печатнаго слова, работу же въ кружкахъ ограничила выработкой агитаторовъ. *Издательская дѣятельность, массовое распространеніе социалистической литературы — вотъ главное (единственное?) средство, которое употребитъ P. P. S. въ своей дѣятельности для подготовленія трудящихся массъ къ борьбѣ съ правительствомъ и капиталистами*“. Такое пониманіе задачъ партіи, по словамъ автора „Очерковъ по исторіи соціалистическаго движенія въ русской Польшѣ“¹⁾ (стр. 129) — „сказалось на всей дѣятельности P. P. S. и придало ей своеобразный отпечатокъ, далекій отъ идеала истинно-пролетарской партіи“. Тотъ же авторъ указываетъ далѣе

¹⁾ Изд. Польск. Соц. Партіи „Пролетаріатъ“.

на то, что „стачки всыхивавшія стихійно, въ большинствѣ случаевъ безплодно потухали. Р. Р. С., не имѣя контакта съ массами, вследствие очень далекаго разстоянія, отдѣляющаго организацию отъ нихъ, не только не могла руководить борьбой и направлять ее планомерно, но даже не умѣла использовать цѣлесообразно для политической агитаціи“ (стр. 190). Аппаратъ, очень недурно приспособленный для распространенія революціонной литературы, оказывается непригоднымъ въ роли регулятора живой революціонной энергіи массъ.

Мы очень далеки отъ того, чтобы звать нашу партію назадъ, къ кустарнической организаціи „экономистовъ“. Но я организація Р. Р. С. — въ этомъ мы вполнѣ согласны съ авторомъ цитированныхъ только что интересныхъ историческихъ „Очерковъ“ — безконечно „далека отъ идеала истинно-пролетарской партіи“. Это для насъ несомнѣнно, ибо — и это постаремся мы ниже пояснить — съ какимъ бы совершенствомъ мы ни распространяли социальдемократическую литературу, мы этимъ еще не создаемъ социальдемократической партіи. А между тѣмъ организаціонный идеаль, который мы вынесли изъ борьбы съ кустарничествомъ, который мы навязывали и навязывается намъ цѣлымъ рядомъ объективныхъ условий, большихъ и малыхъ, этотъ „идеаль“ все болѣе и болѣе сближаетъ насъ съ Р. Р. С., оцѣнивающей, какъ мы только что слышали, „массовое распространеніе социалистической литературы“, какъ главное, вѣрнѣе, единственное средство „для подготовленія трудящихся массъ къ борьбѣ съ правительствомъ и капиталистами!“

Въ самомъ дѣлѣ. „Профессиональная“ борьба и въ частности стачка, какъ наиболѣе боевая форма ея, давно уже перестала подчинять своимъ требованіямъ и нуждамъ нашу организацію. Въ процессѣ борьбы съ „экономизмомъ“, которому мы противопоставляли „политическое обличеніе“ по всѣмъ и всяческимъ поводамъ, мы не только основательно разучились искусству руководства стачками, но даже стали подозрительно относиться ко всей вообще профессиональной борьбѣ — подъ угломъ сомнѣнія въ ея „политической благонадежности“¹⁾.

¹⁾ Тов. Ленинъ, конечно, скажетъ, что это клевета. Онъ отомлетъ насъ (Шагъ впередъ..., стр. 141) къ № 43 „Искры“, изъ котораго мы увидимъ, что уже въ 1903 г. „увлеченія политиковъ размазываютъ(?)“, какъ очевидный атавизмъ“. Цицемъ по указанію т. Ленина № 43, находимъ статью „Объ агитаціонныхъ задачахъ нашей Партіи“ (письмо въ редакцію) и читаемъ: „*Политическая агитация приняла у насъ за послѣднее время слишкомъ абстрактный характеръ, слишкомъ мало связывалась съ конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы... Наша политическая агитация временами превращается въ голую политическую декламацию.* Безъ вовлеченія въ движеніе этихъ назовъ нельзя создать массоваго политическаго движенія. Только расширеніемъ основанія нашего политическаго движенія, путемъ пробужденія къ самостоятельной жизни народныхъ низовъ, можно вновь сдѣлать сильной нашу партію. Въ этой работѣ нельзя игнорировать профессиональ-

Съ открытіемъ новаго столѣтія, заявившаго себя въ Россіи такими шумными событіями, демонстраціи смѣнили было стачки въ роли центрального боевого пункта мѣстной работы. Комитетская дѣятельность въ цѣломъ рядѣ городовъ стала сводиться къ подготовленію уличной демонстраціи, во время которой нерѣдко въ одномъ фейерверкѣ, не всегда блестящемъ, сгорали всѣ или почти всѣ элементы мѣстной организаціи. Но демонстрація съ безпредметной цѣлью, демонстрація противъ существующаго строя „вообще“, демонстрація, *какъ таковая*, потеряла свою властную притягательность, какъ только перестала быть новинкой. Сумма получаемаго отъ демонстраціи возбужденія перестаетъ окупать затрату матеріальной и личной силы. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ уже происходили демонстраціи, масса не можетъ чувствовать большой склонности идти подъ штыки, пули или нагайки, только для того, чтобы проѣхать революціонную пѣсню и поднять красное знамя. Демонстрація возрождается — замѣтимъ уже здѣсь, во избѣжаніе недоуразумѣній — только въ результатѣ примѣненія обогащенныхъ и усложненныхъ методовъ вовлеченія массы въ сферу живыхъ политическихъ интересовъ.

Ослабивъ или даже порвавъ свою единственную „традиціоннистскую“ связь съ массой, чтобы сдѣлать свою организацію болѣе конспиративной, болѣе гибкой и болѣе приспособленной

ныхъ интересовъ рабочихъ и профессиональной борьбы. *Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессиональное движеніе...* Между тѣмъ, за все время своего существованія Бакинскій комитетъ, какъ и Тифлисскій за послѣдній годъ (письмо писано съ Кавказа) не выпустилъ ни одного профессиональнаго листка, не организовалъ ни одной стачки. Изъ этихъ строкъ, надѣмся, всѣ окончательно убѣдятся, что еще въ июль 1903 г. „увлеченія политиковъ разсматриваютъ (кто?), какъ очевидный атавизмъ.“ Такъ неряшливо писать тов. Ленинъ исторію. Во всякомъ случаѣ онъ даетъ намъ право поставить ему нѣсколько вопросовъ. Если „увлеченія политиковъ“ въ № 43 „Искры“ *уже* разсматриваютъ, какъ „очевидный атавизмъ“, то все же значить эти „увлеченія“ имѣли мѣсто? Въ какой періодъ? Можетъ быть въ періодъ „Искры“? Въ чемъ проявлялись „увлеченія политиковъ“? Кто и какъ боролся съ ними? Или же, вопреки всему опыту нашей партіи, мы справились съ „увлеченіями политиковъ“ безъ всякой литературной борьбы? Если тов. Ленинъ подумаетъ надъ этими интересными вопросами (признавшись предвзвѣстно, что онъ сдѣлалъ фальшивую ссылку на № 43 „Искры“), то онъ можетъ быть пойметъ, что только „меньшинство“ открыло идейную борьбу съ „увлеченіями политиковъ“, все болѣе грозящими (см. Уральскій маниф. и брош. „Шагъ впередъ...“) объявить „очевиднымъ атавизмомъ“ всѣ теоретическія и политическія завоеванія международной социалъдемократіи. Письмо въ № 43, на которое такъ неосторожно сослался Ленинъ, замѣчательно именно тѣмъ, что оно еще до съѣзда пыталось, не сходя съ позиціи „искровцевъ“, нацупать тѣ большія мѣста нашей партійной практики, которая образовалась въ процесѣ и въ результатѣ такъ наз. „ликвидациіи третьяго періода“.

Для революціоннаго руководства массовыми демонстраціями, наши комитеты подкопали подъ собою почву, — и должны были убѣдиться, что демонстраціи удаются все рѣже и рѣже. Тогда комитеты идутъ дальше по линіи наименьшаго сопротивленія и совершенно отодвигаютъ „демонстрацію“ за предѣлы своихъ горизонтовъ. Сообразно съ этимъ, забрасываются попытки приспособить мѣстную организацію къ задачамъ уличной борьбы. Въ какомъ комитетѣ теперь можно услышать столь частыя 1½ — 2 года тому назадъ рѣчи о „вооруженномъ отпорѣ“, о „боевой дружинѣ“? Ни въ одномъ. Что же получается? Комитетъ ничѣмъ не связанъ съ массой: онъ не руководитъ стачечной борьбой, онъ не вызываетъ и не направляетъ уличныхъ манифестацій.

Комитетская работа, лишенная непосредственныхъ боевыхъ стимуловъ, все болѣе и болѣе сводится къ печатанію и распространенію прокламацій. Организація все болѣе и болѣе вырождается въ приспособленный для этой функціи техническій аппаратъ. Самое распространеніе прокламацій, наконецъ, идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія и — при оторванности организаціи отъ массы — силенъ да рядомъ обходить... рабочихъ. (См. интересное письмо одесскаго рабочаго въ № 64 „Искры“.)

Конечно, наша организація, въ отличіе отъ организаціи P. P. S., распространяетъ *соціалдемократическую* литературу — и это разница громадная. Но думать, что сграницивая свою работу распространеніемъ *соціалдемократической литературы*, мы тѣмъ не менѣе создаемъ *соціалдемократическую партію*, значить впадать въ величайшее заблужденіе. Конечно, кто споритъ, памъ необходима, дважды и трижды необходима конспиративная и хорошо согласованная организація — и въ центрѣ и на мѣстахъ. Но необходима — *для чего?* Исключительно или хотя бы главнымъ образомъ для успешнаго распространенія *соціалдемократической литературы* среди опредѣленнаго обслуживаемаго нами круга массы? Нѣтъ! Не эта задача, сама по себѣ взятая, должна лечь въ основу нашего организаціоннаго строительства, не она должна опредѣлять формы организаціоннаго аппарата. Нѣтъ и тысяча разъ нѣтъ! Недостаточно, чтобы литература съ печатью того или иного партійнаго учрежденія была распространена. Необходимо также, чтобы она читалась массовыми рабочими, а для этого нужно, чтобы политическое вниманіе массъ постоянно было на сторожѣ. Этого, въ свою очередь, никакимъ образомъ нельзя достигнуть, приурочивая всю нашу организацію къ распространенію и разбрасыванію листовъ. Чѣмъ больше мы будемъ приспособляться къ этой технической функціи, тѣмъ хуже она будетъ выполняться. Литература только тогда будетъ проникать въ глубь, а не скользить по поверхности массы, когда организація будетъ приспособляться къ своей основной функціи: выработкѣ или „отбору“ стихійно возникающихъ тактическихъ формъ, въ которыхъ рабочіе могли бы коллективно *реагировать* на всѣ событія общественной жизни, освѣщеніе которыхъ составляетъ задачу нашей партійной литературы. Именно это „реагированіе“ необходимо систематически и планомерно организовывать. Именно этой задачѣ должны быть посвящены главныя усилія творческой мысли передовыхъ

политиковъ партіи. Именно этой цѣли должна быть подчинена форма партійной организаціи. Иначе все сведется къ тому, что Ц. О. будетъ пописывать, Ц. К. — въ идеаль! — развозить, а верхи пролетаріата — почитать....

Если партія есть организованное *сознаніе* и организованная *воля* класса, — а мы имѣемъ право ее такъ опредѣлить — то ясно, что условіемъ ея развитія является систематическое упражненіе *обоихъ* этихъ качествъ. Болѣе или менѣе правильно воздѣйствовать на *сознаніе* пролетаріата путемъ „массоваго“ распространенія социалъдемократической литературы еще не значитъ строить пролетарскую партію. Ибо партія есть не только организованное *сознаніе* класса, но и его организованная *воля*. Партія начинается тамъ, гдѣ мы на почвѣ достигнутаго уровня сознанія путемъ цѣлесообразныхъ тактическихъ приѣмовъ организуемъ политическую волю класса. Партія способна неудержимо расти и развиваться только при взаимодействіи „воли“ и „сознанія“, когда каждый тактический шагъ, организующій въ формѣ того или другого политическаго „оказательства“ волю наиболее сознательныхъ элементовъ класса, тѣмъ самымъ неизбѣжно повышаетъ ихъ политическую воспримчивость, толкаетъ къ нимъ новыя слои вчера еще затронутый пролетарской цѣлины — и такимъ образомъ подготавливаетъ матеріальный и идейный базисъ для новыхъ, болѣе рѣшительныхъ и политически вѣскихъ, болѣе выразительныхъ со стороны классоваго характера тактическихъ шаговъ...

Мы говоримъ обіцими психологическими терминами, потому что сейчасъ, пока мы только ставимъ вопросъ, не пытаеся еще искать путей къ его рѣшенію, мы не хотимъ осложнять изложеніе, переводя свою мысль на языкъ конкретныхъ примѣровъ и иллюстрацій. Но если читатель попытается ясно представить себѣ ту роль, какую въ практикѣ „экономистовъ“ играла *стачка*, въ практикѣ непосредственно слѣдовавшаго періода — *демонстрація*, если онъ съ этимъ сопоставитъ, далѣе, тотъ фактъ, что революціонная практика сегодняшняго дня лишена такихъ оживотворяющихъ всю работу моментовъ напряженнаго учета всѣхъ завоеваній, политическаго экзамена по всѣмъ „предметамъ“, то наши соображенія не покажутся ему абстрактными, и онъ самъ вмѣстѣ съ нами поставитъ предъ собой вопросъ: гдѣ тѣ тактическія формы, въ которыхъ сознательные элементы пролетаріата выступали бы не только, какъ объектъ политики, но и какъ ея субъектъ, не только, какъ политическая аудиторія, но и какъ коллективно „дѣйствующее лицо“, не только какъ читатели „Искры“, но и какъ активные участники политическихъ событий.

Кто сумѣетъ только *поставить* предъ собою этотъ вопросъ, тотъ, разумеется, ясно пойметъ, что партія есть нечто большее, чѣмъ *простая пристройка* при партійной газетѣ; тотъ пойметъ, что партія состоитъ не просто изъ аккуратныхъ читателей „Искры“, а изъ активныхъ и со дня-на-день свою коллективную активность проявляющихъ элементовъ пролетаріата. И еще разъ: возбуждать, двигать впередъ, согласовать, оформлять эту коллективную активность — для этого, а не для чего иного намъ нужна гибкая, подвижная, инициативная „организація“ профессиональныхъ рево-

люди «веровъ» — не транспортеровъ литературы, а политическихъ руководителей партіи.

Игнорированіе задачъ самодѣятельности пролетаріата, какъ наслѣдіе періода „Искры“.

Очень многіе — слишкомъ многіе — товарищи совершенно глухи и слѣпы къ тѣмъ вопросамъ и соображеніямъ, которые мы только что формулировали. И глухота и слѣпота ихъ — не случайныя индивидуальныя недостатки „совѣтниковъ Ивановыхъ“, а такъ сказать „тепденціозныя“ качества, выработавшіяся въ періодъ идейной ликвидаціи „экономизма“ и „кустарничества“. Многимъ „искровцамъ“ необходимо отдать себѣ въ этихъ своихъ качествахъ ясный отчетъ и „ликвидировать“ ихъ — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Мы, „искровцы“, всегда склонны были разсматривать партію, какъ техническую агентуру при газетѣ, и содержаніе всей политической работы партіи отождествлять съ содержаніемъ партійной литературы.

Не смотря на энергичныя попытки „меньшинства“ разбить эту ограниченность, тов. Ленинъ въ своей послѣдней брошюрѣ снова пытается вопросъ о содержаніи работы нашей партіи свести къ вопросу о содержаніи программы партіи или... нѣсколькихъ Л.Э. „Искры“ (стр. 146). *Формально* Ленинъ остается при этомъ вѣрять традиціямъ брошюры „Что дѣлать?“, а отчасти и всей старой „Искры“. Но — *Verpflicht wird Unsinn*. То отождествленіе партіи съ газетой, которое имѣло свою ограниченную „разумность“ — въ періодъ опредѣленныхъ задачъ подготовительнаго періода — становится глубоко-реакціоннымъ пережиткомъ теперь, когда весь вопросъ новаго періода опредѣляется *противорѣчіемъ* между теоретическими основами партіи, разработанными въ партійной литературѣ прошлаго періода и сформулированными въ партійной программѣ, съ одной стороны, и политическимъ содержаніемъ воздѣйствія партіи на пролетаріатъ и воздѣйствія пролетаріата на всѣ политическія группы общества, съ другой. Задача — преодолѣть это противорѣчіе, — выдвинутая въ фельстонахъ П. Б. Аксельрода, составляетъ весь политическій смыслъ борьбы „меньшинства“ съ узостью, ограниченностью, политическимъ формализмомъ „большинства“. Сказать, какъ Ленинъ: мы действуемъ, какъ социалъдемократическая партія, потому что у насъ есть социалъдемократическая программа, значить чисто канцелярской отпиской отмахнуться отъ вопроса, который можетъ стать для нашей партіи *роковымъ*. Наша программа не представляетъ собою принципиальнаго шага впередъ по сравненію съ выработанной 20 лѣтъ тому назадъ программой „Гр. Осв. Тр.“, тогда какъ формы воздѣйствія нашей партіи на общество безконечно обогатились и усложнились.

Verpflicht wird Unsinn. Крайне примитивныя, занимавшіе ничтожное мѣсто въ общей суммѣ идей, внесенныхъ „Искрой“ и „Зарей“, по играли несомнѣнно прогрессивную роль организа-

ціонные „планы“ автора „Что дѣлать?“ выступаютъ черезъ три года у его злигона, автора „Шага впередъ“, какъ яростная попытка помѣшать социалъдемократіи стать социалъдемократіей...

Старая „Искра“, какъ мы говорили выше, непосредственно боролась за вліяніе на революціонную интеллигенцію — въ цѣляхъ подчиненія ея политической программѣ пролетаріата, строгимъ и строжайшимъ образомъ формулированной. Эта борьба имѣетъ свои методы. Ея единственное оружіе — литературная полемика, такъ какъ литература — единственная среда, въ которой русская интеллигенція не только *учится*, но и *живетъ*. Профессионально-„интеллигентная“ интеллигенція пріобщается къ политическимъ принципамъ того или другого класса чрезъ литературу и въ литературѣ. Поставить теоретическій и политическій органъ и группировать вокругъ него тѣ революціонные элементы, которые будутъ завоеваны для дѣла пролетаріата — таково былъ планъ „Искры“. „Искра“ была политической платформой и вмѣстѣ орудіемъ борьбы — борьбы съ чѣмъ? прежде всего съ политическими „предразсудками“ интеллигенціи. Содержаніе работы партіи дѣйствительно покрывалось содержаніемъ „Искры“, — если отвлечься (а всё, въ сущности, „отвлекались“!) отъ непосредственной работы въ пролетаріатѣ, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отставала отъ принципиально признававшихся задачъ и обязанностей партіи. „Организаціонный планъ“ Ленина, — если имѣть въ виду не канцелярскую „пробу пера“ въ его „Письмѣ къ петербургскому товарищу“, а статью „Съ чего начать?“ или брошюру „Что дѣлать?“ — не былъ, разумѣется, откровеніемъ, но онъ давалъ удачный отвѣтъ на вопросъ: *съ чего начать? что дѣлать* для того, чтобы собрать воедино разрозненные элементы будущей партійной организаціи и сдѣлать тѣмъ возможной *постановку* широкихъ политическихъ задачъ? *Какъ* эта уже сложившаяся организація будетъ осуществлять свои принципиально признанныя задачи, этотъ вопросъ естественно отодвигался. Повторяю, такъ называемый „организаціонный планъ“ охватывалъ, — и самъ Ленинъ понималъ это, пока совершалъ прогрессивную работу, — не самое партійное знаніе, а лишь „лѣса“, возводимыя при постройкѣ зданія (см. „Что дѣлать?“, стр. 125 и сл.).

Второй съѣздъ, на которомъ „меньшинству“ только въ попыткахъ удалось выдвинуть нѣкоторые тактические вопросы, не привлекшіе ничего серьезнаго вниманія, ибо „главное“ было сдѣлано: „Искра“ была закрѣплена, и Ц. К. поставленъ въ подчиненіе къ ней положеніе: второй съѣздъ съ его планомъ „ортодоксальной теократіи“ былъ реакціонной попыткой навязать всей партійной практикѣ — *in secula seculorum* — тѣ методы работы, тѣ формы отношеній, которые обнаружили свою пригодность въ ограниченныхъ предѣлахъ борьбы съ „экономизмомъ“ и „кустарничествомъ“ за созданіе централистической организаціи профессиональных революціонеровъ-социалъдемократовъ. Но самые суверенные съѣзды такъ же мало, какъ и абсолютные монархи, способны остановить теченіе исторіи.

Вопреки собственной волѣ второй съѣздъ сдѣлался орудіемъ новыхъ запросовъ. Онъ только хотѣлъ закрѣпить завоеванія

„періода ликвидаціи“, на дѣлѣ же онъ открылъ новый періодъ — съ цѣлымъ міромъ новыхъ задачъ. И, что свидѣтельствуется о внутренней законѣрности въ смѣнѣ этихъ періодовъ, эти новыя задачи — лишь рядъ частныхъ выводовъ изъ нашей старой, нашей основной задачи, которая только теперь, и именно благодаря работѣ старой „Искры“, встала передъ нами въ прямой и непосредственной формѣ: развитіе классоваго самосознанія и классовой самодѣятельности пролетаріата.

Это нѣчто большее, чѣмъ то, что мы дѣлали до сихъ поръ. Для непосредственнаго выполненія этой задачи недостаточно теоретически противопоставлять классовые *принципы* пролетаріата *принципамъ* буржуазіи. Необходимо *политически* противопоставлять *пролетаріатъ* буржуазіи.

Но какъ? какими путями?

Соціалъдемократическая политика или политика „Credo“?

Какъ и какими путями?.. Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на этотъ вопросъ, я приведу отрывокъ изъ неизданныхъ воспоминаній одного одесскаго товарища, чтобы показать, какъ „экономисты“ организовали „трэд-юнионистскую“ волю (иначе: злую волю) пролетаріата. Рѣчь идетъ о стачкѣ папиросниковъ въ началѣ 1896 г.

„Стачка подготовлялась долго. Была образована касса почти исключительно для предстоящаго столкновенія съ хозяевами (пособіе выдавалось лишь въ случаѣ крайней нужды), и къ моменту возникновенія стачки въ кассѣ было около 150 руб. Хотя для того, чтобы фабрики стали, достаточно было, чтобы бросили работу только рабочіе, приготовлявшіе высшіе и отчасти средніе сорта папирозъ, однако устроить стачку удалось съ большимъ трудомъ. Приходилось имѣть дѣло почти только съ семейными пожилыми рабочими, которые въ этомъ отношеніи были довольно туги на подъемъ. Состоялось нѣсколько предварительныхъ собраній, на которыхъ разбирался вопросъ о требованіяхъ, а главное о томъ, къ какому времени уменьшится у фабрикантовъ запасъ папирозъ настолько, чтобы стачка могла рассчитывать на успѣхъ, продолжаясь недѣлю. Наиболее удобнымъ моментомъ признали январь 1896 г., когда и началась стачка, выставившая требованія увеличенія заработной платы. Въ цѣляхъ экономіи кассовыхъ денегъ, а главное, чтобы подбадривать нерѣшительныхъ, устроены были групповыя обѣды: рабочіе были распределены такъ, что въ каждой обѣденной группѣ имѣлись и упорные, крѣпко стоявшіе за стачку рабочіе, и рабочіе нерѣшительные, которые послѣ первыхъ же дней готовы были отказаться отъ своихъ требованій. Благодаря этому воздѣйствію сильныхъ на слабыхъ и вообще частымъ встрѣчамъ между собой, стачка и могла продолжаться такъ долго. Она прекращена была внезапнымъ арестомъ многихъ стачечниковъ въ февралѣ 1896 г.“

Вы видите картину очень сложной коллективной работы. Образуютъ кассу. Вырабатываютъ совместно требованія. Печисляютъ запасы табаку. Организуютъ обѣды стачечниковъ группами на основѣ сложныхъ психологическихъ соображеній. Если припятъ во вниманіе, что стачка охватила большинство одесскихъ фабрикъ, то станетъ очевиднымъ, что дѣло требовало организаціоннаго смысла, настойчивости, дисциплинированности, знанія условій — требовало и вмѣстѣ воспитывало эти качества.

Дѣлаемъ ли мы что-нибудь подобное въ настоящее время — въ формахъ, которыя соответствовали бы тѣмъ болѣе широкимъ цѣлямъ, которыя ставятъ себѣ теперь наши организаціи? Кто отвѣтитъ утвердительно?..

Извѣстно, что хозяева сплошь да рядомъ дѣлали уступки рабочимъ, не дожидаясь стачки, непосредственно послѣ появленія какой-нибудь прокламаціи, обличающей тѣ или иные неурядки. Но такія уступки дѣлались подъ угрозой возможной стачки. Это было слишкомъ очевидно, — и „экономистскіе“ комитеты не могли придти къ мысли или къ практикѣ — вести посредствомъ прокламаціи профессиональную борьбу за рабочихъ, не прибѣгая къ такимъ тяжеловѣснымъ орудіямъ, какъ стачка. Комитеты не могли придти къ такой упрощенной практикѣ, потому что послѣдствія ея сказались бы немедленно же: фабриканты перестали бы дѣлать уступки, и обличительныя прокламаціи комитета, за которыми не стояла бы „тред-юнионистская“ воля рабочихъ, потеряли бы всякое дѣйственное значеніе.

Но если такого рода упрощеніе немислимо было въ борьбѣ профессиональной, гдѣ каждый актъ борьбы какъ бы оцѣниваетъ себя въ непосредственномъ результатѣ, зато въ сферѣ политической, гдѣ соотношеніе между методами борьбы и результатами гораздо сложнѣе и неизмѣримо труднѣе поддается учету, подмѣна организованной политической воли сознательныхъ элементовъ пролетаріата „профессионально-революціонной“ волей комитета, выраженной въ резолюціи или прокламаціи, находить себѣ самое широкое примѣненіе. Этого даже не нужно въ сущности доказывать. Достаточно только указать пальцемъ.

Въ одномъ письмѣ петербургская пропаганда сообщаетъ мнѣ мимоходомъ мелкій, но замѣчательный эпизодъ: „Когда я рассказала какъ-то о происшедшемъ на съѣздѣ¹⁾ съ Проппинимъ и Степановымъ, то одинъ рабочій всталъ и взволнованно спрашиваетъ: „Что же намъ теперь дѣлать?“ И другіе сожалѣли, что все это произошло безъ нихъ, что они не видѣли и не принимали участія...“

Сознаюсь предъ читателями. Когда я прочиталъ это мѣсто, я тоже всталъ, какъ тотъ рабочій, и взволнованно спросилъ: *Что же намъ теперь дѣлать?*.. Вѣдь это фатально. Совершается крупное, волнующее весь городъ, всю страну политическое со-

¹⁾ Рѣчь идетъ о III съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.

бытіе. Рабочіе узнають о немъ мимоходомъ отъ пропагандистки и взволнованно спрашиваютъ: „Что же намъ теперь дѣлать?“ Пропагандистка не знаетъ, что имъ отвѣтить. Не знаетъ и комитетъ. И, что хуже всего, комитетъ даже не ставитъ предъ собою вопроса: „Что же намъ теперь дѣлать?“

У насъ же рядомъ съ этимъ вопросомъ напрашивается другая: велико ли наше отлічіе отъ „экономистовъ“? Есть ли *принципіална* разница въ содержаніи работы? Увы, увy, увy!.. Пролетаріатъ находился во времена „экономизма“ въ политическомъ гетто, не вышедъ опъ изъ него и по сей день.

Радикальная демократія даетъ пощечину реакціи, а революціонный пролетаріатъ остается постороннимъ зрителемъ и безпомощно спрашиваетъ: „Что же теперь дѣлать?“ Этого небольшого, на первый взглядъ, петербургскій эпизодъ — символъ: опъ несетъ въ себѣ типическія черты всей нашей политической работы. Революціонный пролетаріатъ совершенно не участвуетъ „дѣйствіемъ“ въ политическихъ событіяхъ. Не дѣлается даже попытокъ привлечь его къ такому участию. Самое большее — его оповѣщаютъ посредствомъ прокламацій о происшедшихъ событіяхъ заднимъ числомъ и даютъ ему такимъ образомъ возможность. . . взволнованно и безпомощно спросить: „Что дѣлать?“ и — не получить отвѣта. Такова господствующая практика. *Только фарисеи это будутъ отрицать. Честный социалдемократъ признаетъ это и сълагаетъ вопросъ петербургскаго рабочаго вопросомъ своей политической совѣсти.*

Да, повторяемъ мы, какаѧ же разница съ практикой столь безпощадно осужденнаго „экономизма“? И — еще хуже — не подошли ли мы въ нашей политической работѣ къ преданной анаемъ программѣ „Credo“ гораздо ближе, чѣмъ къ ней подошли сами „экономисты“?

Чѣмъ больше вглядываешься въ эти четыре фигуры: громаду Стананова, легальнаго демократа, марксистскую пропагандистку „отъ Комитета“ и революціоннаго пролетарія, тѣмъ болѣе онѣ теряютъ свои индивидуальныя черты, тѣмъ отчетливѣе онѣ „представляютъ“ свои политическія группы и въ лицахъ изображаютъ относительную роль этихъ группъ въ политической жизни страны. И тѣмъ настоятельнѣе потребность утвердительно отвѣтить на поставленный выше вопросъ: да, мы околѣными и сложными путями пришли. . . къ выполненію программы „Credo“.

„Для русскаго марксиста — учила эта программа — исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности“. Иначе сказать: руководство примитивными проявленіями классовой борьбы пролетаріата и ея удержаніе въ зачаточныхъ формахъ съ одной стороны, и активное выступленіе въ рядахъ и шеренгахъ радикальной и либеральной буржуазіи, съ другой.

Если мы оглянемся на содержаніе нашей работы — не только на „содержаніе“ нашего сознанія, нашей программы или нашего Центральнаго Органа, — то мы увидимъ стоящую надъ пролетаріатомъ „партію“ (то, что считаютъ партіей тов. Ленинъ и его

единомышленники), вѣрнѣе сказать — организацію, на $\frac{3}{10}$, если не на $\frac{1}{10}$ состоящую изъ марксистской интеллигенціи, руководящую примитивными проявленіями классовой (экономической и политической) борьбы пролетаріата и, сверхъ того, совершающую время отъ времени походы „во все классы населенія“... т. е. участвующую въ политической борьбѣ радикальной буржуазіи. Скажутъ, что это каламбуръ, или, еще хуже, литературная переделка. Къ несчастью, практика комитетской работы, какъ нельзя болѣе, точно соответствуетъ этой „передержкѣ“. Комитеты „руководятъ“ (хотя, какъ мы уже говорили, они все болѣе и болѣе разучиваются этому искусству) примитивными проявленіями экономической (стачки) и политической (полустихійныя демонстраціи съ неопредѣленными революціонными лозунгами) борьбы пролетаріата и, кромѣ того, въ той или другой формѣ „ходятъ во все классы общества“ — чаще всего въ формѣ прокламацій... Это все.

Нѣкоторые товарищи съ гордостью указывали на то, что изгнаніе Пронина и Степанова съ „техническаго“ съѣзда было подготовлено Петербургскимъ Комитетомъ Партіи. Я охотно допускаю это. Но этотъ фактъ лишь съ избыточной полнотою подчеркиваетъ правильность сдѣланнаго анализа. Петербургскій Комитетъ безъ участія и даже безъ вѣдома сознательнаго петербургскаго пролетаріата вступаетъ въ извѣстное соглашеніе съ радикальной интеллигенціей. Мы не сомнѣваемся, что своимъ вмѣшательствомъ, можетъ быть даже своей инициативой въ изгнаніи двухъ квиневскихъ громилъ Петербургскій Комитетъ сдѣлалъ хорошее дѣло. Онъ оказалъ услугу радикальной интеллигенціи, которая при его помощи силотилась на извѣстномъ лозунгѣ, почувствовала свою силу, сдѣлала шагъ впередъ въ своемъ политическомъ развитіи. Поддержавъ своей инициативой и практическимъ содѣйствіемъ демократическую интеллигенцію, Петербургскій Комитетъ поддержалъ тѣмъ самымъ дѣло общедемократической борьбы съ абсолютизмомъ. Но нельзя же закрывать глаза на то, что пролетаріатъ, живой петербургскій пролетаріатъ стоялъ при этомъ совершенно въ сторонѣ и лишь послѣ, когда было уже поздно, сирапивалъ посланное къ нему отъ „Партіи“ лицо: „Что же намъ теперь дѣлать?“ Группа „профессиональныхъ революціонеровъ“ шла не *во главѣ* сознательнаго пролетаріата, она дѣйствовала, поскольку дѣйствовала, *вмѣсто* пролетаріата.

Совершенно ясно, что эта практика *политическаго замѣстительства* очень далека отъ практики социалъдемократической и гораздо полнѣе покрывается программой Credo, чѣмъ даже практика „экономизма“. Послѣдняя сознательно ограничивалась руководствомъ примитивными („трад-юнионистскими“) требованіями рабочаго движенія. Теоретики Credo, считаясь съ отсутствіемъ самостоятельной политки пролетаріата, какъ съ непреодолимымъ при русскихъ общественно-политическихъ условіяхъ фактомъ, дѣлали надлежащій выводъ, требуя отъ социалъдемократической интеллигенціи выполненія ею *ея* гражданскихъ обязанностей въ формѣ активнаго участія въ политической жизни,

что — при отсутствіи самостоятельной политики пролетаріата — и не могло означать ничего иного, кромѣ участія въ оппозиціонной политикѣ либеральныхъ элементовъ общества. Съ этой точки зрѣнія, нежеланіе марксиста раствориться въ буржуазной оппозиціи означало лишь доктринерское упрямство и „существенный ущербъ для всѣхъ, кто вынужденъ бороться за правды формы не объ руку съ рабочимъ классомъ, еще не выдвинувшимъ политическихъ задачъ“ (Credo). „Экономисты“ были непослѣдовательны и въ массѣ своей проявляли именно такое „упрямство“.

Что же сдѣлали пришедшіе имъ на смѣну „политики“? Они прибавили къ ухудшенной ими въ одномъ отношеніи и улучшенной въ другомъ практикѣ „экономизма“ выполнение второй, но существующей буржуазной задачи, выдвинутой Credo. И — какъ это ни поразительно — люди, которые безъ ужаса не могутъ слышать самаго имени Credo, выполняютъ такую работу, что авторы Credo могли бы сказать: „Они пришли не нарушить нашъ законъ, но исполнить“.

Что же дѣлать?

Совершенно иначе поступилъ бы Петербургскій Комитетъ, еслибъ онъ каждый часъ, каждую минуту чувствовалъ себя не *замыстителемъ* пролетаріата, но его политическимъ *вождемъ*. Это громадная разница, и она не могла бы не отразиться на всемъ поведеніи Комитета.

Если съѣздъ дѣятелей по техническому образованію имѣть политическое значеніе, его, разумѣется, надо использовать. Въ этомъ мы согласны всѣ. Но какъ „использовать“? *Оставаясь въ пролетаріатѣ, не уходя отъ него*. Мы думаемъ, что, если бы петербургскіе социалъдемократы не страдали порокомъ „профессионально-революціонной“ эмансипированности отъ пролетаріата, они не повернулись бы, какъ бы силою рефлекса, лицомъ къ съѣзду, спиной къ петербургскимъ рабочимъ. Все было бы иначе. Комитетъ выпустилъ бы прокламацію къ петербургскому пролетаріату задолго до съѣзда. Въ этой прокламаціи онъ бы разъяснилъ, что такое этотъ подготовляемый съѣздъ, и чего отъ него могутъ и должны требовать петербургскіе рабочіе. Комитетъ собралъ бы всѣхъ своихъ пропагандистовъ и поручилъ бы имъ — не мимоходомъ только, а толково и обстоятельно, въ связи съ абзацомъ программы, относящимся къ поддержкѣ оппозиционныхъ и революціонныхъ движеній, въ связи съ соответственными резолюціями II съѣзда Партіи, познакомить передовыхъ рабочихъ съ политической фізіономіей ожидаемаго съѣзда, съ отношеніемъ къ нему социалъдемократіи. Съѣздъ долженъ былъ естественно стать темой бесѣдъ на летучихъ собраніяхъ. Попадобилась бы можетъ быть еще и еще прокламація. Еще и еще бесѣда въ кружкахъ пропагандистовъ... Кампанія развертывается. Интересъ къ съѣзду — по крайней мѣрѣ у верхнихъ слоевъ пролетаріата — возбужденъ. Тогда Комитетъ вы-

рабатываетъ резолюцію, формулирующую требованія, предъявляемая къ съѣзду петербургскими рабочими. Резолюцію эту одинъ изъ членовъ Комитета подробно разбираетъ съ пропагандистами и агитаторами. Тѣ пускаютъ ее въ оборотъ далѣе по всѣмъ ячейкамъ организаціи. Подсчитываютъ голоса. Когда ихъ соберется сто-двѣсти, резолюцію гектографируютъ или печатаютъ и пускаютъ по рукамъ — для подписей. Подписываться будутъ, разумеется, крестами. Рабочіе, посѣщающіе кружки пропаганды, особливо же профессиональные агитаторы приложатъ всѣ силы, чтобы собрать побольше подписей, всячески заинтересовывая рабочихъ въ кампаніи, которую ведетъ Комитетъ. Представится десятки случаевъ, — была бы небольшая инициатива! — когда кропотливое собраніе подписей можно замѣнить прочтеніемъ резолюціи вслухъ и поднятіемъ рукъ. Руки подсчитываются. Листы съ собранными крестами, число поднятыхъ рукъ — все это передается Комитету. И, по мѣрѣ того, какъ кампанія будетъ развертываться все шире и шире, фактически, на дѣлѣ превращая „рѣшеніе“ официальной группы петербургскихъ интеллигентовъ-марксистовъ въ формулировку политической воли сознательнаго петербургскаго пролетаріата, Комитетъ начнетъ по легоньку оттаивать отъ своей „профессионально-революціонной“ оледенѣлости и попробуетъ... не попробуетъ почувствовать себя вождемъ петербургскаго пролетаріата. А это чрезвычайно большое и, къ горю нашему, мало знакомое намъ чувство!.. Открывается съѣздъ. Петербургскій Комитетъ предъявляетъ ему резолюцію, формулирующую сознательныя требованія 500, 1000, 5000 петербургскихъ рабочихъ. Резолюція говоритъ, между прочимъ, и о необходимости изгнать со съѣзда Прошина и Степанова. Каждый изъ рабочихъ, подписавшихъ резолюцію, будетъ знать, что съѣзду предъявлено *его* требованіе, и что съѣздъ долженъ будетъ дать *ему* отвѣтъ. Въ случаѣ, если послѣдуетъ изгнаніе со съѣзда Прошина и Степанова, революціонному рабочему не придется взволнованно, съ горькимъ чувствомъ оторванности и безсилія, спрашивать барышню-пропагандистку: „Что же намъ теперь дѣлать?“ Ибо онъ уже свое сдѣлалъ.

Предъявленіе съѣзду резолюціи открываетъ двѣ возможности. Съѣздъ идетъ на встрѣчу требованіямъ петербургскихъ рабочихъ, очищаетъ свою среду отъ реакціонныхъ бандитовъ, формулируетъ отъ своего имени требованія восьмичасоваго рабочаго дня, свободы собраній и слова... Если съѣздъ дѣлаетъ это, — а это весьма вѣроятно, ибо радикально-демократическая интеллигенція заинтересована въ поддержаніи своего добраго престижа въ глазахъ революціоннаго пролетаріата, — если съѣздъ идетъ навстрѣчу, тогда мы имѣемъ случай, когда пролетаріатъ дѣйствительно выступаетъ, какъ *авангардъ* общедемократическаго движенія, увлекая своей инициативой, своимъ политическимъ вліяніемъ непролетарскую демократію на болѣе смѣлые шаги, на болѣе рѣшительныя требованія. Если же съѣздъ, охраняя свою легальность и умѣренность тѣлѣннѣе, чѣмъ свою демократическую репутацию, въ той пли другой формѣ выразитъ свое невниманіе

къ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ, эти послѣдніе получаютъ наглядный незабываемый урокъ — „половинчатости“ и „верѣшительности“ буржуазной оппозиціи. Словомъ, какъ бы ни реагировалъ съѣздъ на голосъ сознательнаго пролетаріата, усилія Комитета не пропади даромъ. Тѣ рабочіе, которые вовлечены во время кампаніи въ дѣло „давленія“ на радикальную демократію уже тѣмъ самымъ *отдѣлены* отъ нея. Они уже заинтересованы въ увеличеніи своего удѣльнаго вѣса, они уже получили навѣкъ — если такъ можно выразиться — политически осязать свое классовое тѣло.

Разумѣется, на техническомъ съѣздѣ свѣтъ клиномъ не сошелся. Это лишь образчикъ. Какъ ни нища наша общественная жизнь, по она дастъ все же цѣлый рядъ поводовъ для активнаго политическаго вмѣшательства партіи пролетаріата.

Использовалъ ли Петербургскій Комитетъ послѣдніе думскіе выборы, которые, благодаря пониженію избирательнаго ценза, прошли съ такимъ оживленіемъ? Либеральная пресса была полна ими, цензовые либералы упрочали свои позиціи, „периферійная“ интеллигенція организовалась вокругъ избирательной агитаціи. Пробовалъ ли Комитетъ внести въ этотъ хоръ голосъ сознательнаго пролетаріата? Пробовалъ-ли онъ въ той или другой формѣ противопоставить *на этомъ вопросѣ* рабочихъ — правительству Плеве, реакціоннымъ и либеральнымъ думцамъ, либеральной прессѣ и „радикальной“ интеллигенціи? Пробовалъ ли онъ объединить сознательныхъ рабочихъ вокругъ лозунга: *всеобщее равное прямое избирательное право*? Итъ, не пробовалъ. Ему даже не приходило въ голову, что это его обязанность.

Въ прошломъ году въ земствахъ обсуждался, по инициативѣ мин. вн. дѣлъ, вопросъ о земскомъ избирательномъ цензѣ. Земцы дали по этому вопросу свое заключеніе, рекомендуящее въ какихъ скромныхъ размѣрахъ они склонны „допустить“ народъ къ участию въ политической жизни будущей свободной Россіи... Шумѣла и гудѣла либеральная пресса, предлагавшая — въ своемъ крайнемъ радикализмѣ — рядомъ съ пониженнымъ имущественнымъ цензомъ установить цензъ „осѣдло-образовательный“. Что же, поднималъ пролетаріатъ свой протестующій голосъ противъ этихъ обоихъ видовъ ценза? Итъ, не поднималъ. Сдѣлана ли была со стороны руководящихъ организацій попытка „подтолкнуть“ пролетаріатъ въ этомъ направленіи? Никакой!.. Все, что Партія дала по этому поводу, это... передовая статья въ № 55 „Искры“ („Оъ народомъ или противъ народа?“). Центральныи Органъ, по довѣренности отъ съѣзда, расписался такъ сказать за политически неграмотный пролетаріатъ. Имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ хоть малѣйшее основаніе надѣяться, что этотъ безмолвный пролетаріатъ сможетъ и сумѣетъ активно выступить на защиту народныхъ интересовъ, когда призванные въ Земскій Соборъ либералы будутъ политически обкрадывать народъ? Или же мы надѣемся на то, что „Искра“ въ рѣшительную минуту „подтолкнетъ“, по порученію экстреннаго съѣзда, либераловъ — ко всеобщему избирательному праву?

Замѣстительство и замѣстительство!

Какъ безслѣдно для политическаго воспитанія пролетаріата прошли эти полгода войны! А между тѣмъ война даетъ нашей партіи незамѣнимый матеріалъ для всероссійскихъ политическихъ кампаній, ибо она очень остро задѣваетъ сознание самыхъ шжайшихъ низовъ... Примѣръ. Партія ставитъ себѣ задачу: посвятить мѣсяць-два-три концентрованію революціонныхъ силъ вокругъ лозунга: „Ни гроша на войну!“ Вся агитація, руководимая политически мыслящимъ и политически бодрствующимъ центромъ, вытягивается въ одну линію. Во всѣхъ кружкахъ и группахъ, замкнутыхъ „дискуссіяхъ“ и широкихъ собраніяхъ, въ прокламаціяхъ ведется рѣчь на одну и ту же тему. Холопское или двусмысленное поведеніе либеральной прессы, московской и штутгартской, предательское поведеніе думъ и земствъ, расхищающихъ народныя деньги на военныя пожертвованія, все это даетъ неисчерпаемый матеріалъ для напряженной агитаціи, устной и печатной. Когда почва достаточно подготовлена, тогда мѣстные комитеты — подъ руководствомъ политически мыслящаго и политически бодрствующаго центра — организуютъ всероссійскій протестъ противъ позорнаго поведенія органовъ самоуправленія и прессы — въ формѣ резолюцій негодованія, а гдѣ возможно — соотвѣтствующихъ массовыхъ демонстрацій.

Если бы наша партія провела одну, хотя бы только одну такую цѣльную боевую кампанію, она бы вся воспрянула, нужные люди, какъ крупные орѣхи при встряскѣ корзины, оказались бы наверху, исчезли бы глушыя жалобы на „внутреннихъ враговъ“, — Партія сразу выросла бы на цѣлую голову!

Два слова о пропагандѣ.

Въ связи съ расширеніемъ и углубленіемъ политической дѣятельности нашей партіи и постановка пропаганды должна подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ. Вопросъ пропаганды всегда былъ большимъ вопросомъ нашей работы... впрочемъ, какой вопросъ у насъ не былъ большимъ?

Мы дѣлаемъ безпримѣрный историческій опытъ: созданія въ рамкахъ абсолютизма — не только въ его полицейскихъ, но и въ его общественно-историческихъ рамкахъ — партіи пролетаріата. Вслѣдствіе этого вся исторія нашей партіи есть, въ извѣстномъ смыслѣ, исторія смѣняющихъ другъ друга, по законамъ внутренней необходимости, попытокъ *упрощенія* социалъдемократическихъ задачъ примѣнительно къ нашей политической бѣдности. Пропаганда идей научнаго социализма въ большихъ кружкахъ всегда представляла собой какъ бы нѣкоторый коррективъ къ этому стихійно слагавшемуся упрощенію. Нерѣдко она представляла собой нѣчто вродѣ контрабанды — въ сущности кружковая пропаганда не входила естественной составной частью ни въ практику „экономизма“, ни въ такъ называемые „планы“ Ленина, — она почти всегда примѣнялась, какъ вынужденная дань, которую наша партія платила своему *социалистическому* характеру. „Кружковыя занятія — говоритъ польскій то-

вариантъ, полемизируя съ Р. Р. С. — при нелегальныхъ условіяхъ социальна-революціонной дѣятельности и впредь останутся главнымъ средствомъ въ рукахъ социалистической организаціи для выработки возможно большаго количества интеллигентныхъ опытныхъ агитаторовъ и руководителей изъ рабочей среды“ („Очерки по исторіи социалистическаго движенія въ русской Польшѣ“, стр. 188). Если мы въ періодъ организаціоннаго фетишизма не усидѣли — по примѣру Р. Р. С. — выбросить кружковую пропаганду за окно, какъ балластъ для конспиративно-централистическаго зодчества, то этимъ мы въ значительной мѣрѣ обязаны „маленькимъ недостаткамъ“ нашего организаціоннаго механизма, оставившаго насъ часто безъ всякой партійной литературы и тѣмъ вынуждавшаго прибѣгать къ „кустарническимъ“ методамъ кружковой пропаганды.

Освободить нашу пропаганду отъ ея абстрактнаго, зачастую схоластическаго характера и наполнить ее живымъ политическимъ содержаніемъ: изъ кустарническаго „пережитка“ превратить ее въ *органическую часть нашей расширенной и углубленной политической работы*, — такую задачу выдвигаетъ передъ нами новый періодъ нашей партійной жизни.

Кружковая пропаганда у насъ обыкновенно ведется — по-скольку ведется — по какой-нибудь выработанной комитетомъ программѣ, очень сложной и никогда не выполняемой. Рабство... крѣпостное право... наемный трудъ. Или: освобожденіе крестьянъ... хожденіе въ народъ... „Народная Воля“... развитіе промышленности... социалдемократія... и пр. и пр. Пропагандисты (искренніе) жалуются на то, что рабочіе спятъ. Составъ кружка обновляется прежде, чѣмъ доберутся до социалдемократіи. Да и добравшись до нея, начинаютъ съ ужасающихъ абстракцій и... ими же кончаютъ. Пропагандистъ не понимаетъ, что онъ занимается политической, а не педагогической, что въ политикѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, долѣтъ дневи злорады его; онъ не чувствуетъ и не сознаетъ, что его задача — вооружить рабочихъ своего кружка тѣмъ цикломъ фактовъ и идей, который далъ бы имъ возможность разобраться сейчасъ во всѣхъ событіяхъ, волнующихъ городъ, страну, міръ, — и не только самимъ разобраться, но и сдѣлать эти событія матеріаломъ для живой агитаціи. Пропагандистъ помнитъ, что ему поручено пройти съ рабочими „курсъ“. И если промышленный кризисъ, международный социалистическій конгрессъ или война Россіи съ Японіей застигнетъ его на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, — онъ заставитъ войну посторониться и будетъ по-прежнему излагать исторію крестьянской реформы. Точно рабочіе — шкользники, готовящіеся къ экзамену по „курсу“, а не политически активныя личности! Что же удивительнаго, если рабочіе откровенно зѣваютъ? Они не зѣвали бы, еслибы пропаганда была составной частью той *политической кампаніи*, которую они сейчасъ ведутъ... или которую они должны вести.

Но приведемъ прежде, для характеристики постановки пропаганды, отзывъ „практиковъ-руководителей кружковъ“. Изложивъ свою „программу“, которая не лучше и не хуже десятка

других „программ“, авторы отзыва пишутъ. „Чтеніе этихъ лекцій отнимаетъ много времени, такъ какъ растягивается на двадцать вечеровъ. Такимъ образомъ на каждый кружокъ изъ 10 человекъ рабочихъ интеллигентъ тратитъ 5-6 мѣсяцевъ. Между тѣмъ практика показываетъ, что большинство слушателей не въ состояніи усвоить ихъ въ полномъ объемѣ, и чуть интеллигентъ остановится подольше на какомъ-нибудь вопросѣ, вниманіе рабочихъ утомляется, воспримчивость ослабѣваетъ и чувствуется, что всѣ детали и подробности лекціи совершенно излишни, что надо говорить какъ можно меньше, короче, свести свою лекцію почти къ агитаціонной рѣчи. — Но въ тоже время нерѣдко приходится слышать со стороны рабочихъ заявленія такого рода: „мы не хотимъ больше агитаціи и агитаціонныхъ рѣчей. Мы уже не дѣти и достаточно спропагандированы“. Бывали случаи, что рабочіе требовали чтенія съ ними въ кружкѣ перваго тома *Капитала* Маркса.“ („Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ“, изд. Лиги, 1902 г., стр. 6). А вотъ отзывъ еще одного пропагандиста, тоже съ собственной „программой“. „Первые 2-3 лекціи, пишетъ онъ, прошли довольно живо. Меня понимали, мнѣ задавали вопросы, отъ меня, видимо, ждали чего-то поваго, сильнаго. Но черезъ нѣсколько времени интересъ сталъ мало-по-малу ослабѣвать. На лекціи являлись очень часто не всѣ члены кружка. Тѣ, которые продолжали являться, стали относиться пассивно. Нерѣдко я улавливалъ на лицахъ выраженіе скуки и усталости, а на глазахъ нѣмой вопросъ: „Зачѣмъ говорить онъ намъ все это?“ Я старался измѣнить тонъ своей бесѣды и нерѣдко, по поводу какого-нибудь особенно вопіющаго правонарушенія со стороны администраціи или правительства, переходилъ къ выясненію безобразія всей нашей системы и необходимости борьбы съ ней. Я увлекался самъ, говорилъ долго и горячо. Поднимаю глаза на своихъ слушателей... И что же? — Предо мною совершенно равнодушныя, усталыя лица... А между тѣмъ нашъ рабочій классъ — сила глубоко революціонная. Онъ проситъ и ищетъ дѣла. Какъ преображались тѣ же самые рабочіе, когда мнѣ приходилось рассказывать имъ о настоящей активной борьбѣ ихъ товарищей, объ особенно выдающихся стачкахъ, демонстраціяхъ. Съ какимъ увлеченіемъ передавали свои впечатлѣнія тѣ изъ нихъ, кому случалось самимъ принять участіе въ такихъ событіяхъ“. И авторъ заключаетъ: „Накопившейся энергій надо дать исходъ. Нашимъ рабочимъ нужно дѣло, настоящее, живое дѣло, а слова ихъ только усыпляютъ. Они и безъ нашихъ бесѣдъ знаютъ, что капиталисты и правительство ихъ врагъ, и что съ ними надо бороться: имъ надо указать способы борьбы и двинуть ихъ впередъ“... (Тамъ же, стр. 21 и 22). Такъ бьются пропагандисты между „агитаціоннымъ“ и „пропагандистскимъ“ характеромъ своихъ лекцій, тщетно пытаясь возбудить вниманіе своихъ слушателей. И они подходятъ къ познанію причины зла: *мысль дремлетъ, нога не задвигаетъ воля*. — Гдѣ же выходъ? Какъ вдохнуть живой духъ въ пропаганду?

Выше мы говорили о техническомъ съездѣ. Остановимся и здѣсь на этомъ примѣрѣ. Комитетъ организуетъ очерченную

выше сложную политическую кампанію. Намѣтивъ въ общихъ чертахъ ея планъ, онъ черезъ одного изъ своихъ членовъ развертываетъ этотъ планъ предъ пропагандистами и рекомендуетъ имъ изложить и принципиально освѣтить этотъ планъ въ кружкахъ пропаганды. Повѣрьте, что на ближайшихъ кружковыхъ собраніяхъ ни одинъ рабочій не засплетъ. Пропагандистъ сразу себя почувствуетъ не школьнымъ учителемъ, а политической величиной: онъ активно и непосредственно участвуетъ въ сложной политической работѣ. Онъ читаетъ кружку боевую политическую лекцію, для которой онъ дома старательно мобилизуетъ все имѣющіяся у него по этому вопросу знанія.

Онъ сообщаетъ о готовящемся съѣздѣ, его смыслѣ и значеніи. Затѣмъ рисуется планъ: объединить все сознательные элементы пролетаріата вокругъ такого-то адреса техническому съѣзду. Роль демократической интеллигенціи. Наше отношеніе къ оппозиціоннымъ и революціоннымъ теченіямъ. Все эти вопросы должны быть разобраны, принципиально освѣщены и, значитъ, возведены къ извѣстнымъ положеніямъ партійной программы. Если кампанія затянется на нѣсколько недѣль, то нѣтъ сомнѣнія, что на слѣдующія собранія рабочіе будутъ являться съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, выросшихъ непосредственно изъ ихъ агитаціонной практики. Отвѣты на эти вопросы не будутъ проходить мимо ушей, а будутъ плотно укладываться въ головѣ, потому что эти отвѣты не просто полагаются „по курсу“, они нужны сегодня, сейчасъ же, чтобъ довести до конца большое, интересное, захватывающее предпріятіе. Въ процессѣ такой пропаганды прінятыя II съѣздомъ резолюціи о либералахъ и соотвѣтственный абзацъ партійной программы будутъ наполняться живою плотью и живою кровью. Рабочіе ясно увидятъ, что программа и резолюціи пишутся не для отягченія, а для руководства въ политическихъ сраженіяхъ, большихъ и малыхъ. — Такъ, отъ одной кампаніи къ другой, будетъ „пройдена“ въ кружкахъ пропаганды вся партійная программа. Правда, логическая послѣдовательность будетъ при этомъ нарушена. Но она все равно нарушается — при всякой системѣ пропаганды: кружки распадаются, либо обновляется ихъ составъ, пропагандисты арестовываются...

Гдѣ организація очень слаба и имѣетъ небольшую сферу вліянія, такъ что постановка сложныхъ политическихъ предпріятій комитету не подъ силу — да и въ большихъ и сильныхъ комитетахъ въ эпоху политическаго затишья, — тамъ пропаганду можно, конечно, располагать въ логической послѣдовательности какого-нибудь „курса“. Но врядъ ли какой-нибудь комитетъ изобрѣтетъ лучшую программу кружковыхъ занятій, чѣмъ та, какую представляетъ программа нашей партіи. Если занятія въ кружкахъ не могутъ вестись не по шаблону, то это — лучший изъ шаблоновъ. Лекціи приспособляются къ послѣдовательнымъ абзацамъ программы. Задача такого „курса“ — выработать изъ члена кружка сознательнаго члена партіи, который долженъ „признавать“, а слѣдовательно прежде всего ясно *понимать* партійную программу.

Но, повторяемъ, не можетъ быть лучшаго изученія партійной программы, какъ на живыхъ образахъ, отъ событія къ событію,

каждый раз въ „утилитарно“-политическихъ цѣляхъ. Только при такомъ методѣ пропаганда перестанетъ казаться *уступкой* чему-то (классовому, социалистическому характеру Партіи), — а именно такъ къ ней относились и „экономисты“ и ихъ преемники. Такимъ образомъ поставленная пропаганда обезпечить наши организаціи не только простыми исполнителями техническихъ функцій, но и активными яи на какомъ мѣстѣ не теряющимися работниками политической партіи.

Отъ педагогики къ тактикѣ.

Въ цитированномъ выше „Письмѣ къ товарищамъ-пропагандистамъ“, написанномъ въ концѣ 1901 г., изданномъ въ 1902 г. и въ свое время прошедшемъ совершенно безслѣдно — не тѣ вопросы стояли на очереди! — находимъ слѣдующія интересныя строки. „Такъ какъ рабочіе то и дѣло высказываютъ неудовольствіе такимъ положеніемъ дѣлъ, когда они день изъ дня, мѣсяцъ за мѣсяцемъ только все слушаютъ да слушаютъ, ничѣмъ не проявляя свой революціонизмъ, и въ концѣ концовъ принимаютъ за избіеніе шпіоновъ или пускаются въ рукопашную со своими хозяевами, то надо дать хоть какой-нибудь исходъ ихъ силамъ и энергіи. Для этой цѣли комитеты могутъ ввести въ систему протесты и сочувственные адреса. Правительство, напримѣръ, замалчиваетъ голодъ. Можно выпустить по этому поводу нѣсколько листовъ, раскрывающихъ всю его адскую работу по превращенію голода въ недородъ, и затѣмъ, выпустивъ прокламацію съ приглашеніемъ рабочихъ протестовать противъ этого нечестно, составить текстъ протеста, прочесть его во всѣхъ кружкахъ, раздать на руки рабочимъ для собиранія подписей (анонимныхъ, конечно), наконецъ, выпустить отъ имени комитета этотъ протестъ съ указаніемъ числа протестующихъ рабочихъ. Эта работа, простая и легкая, приподнимаетъ настроеніе рабочихъ и, если будетъ повторяться достаточно часто, подготовитъ ихъ къ исполненію болѣе серьезныхъ работъ. Точно также, если началась гдѣ-нибудь стачка, можно опять составлять сочувственные адреса, широко распространять въ массѣ извѣстія о всѣхъ перипетіяхъ ея, собирать хотя бы только грошоваыя средства среди рабочихъ и т. д. Словомъ, — протестовать по поводу всего, что только можетъ вызвать протестъ, откликаться на все, что только способно возбудить сочувствіе среди рабочихъ. Отчего, наконецъ, не попробовать устроить бойкотъ нелюбимаго мастера или не устроить стачку изъ-за какой-нибудь мелочи, которую фабрикантъ или хозяинъ легко уступитъ? Солидарность, чувство товарищества, взаимная поддержка и все прочія прекрасныя качества, о которыхъ рабочимъ теперь слушать надоѣло, развиваются, однако, только практикой, и надо упражнять, елико возможно, эти чувства, сплавляя рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ въ одну дѣйствительно-товарищескую массу, какъ эхо откликающуюся на призывъ къ помощи со стороны угнетаемыхъ. — Итакъ, мы предлагаемъ комитетамъ, какъ

можно чаще призывать рабочих на путь активных протестов, стачек и поддержки товарищей, причем твердо убеждены, что это соответствует нынѣшнему настроенію массъ и принесетъ блестящіе плоды, приучая ихъ дѣйствовать стойко и сообща, научая откликаться на все событія дня". („Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ", изд. Лиги, 1902 г., стр. 15).

Въ этихъ поучительныхъ строкахъ еще не выдвинуты *тактическии задачи* въ собственномъ смыслѣ слова. — авторъ рекомендуетъ безъ различія и протестъ противъ „голодных" мѣропріятій правительства, и бойкотъ нелюбимаго мастера, и стачку изъ-за какой-либо мелочи". Но та задача, которая вырисовывается изъ его случайныхъ указаній, можетъ быть формулирована общо, какъ задача развитія *самодѣятельности* пролетаріата. Мы уже отмѣтили, что эта мысль пронала для того періода безслѣдно, — ибо самодѣятельность рабочихъ, поскольку даже она не была на подозрѣніи въ „трэдъ-юніонизмѣ", оставалась тогда для всехъ словомъ, — для многихъ очень важнымъ, цѣннымъ, но все же словомъ¹⁾. . . У Гауптмана гдѣ-то говорится, что „слова только по временамъ оживляютъ... въ будничной жизни они остаются мертвыми"... Тоже съ партійными и политическими лозунгами. Нуженъ былъ II съѣздъ, несчетное число злѣйшихъ переворотовъ въ партійныхъ организаціяхъ, цѣлый рядъ злѣйшихъ треній во всехъ направленіяхъ — при молчаливомъ „попустительствѣ" низовъ, чтобы крикъ, почти стонъ: „Къ массамъ! Въ массу!" вырвался изъ груди нашей партіи, чтобы слова: *самодѣятельность пролетаріата* стали живымъ и, будемъ надѣяться, животворящимъ лозунгомъ.

Вопросы *соціалдемократической тактики*, цѣликомъ опирающейся на политически сознательныя и политически активныя массы, выдвинуты въ настоящій моментъ на очередь дня всемъ предшествующимъ развитіемъ нашей партіи, создавшимъ, какъ мы указали во „Введеніи", необходимыя для этого матеріальныя и идейныя предпосылки. — и можно быть увѣреннымъ, что теперь всякая литературная или практическая работа, преслѣдующая развитіе политической самодѣятельности рабочаго класса, не пропадетъ безплодно, не будетъ замята, подавлена. . .

Авторъ цитированнаго „Письма" задается тѣми цѣлями, которыя мы выше выразили въ психологическихъ терминахъ: воспитаніе *сознанія* и воспитаніе *воли* пролетаріата. Въ собственномъ смыслѣ слова, повторяемъ, здѣсь еще нѣтъ вопросовъ тактики: бойкотъ нелюбимаго мастера, стачка изъ-за „мелочи", протестъ противъ „адской работы" правительства во время голода, все эти „оказательства" должны, по мысли автора, одинаково служить тѣмъ — скорѣе педагогическимъ, чѣмъ политическимъ — задачамъ, которыя стоятъ, на его взглядъ, передъ соціалдемократическими организаціями. Сплоченіе рабочихъ на томъ или

¹⁾ Одно изъ блестящихъ исключеній составлялъ тов. Надеждинъ. Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ съ своей стороны почти все, чтобы отрѣзать себя отъ Партіи и исключить для себя возможность вліянія.

иномъ лозунгѣ оцѣнивается исключительно со стороны субъективно-психологическихъ, по не объективно-политическихъ результатовъ. И это вполне понятно.

Въ періодѣ переходный отъ кружковой („кустарнической“) жизни къ жизни политической партіи. тѣ по существу новые тактические приемы, на которые наталкивается мысль отдѣльных работниковъ партіи, разсматриваются еще ими самими подъ старымъ „кустарническимъ“, педагогическимъ, а не политическимъ угломъ зрѣнія. И этотъ ограниченный уголъ зрѣнія только отвѣчаетъ ограниченности матеріальныхъ и идейныхъ ресурсовъ, которыми располагають партійныя организаціи въ этотъ переходный періодъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ замѣчательно то, что мысль, не удовлетворяясь *кружковой пропагандой и распространеніемъ литературы*, ищетъ такихъ формъ воздѣйствія на массу, которыя въ самихъ себѣ заключали бы возможность своего дальнѣйшаго развитія и своего перерожденія изъ воспитательныхъ методовъ въ *тактические*. Въ нѣкоторыхъ изъ преподаваемыхъ авторомъ „Письма“ совѣтахъ „кустарнической“ педагогики скрываются, какъ колосъ въ зернѣ, новые приемы политической тактики. Количество и здѣсь переходитъ въ качество.

Въ самомъ дѣлѣ.

Протестъ рабочихъ противъ поведенія правительства во время голода останется чисто „воспитательной“ мѣрой, если будетъ исходить отъ сотни-другой рабочихъ въ томъ или иномъ городѣ, и онъ получитъ политическое значеніе, если паростоящей волной прокатится по всей Россіи, собирая тысячи и десятки тысячъ протестующихъ пролетарскихъ голосовъ... Призвать къ этому массовому протесту студенчество и „честныхъ гражданъ“ будетъ дальнѣйшимъ шагомъ политически мыслящаго и политически бодрствующаго центра, силотившаго вокругъ себя все живыя силы Партіи. Слѣдующимъ шагомъ будетъ протестъ революціоннаго пролетаріата противъ рабьяго молчанія либеральной прессы, которая даже передъ лицомъ великаго народнаго несчастья не осмѣливается переступить цензурные запреты. Далѣе можетъ послѣдовать призывъ ко всемъ общественнымъ организаціямъ, постояннымъ и временнымъ, господствующимъ классовъ — такъ или иначе формулировать свое отношеніе къ правительственной тактикѣ. Наконецъ, протестъ революціонныхъ массъ — если эти общественныя организаціи, прежде всего земства и думы, остаются безмолвными.

Это и есть путь къ *политическому противопоставленію более сознательныхъ слоевъ пролетаріата организаціямъ господствующихъ классовъ въ самомъ процессѣ общедемократической борьбы съ капитализмомъ*. Именно на этомъ пути мы можемъ придать классовый характеръ нашей политической борьбѣ.

Въ профессиональной борьбѣ отдѣльныя группы рабочихъ сталкиваются съ отдѣльными капиталистами. Въ политической борьбѣ пролетаріатъ сталкивается съ самодержавіемъ. Но въ оппозиціи къ самодержавію стоятъ и широкіе круги буржуазіи. Послѣдняя еще не является въ Россіи господствующимъ классомъ. Правительство еще не представляетъ собой, какъ въ парламентскихъ

странахъ, исполнительнаго комитета буржуазіи. Поэтому широкая борьба съ ней въ плоскости политической для насъ теперь еще невозможна. А между тѣмъ именно эта борьба придаетъ классовый характеръ движенію пролетаріата. Лишь будущая свободная Россія, въ которой намъ, — не въ примѣръ гг. „соціалистамъ-революціонерамъ“, — придется, разумѣется, играть роль оппозиціонной, а не господствующей партіи, дастъ возможность широко и полно развернуться классовой борьбѣ пролетаріата за государственную власть. Но для того, чтобы борьба пролетаріата за „свободную Россію“ сыграла, подъ руководствомъ соціал-демократіи, роль подготовки къ борьбѣ за диктатуру, необходимо уже сегодня противопоставлять пролетаріатъ вѣжмъ постояннымъ и временнымъ организаціямъ того класса, который завтра стаетъ у государственнаго кормила. Недостаточно одного принципиально-теоретическаго противопоставленія въ программѣ или публицистическаго — въ партійной прессѣ. Необходимо живое противопоставленіе въ политическомъ дѣйствіи.

Въ этомъ и состоитъ то „новое“, что мы хотимъ внести въ дѣятельность нашей партіи.

Н. В. Аксельродъ уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ведетъ устную пропаганду новыхъ тактическихъ задачъ, подготавливая такимъ образомъ необходимую психологическую почву въ сознаніи руководящихъ движеніемъ товарищей. Тов. Аксельродъ понималъ, что подойти къ этимъ задачамъ вплотную партія сможетъ только организовавшись, т. е. создавъ идейная и техническія предпосылки объединенныхъ политическихъ дѣйствій всѣхъ своихъ частей. . . Не прекращалъ этой своей „кустарнической“ пропаганды не-кустарническихъ методовъ работы тов. Аксельродъ и въ теченіе всего періода „Искры“, возлагая большія надежды въ этомъ отношеніи на съѣзд¹⁾. Но — „злоба довлѣтъ днєви“, и тѣ товарищи, съ которыми Аксельродъ говорилъ о вопросахъ политической тактики, либо формально соглашались съ нимъ, не реализуя для себя содержанія его рѣчей, либо возражали ему, указывая на новизну и сложность такой постановки дѣла, на ея несомвѣстимость съ русскими полицейскими условіями, подчеркивая ничтожную политическую роль земствъ, думъ и съѣздовъ, на которые эта тактика разсчитана. . . Всѣ эти соображенія, какая бы доля истины въ каждомъ изъ нихъ ни заключалась, не могутъ играть роль возраженій противъ формулированныхъ Аксельродомъ тактическихъ задачъ.

1) Конспиративныя условія не могутъ помѣшать организаціи сложныхъ политическихъ кампаній въ большей мѣрѣ, чѣмъ организаціи стачекъ или демонстрацій. Достаточно напомнить здѣсь, что первые пропагандисты думали ссылкой на полицейскія условія задержать агитацію въ массахъ, а „экономисты“ тотъ же аргументъ приводили противъ „безумной идеи“ политическихъ демонстрацій.

¹⁾ См. „Отчетъ Сиб. дел.“, стр. 7, и Протоколы Второго Съѣзда, рѣчь Аксельрода, стр. 360.

2) Новые методы работы не представляют никакого „риска“, такъ какъ они означаютъ не разрывъ со старыми, уже испытанными и вѣрными приемами борьбы ради новыхъ и неизвѣстныхъ, а лишь *болѣе сложными комбинаціи тѣхъ же стирныхъ методовъ*: пропаганды, устной и печатной агитаціи, руководства массовыми „дѣйствіями“.

3) Роль земствъ и думъ, особенно земствъ, будетъ въ революціонный періодъ расти. Либерально-цензовая партія, съ большій долей вѣроятія видить въ земствѣ ту „скалу, на которой воздвигнется церковь будущаго“. Борьба за всеобщее избирательное право — при и послѣ ликвидаціи самодержавія — можетъ, слѣдовательно, очень легко превратиться въ прямую борьбу противъ земскаго и думскаго избирательныхъ цензовъ. Готовиться къ борьбѣ въ этой плоскости — наша обязанность.

Какую бы незначительную роль ни играли земства, думы, сѣзды, либеральная пресса и всякія иныя организаціи буржуазныхъ классовъ, какъ активныя силы борьбы съ царизмомъ, но вѣдь это все, что мы имѣемъ отъ непосредственной организаціи политической воли буржуазіи. Было бы преступленіемъ игнорировать всѣ тѣ реальныя задѣлки для классоваго самоопредѣленія пролетаріата, которыя предоставляетъ намъ существующій режимъ. Это значило бы отказываться сдѣлать малое, потому что нельзя сдѣлать большее...

Во всякомъ случаѣ совершенно безплодно пытаться учесть заранее результаты тактическихъ методовъ, къ которымъ мы вплотную придвинулись какъ внутреннимъ развитіемъ нашей партіи, такъ и общимъ политическимъ состояніемъ страны. Во время того генеральнаго учета всѣхъ силъ, какимъ будетъ періодъ революціи, исторія сама подведетъ итогъ завоеваніямъ, сдѣланнымъ нами... Она не преуменьшитъ и не преувеличитъ. И ужъ несомнѣнно, что она не посмѣетъ не учесть — такъ или иначе — малѣйшей изъ крупницъ классоваго самосознанія и классовой самодѣятельности, внесенныхъ нами въ пролетарское движеніе.

Итакъ — за работу!

Да здравствуетъ самодѣятельность пролетаріата, — и прочь политическое замѣтительство!

Прочь политическое „замѣтительство“!

Мы хотимъ, чтобы товарищи не проглядѣли принципиальной разницы двухъ методовъ работы — за частными подробностями разобравшихъ выше по разнымъ поводамъ примѣровъ. А разница эта, если свести ее къ ея принципиальнымъ основамъ, имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія характера всей работы нашей партіи. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ *отдумываніе* въ пролетаріатѣ, политическое *замѣтительство* пролетаріата, въ другомъ — политическое *воспитаніе* пролетаріата, его политическое *мобилизованіе* для цѣлесообразнаго давленія на волю всѣхъ политическихъ группъ и партій. И эти двѣ системы даютъ совершенно различныя объективныя политическія результаты.

Когда социальдемократъ пытается своей собственной инициативой „подтолкнуть“ либеральную оппозицію, тогда самый успѣхъ его опирается лишь на политическую психологію этой оппозиціи, а это уже заранее предопредѣляетъ ничтожные размѣры „успѣха“. Его инициатива, въ формѣ ли прокламаціи или въ формѣ „конспиративнаго“ совѣта за кулисами политической сцены, будетъ учтена постольку, поскольку она отвѣчаетъ настроенію и мышленію либеральной аудиторіи. Другими словами, социальдемократъ фигурируетъ тутъ въ глазахъ либераловъ, какъ демократъ съ марксистскими предразсудками.

Совсѣмъ другая картина складывается, когда либеральщикъ видитъ въ социальдемократѣ представителя реальной силы, хотя бы лишь въ нѣсколько тысячъ рабочихъ. Тогда политическое событіе пойдетъ не по тому пути, который диктуется политической логикой и политической психологіей либерализма, оно пойдетъ по равнодѣйствующей, полученной въ результатъ приложенія другой силы — политической логики и политической психологіи сознательнаго пролетаріата. Социальдемократъ въ своей инициативѣ не будетъ *опираться* на психологію своего временнаго „сотрудника“, — онъ будетъ только *считаться* съ ней; опираться же онъ будетъ на организованное мнѣніе пролетаріата. Онъ будетъ фигурировать предъ либералами не какъ демократъ съ марксистскими предразсудками, а какъ представитель демократическихъ требованій пролетаріата.

Тактика нашихъ комитетовъ, обращающихся время отъ времени — за спиной пролетаріата — съ призывными или обличительными прокламаціями къ студенчеству, земствамъ, думаемъ, различнымъ съѣздамъ, имѣетъ много общаго съ тактикой либеральныхъ земствъ, „ходатайствующихъ“ предъ самодержавіемъ за „народъ“. Замѣстительствуя пролетаріатъ, руководящія социальдемократическія группы не понимаютъ, что намъ въ такой же мѣрѣ необходимо привлекать пролетаріатъ къ „демонстраціи“ его классовой воли по отношенію къ либеральной и радикальной демократіи, какъ мы привлекаемъ его къ демонстраціи его революціоннаго демократизма противъ самодержавія. Замѣстительствуя пролетаріатъ, наши комитеты — вмѣсто того, чтобы организовать общественное мнѣніе пролетаріата для непосредственнаго давленія на общественное мнѣніе буржуазной демократіи — ходатайствуютъ предъ ней въ своихъ прокламаціяхъ за „свой“ пролетаріатъ. Что изъ того, что иногда эти безсильныя ходатайства прикрываются „суровой“ формой бурбонскихъ окриковъ за „половинчатость“ и „нерѣшительность“... окриковъ, которые ни на кого не дѣйствуютъ, заставляя лишь господъ образованныхъ либераловъ иронически пожимать плечами¹⁾.

¹⁾ „Мы... привѣтствовали нелегальный земскій съѣздъ, поощряя (sic!!!) земцевъ перейти къ борьбѣ отъ униженныхъ ходатайствъ... Мы поощряли статистиковъ-протестантовъ и порицали (sic!) статистиковъ-штрейкбрехеровъ“. („Что дѣлать?“, стр. 71). Вотъ что „мы“ дѣлали съ тов. Ленинымъ! Еще не-

Наше такъ называемое „подталкиваніе“ либераламъ тѣмъ меньше будетъ походить на *ходатайство* предъ либералами (хотя бы и въ формѣ дерзостнаго „нагоняя“), чѣмъ больше мы научимся объединять пролетаріатъ въ активномъ дѣйствіи (петиція, резолюція, протестъ, митингъ, демонстрація) не только вокругъ общедемократическаго знамени, но и вокругъ опредѣленныхъ частныхъ лозунговъ, пріуроченныхъ, подъ классовымъ угломъ зрѣнія, къ данному политическому моменту, — не только противъ полиціи и самодержавія, но и противъ „нерѣшительныхъ“ и „половинчатыхъ“ либераловъ. Наше дѣйствительное, а не воображаемое вліяніе на политику либерализма будетъ тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ меньше мы будемъ „ходить во всѣ классы населенія“, *уходя отъ пролетаріата* — къ чему фатально приходятъ наши „политическіе“ комитеты. Необходимо понять во всемъ ея содержаніи — какъ она на первый взглядъ ни проста — ту мысль, что мы можемъ вліять на политическую жизнь только чрезъ пролетаріатъ, а не по порученію отъ него; что мы должны, слѣдовательно, не „ходить во всѣ классы населенія“, а — если ужъ нужна ланидарная формула — „*водить пролетаріатъ во всѣ классы населенія*“. Тов. Аксельродъ выдвинулъ эту мысль въ своихъ статьяхъ 1897 года. „Для воздѣйствія на эти („страдающіе отъ современныхъ беспорядковъ“) слои — говоритъ онъ — отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соціалъдемократы отъправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія русскими соціалъдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди не-пролетарскихъ классовъ рѣшастся прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*. (Аксельродъ, „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соц.-дем.“, стр. 16, курсивъ автора).

Система политическаго замѣстительства, точь въ точь какъ и система „экономическаго“ опрощенія, исходитъ — сознательно или безсознательно — изъ фальшиваго „софистицированнаго“ пониманія отношенія между объективными интересами пролетаріата и его сознаниемъ. Марксизмъ учитъ, что интересы пролетаріата опредѣляются объективными условиями его существованія. Эти интересы такъ властны и неотвратимы, что они въ концѣ концовъ заставляютъ пролетаріатъ перевести ихъ въ область своего сознанія, т. е. сдѣлать своимъ *субъективнымъ* интересомъ достиженіе своихъ *объективныхъ* интересовъ. Между этими двумя моментами — объективнымъ фактомъ классоваго интереса и субъективнымъ сознаніемъ его — лежитъ путь жизненныхъ толчковъ и ударовъ, ошибокъ и разочарованій, колебаній и пораженій. Задача тактической мудрости партіи пролетаріата вся укладывается между этими двумя моментами и состоитъ въ сокращеніи и облегченіи пути между ними.

Классовые интересы пролетаріата, независимыя отъ сегодняшней политической конъюнктуры вообще, ия, въ частности, отъ

много — и „мы“ начали бы „поощрять“ солнечныя и лунныя затменія...

уровня сознательности рабочей массы въ данный моментъ, не могутъ, однако, оказывать давленіе на эту конъюнктуру иначе, какъ пройдя чрезъ сознаніе пролетаріата. Другими словами, на политическомъ рынкѣ партія можетъ предъявлять къ учету¹⁾ не объективные интересы пролетаріата, теоретическимъ путемъ вышелущенные, а сознательную организованную волю пролетаріата.

Если оставить въ сторонѣ „до-исторической“, сектантски-кружковой періодъ всякой социалъдемократической партіи, когда она, въ силу необходимости, гораздо ближе подходитъ по своимъ методамъ къ *утопически-просвѣтителному*, чѣмъ къ *революционно-политическому* социализму, когда она знаетъ лишь социалистическую педагогику, но не знаетъ политической тактики; если обратиться къ партіи, уже выпедшей изъ этого періода младенчества, то вся ея политическая работа представится намъ въ такой схемѣ. Партія, опираясь на *данный уровень сознанія пролетаріата*, выѣшивается въ каждое крупное политическое событіе, стараясь отклонить равнодѣйствующую въ сторону ближайшихъ интересовъ пролетаріата и — что еще важнѣе — стараясь свое вмѣшательство сдѣлать средствомъ *повышенія* уровня ея сознанія, чтобы затѣмъ опереться на этотъ повышенный уровень сознательности и использовать его для той же „двуединой“ цѣли. Моментъ нашей рѣшительной побѣды наступитъ, когда мы преодолѣмъ разстояніе, лежащее между объективными интересами пролетаріата и его субъективнымъ сознаніемъ, конкретнѣе говоря, когда къ пониманію своихъ объективныхъ социално-революционныхъ интересовъ придетъ настолько значительная часть пролетаріата, что она сможетъ своей политически-организованной силой сбросить съ своего пути всякую контр-революціонную помѣху.

Чѣмъ больше разстояніе, отдѣляющее объективный и субъективный моменты, т. е. чѣмъ ниже политическая культура пролетаріата, тѣмъ естественнѣе появленіе въ партіи такихъ „методовъ“, которые въ той или другой формѣ представляютъ собою *насованіе* передъ колоссальной трудностью лежащей на насъ задачи. Какъ политическое самоотреченіе „экономистовъ“, такъ и политическое „замѣстительство“ ихъ атиподовъ есть не что иное, какъ попытка молодой социалъдемократической партіи „слукавить“ съ исторіей.

Разумѣется, и „экономисты“ и „политики“ гораздо менѣе послѣдовательны въ дѣйствительности, чѣмъ въ нашемъ схематическомъ воспроизведеніи, — и эта непослѣдовательность позволила и тѣмъ и другимъ сыграть очень прогрессивную роль въ

¹⁾ *Примѣчаніе для подозрительныхъ.* Когда мы говоримъ объ „учетѣ“, мы имѣемъ въ виду, разумѣется, не частичное воплощеніе социализма, но мѣрѣ постепеннаго сознанія пролетаріатомъ своей социалистической цѣли, по такое частичное воздѣйствіе на политическую среду (прежде всего — въ направленіи ея дифференціаціи), которое ускорило бы наступленіе момента социалистической революціи.

развитіи нашей партіи. Когда мы характеризуемъ „основную ошибку“ „экономизма“ или „политическаго замѣстительства“, намъ приходится въ значительной мѣрѣ говорить о *возможности*, которая стала бы *дѣйствительностью*, если бы не встрѣтила противодѣйствія. Съ такой оговоркой можно сдѣлать слѣдующее противопоставленіе.

„Экономисты“ исходили изъ *субъективныхъ интересовъ* пролетаріата въ каждый данный моментъ его развитія, на нихъ опирались, ихъ типательную *регистрацію* считали своей единственной задачей. Тѣ обязанности, которыя должны опредѣлять содержаніе нашей тактики, они возлагали на естественный ходъ вещей, выключивъ изъ него предварительно самихъ себя.

Въ противоположность „экономистамъ“, „политики“ исходной позиціей берутъ *объективные* классовые интересы пролетаріата, методомъ марксизма установленные. Но и они съ той же боязнью, что и „экономисты“, отворачиваются отъ „дистанціи“, лежащей между объективными и субъективными интересами того класса, который они принципиально „представляютъ“. И для нихъ, какъ и для „экономистовъ“, не существуетъ вопроса политической тактики въ собственномъ смыслѣ слова. Разъ есть историко-философское изслѣдованіе, вскрывающее тенденціи общественнаго развитія, разъ результаты этого изслѣдованія уже сдѣлались „нашимъ“ принципиальнымъ достояніемъ, *отдуманы* нами, то остается лишь — выводы, къ которымъ мы пришли, предъявить исторіи, какъ чеки, къ учету. Такимъ образомъ, если „экономисты“ не руководятъ пролетаріатомъ, потому что плетутся *за нимъ*, то „политики“ не руководятъ пролетаріатомъ, потому что сами *исполняютъ его обязанности*. Если „экономисты“ спасались отъ громадности задачъ тѣмъ, что отводили себѣ скромную роль — шествовать *въ хвостъ исторіи*, то „политики“ рѣшаютъ вопросъ тѣмъ, что пытаются превратить исторію *въ свой собственный хвостъ*.

Нужно, однако, оговориться, что „замѣстительство“ гораздо менѣе свойственно намъ, какъ революціонерамъ, чѣмъ какъ революціоннымъ социальдемократамъ.

Въ первомъ случаѣ намъ труднѣе „слукавить“: исторія, поставивъ на очередь дня извѣстную задачу, зорко слѣдитъ за нами. Худо или хорошо (больше — худо), мы революціонизируемъ массу, пробуждая въ ней простѣйшіе политическіе инстинкты. Но поскольку дѣло касается сложной задачи — превратить эти „инстинкты“ въ сознательныя стремленія политически самоопредѣляющагося рабочаго класса, мы самымъ широкимъ образомъ прибѣгаемъ къ сокращеннымъ и упрощеннымъ методамъ „отдумыванія“ и „замѣстительства“.

Во внутренней партійной политикѣ эти методы приводятъ, какъ мы еще увидимъ, къ тому, что партійная организація „замѣщаетъ“ собою Партію, Ц. К. замѣщаетъ партійную организацію, и, наконецъ, „диктаторъ“ замѣщаетъ собою Ц. К.; далѣе, къ тому, что комитеты дѣлаютъ „направленіе“ и отмѣняютъ его въ то время, какъ „народъ безмолвствуетъ“; во виѣшней политикѣ эти методы

проявляются въ попыткахъ давить на другія общественныя организаціи отвлеченною силою классовыхъ интересовъ пролетаріата, а не реальною силою пролетаріата, сознаннаго свои классовые интересы. Эти „методы“, какъ мы видѣли, предполагають „априорное“ отождествленіе принципіально принятой нами программы съ содержаніемъ нашей партійной работы. *Изъ итоговъ, эти „методы“ совершенно уприздняють вопросы политической тактики социальдемократии.*

Тов. Ленинъ документально засвидѣтельствовалъ это „упраздненіе“ въ иѣкоторомъ принципіальномъ тезисѣ, мимо котораго нельзя пройти молча. Возражая т. Надеждину, который жаловался на отсутствіе „корней въ глубинѣ“, Ленинъ писалъ: „Это верхъ неразумія, — ибо авторъ смѣшиваетъ философскій и социальнo-историческій вопросъ о „корняхъ“ движенія въ „глубинѣ“ съ технически-организаціоннымъ вопросомъ о лучшей борьбѣ съ жандармами“. („Что дѣлать“, стр. 91). Тов. Ленинъ такъ дорожить этой мыслью, что переноситъ ее въ свою новую брошюру. „Ссылаться на то, что мы — партія класса, возражаетъ Ленинъ тов. Аксельроду, *въ оправданіе организаціонной распылчатости, въ оправданіе смѣшенія организаціи и дезорганизаціи — значитъ повторять ошибку Надеждина, который смѣшивалъ философскій и социальнo-историческій вопросъ о „корняхъ“ движенія въ „глубинѣ“ съ технически-организаціоннымъ вопросомъ („Шагъ впередъ“ ..., стр. 42). Такимъ образомъ, вопросъ о „корняхъ въ глубинѣ“ не есть для тов. Ленина вопросъ политической тактики, это вопросъ философской доктрины. Если наша доктрина, марксизмъ, обезпечиваетъ намъ „корни въ глубинѣ“, то остается лишь выполнить задачи организаціонной техники. Между вопросомъ „философскимъ“ и „организаціонно-техническимъ“ у тов. Ленина не хватаетъ одного маленькаго звена: *содержанія нашей партійной работы.* Утопивъ вопросъ тактики въ вопросъ „философскомъ“, тов. Ленинъ кушилъ себѣ право отождествлять содержаніе партійной практики съ содержаніемъ партійной программы. Онъ не хочетъ ничего знать о томъ, что намъ нужны не „философскіе“ корни въ глубинѣ — какой дремучій вздоръ! точно заговорщики какого угодно толка не имѣють, съ „философской“ точки зрѣнія, тѣхъ или иныхъ корней въ глубинѣ! — а живые *политическіе* корни, живой контактъ съ массой, который позволилъ бы намъ въ любую рѣшительную минуту мобилизовать эту массу вокругъ знамени, которое она знаетъ, какъ *свое* знамя.*

Задачи организаціонныя для насъ поэтому всецѣло подчиняются методамъ нашей политической тактики, — и полнымъ банкротствомъ звучитъ для насъ отождествленіе организаціоннаго вопроса пролетарской партіи съ техническимъ вопросомъ... „лучшей борьбы съ жандармеріей“. Полнымъ банкротствомъ! — ибо если это отождествленіе „вызывается условіями конспиративной работы, то это значитъ — какъ говорить т. Парвусъ въ иѣсколькихъ энергичныхъ строкахъ, посвященныхъ системѣ Ленина, — что борьба со шпионами заслоняетъ собою борьбу съ абсолютизмомъ и другою, гораздо болѣе великую борьбу — за освобожденіе рабочаго класса!“

Задача организаціонныя для насъ всецѣло подчиняются методамъ политической тактики. Вотъ почему и эта брошюра, вызванная разногласіями по „организаціонному вопросу“, исходитъ отъ вопросовъ тактики. *Чтобы понять организаціонныя разногласія, нужно выйти за ихъ предѣлы.* Иначе можно задохнуться въ схоластическихъ словопреріяхъ!

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.

Диалогъ.

(По Сократу.)

Скажите, съ соболѣзнованіемъ спрашиваю васъ собесѣдникъ, если онъ добрый, и со скрежетомъ, если злой (последнее бываетъ чаще) — вы противъ организаціоннаго плана Ленина?

А что вы понимаете подъ организаціоннымъ планомъ Ленина? Минута замѣшательства.

Уставъ?

Нѣтъ, зачѣмъ же, обижается слегка собесѣдникъ, это „меньшинство“ только, считающее насъ „бюрократическими централистами“ думаетъ, что для насъ уставъ — все. Дѣло не въ уставѣ, а во всемъ организаціонномъ планѣ...

Вы о „Письмѣ“ Ленина къ петербургскому товарищу говорите?

Ну, хотя бы и объ этомъ письмѣ. Да и въ „Что дѣлать?“ прежде всего... изложенъ, такъ сказать, организаціонный планъ.

Въ чемъ же онъ состоитъ?

Да позвольте... что вы... выходите, наконецъ, окончательное изъ себя вашъ собесѣдникъ, — какъ въ чемъ? организаціонный планъ... планъ Ленина!..

Ну да, планъ, планъ, планъ, планъ Ленина!

Вотъ прекрасно! Всѣ и всегда говорили: организаціонные планы Ленина, у Ленина есть планъ... А теперь — вдругъ: въ чемъ онъ состоитъ?

Да и про генерала Трошию (это во время осады Парижа было) всѣ говорили: Il a un plan, Trotschi a un plan... („У него есть планъ... Трошию имѣетъ планъ“...) А весь то планъ его былъ — отдать Парижъ пруссакамъ. Нѣтъ, вы мнѣ опредѣленно скажите: въ чемъ состоитъ организаціонный планъ Ленина?

Да я не могу такъ... сразу... Вы прочитайте „Что дѣлать?“

Читаль... Ну, такъ хоть не весь „планъ“, а только основные принципы укажите.

Основные принципы — это другое дѣло... Напримѣръ, раздѣленіе труда... конспирація... дисциплина... и вообще централизмъ... чтобы Центральный Комит. могъ контролировать... ну то, что называется „организація профессиональных революціонеровъ“... и противъ демократизма... — вотъ принципы.

Ну, прекрасно. Вы вотъ говорите: раздѣленіе труда. Согласенъ, очень почтенная вещь, оказала большія услуги социальному прогрессу. Но развѣ этотъ принципъ провозглашенъ Ленинымъ?

Помилуйте, ще всі політико-економы мануфактурнаго періода роз'яснили выгоды роздѣленія труда. Адама Смита відкрийте. Какія онъ развертываетъ волшебныя булавочныя перспективы! Право же, я никакъ не могу съ вами согласиться, будто Ленинъ изобрѣлъ роздѣленіе труда, вродѣ того, какъ нѣкоторые мієологическіє персонажи изобрѣтали земледѣліє, скотоводство, торговлю... Понимаю, понимаю, вы хотите сказать, что Ленинъ провозгласилъ примѣненіє этого принципа у порога „четвертаго періода“? Пусть такъ. Но неужели же вы думаете, что „меньшинство“ отрицаетъ „принципъ“ роздѣленія труда? Или „принципъ“ конспираціи?

Не знаю... Однако же Аксельродъ пишетъ о „колесикахъ“ и „винтикахъ“... И я думаю, что правъ Ленинъ, который говоритъ, что „меньшинство“ выдаетъ съ головою свою мелкобуржуазную природу, когда испускаетъ трагикомическіє вопли противъ роздѣленія труда подъ руководствомъ центра... 1)

О „вопляхъ“ „меньшинства“ я поговорю сейчасъ и поговорю подробно. Но прежде, чѣмъ этимъ заняться, я ставлю вопросъ. Можетъ ли роздѣленіе труда быть или считаться принципомъ нашей, социальдемократической партійной организаціи? Роздѣленіе труда технически выгодно, — но выгодно не только для *социальдемократической*, а и для всякой другой партіи, выгодно для любой канцеляріи, для магазина... Если роздѣленіе труда можетъ разсматриваться, какъ *организаціонный принципъ*, то только по отношенію къ мануфактурѣ, никакъ не по отношенію къ политической партіи вообще, къ нашей — въ частности. Развѣ не очевидно для васъ, что „принципъ“ роздѣленія труда ничѣмъ не характеренъ для организаціи, ставящей себѣ задачей развитіє классоваго сознанія пролетаріата, — взятый самъ по себѣ этотъ „принципъ“ обезличиваетъ нашу партію, сводя ее по просту къ сложной коопераціи. Далѣе, *конспирація*. Это ужъ болѣе узкій принципъ, имѣющій исключительно *политическій* смыслъ. Но и конспирація ничѣмъ внутренно не связана съ социальдемократической партіей. Конспиративно работать приходилось и приходится главнымъ образомъ буржуазно-революціоннымъ партіямъ. Значить, вы должны согласиться, что и конспирація не можетъ быть организаціоннымъ принципомъ нашей партіи, *какъ таковой*. Тоже самое нужно сказать и о *централизмѣ*. Централизована фабрика, централизовано государство, централизованъ заговоръ. Что же въ централизмѣ „ортодоксальнаго“? Вы не упомянули въ вашемъ перечнѣ ленинскихъ „принциповъ“ *централизации руководства и децентрализации ответственности* („Письмо“, стр. 20). Не буду останавливаться на нихъ и я. Скажу лишь, что они выражаютъ, повидимому, ту самую идею, которую покойный аббатъ Сійєзъ положилъ въ основу своей конституціи: „*Доверіє должно идти снизу* (= децентрализація ответственности), *а власть сверху* (= централизація руководства)“. Значить и въ этихъ „принципахъ“ пролетаріатъ не найдетъ себя. Словомъ, если соединить все то, что вы называете „организаціонными принципами“ Ленина, то получится *сложная централизованная*

1) „Шагъ впередъ“ ..., стр. 147.

кооперация, конспиративно преследующая какія то политическія цели. Но социальдемократической организаціи еще не будетъ. Въ лучшемъ случаѣ, она этимъ опредѣленіемъ не исключена, она — одна изъ возможностей. Въ лучшемъ случаѣ, мы имѣемъ передъ собой только организаціонную алгебраическую формулу, которая можетъ получить социальдемократическое содержаніе, если намѣсто буквъ подставить опредѣленные числовыя значенія. Но самъ „планъ“ этихъ опредѣленныхъ числовыхъ значеній не включаетъ... Одинъ товарищъ произвелъ слѣдующій любопытный опытъ: на всемъ протяжении „Письма къ петербургскому товарищу“ онъ замѣнилъ слово *социальдемократъ* словомъ *социалистъ-революционеръ*. И ни разу не виаль въ противорѣчіе. А попробуйте продѣлать эту операцію надъ нашей партійной программой или надъ тактическими резолюціями—обожжете пальцы... Вотъ почему такія схемы, какъ изложенная въ „Письмѣ къ петербургскому товарищу“, неизбежно рождаютъ вопросъ: гдѣ же тутъ социальдемократія? Она предполагается сама собой, скажете вы. Предполагается *субъективно*, но вовсе не „предполагается“ *объективно*. И въ этомъ вся сила.

Раздѣленіе труда.

Для того, чтобы печатать социальдемократическія прокламаціи, не нужно быть непременно социальдемократомъ. Точно также и для того, чтобы разбрасывать ихъ или расклеивать. Разумѣется, при россійскихъ условіяхъ на такую работу пойдетъ только человѣкъ, предавший дѣлу революціи. Но самый характеръ названной работы — чисто технической — не предъявляетъ къ своимъ исполнителямъ никакихъ политическихъ требованій и самъ по себѣ не способенъ развивать и изощрять ихъ социальдемократическую сознательность. Значитъ, должна быть другая сфера партійной жизни, гдѣ бы и наборщикъ, и разпочникъ, и библіотекаръ, и организаторъ общались между собой не какъ детальныя работники партійной *техники*, а какъ цѣлостныя работники партійной *политики*. Въ практикѣ нашихъ организацій эта задача итворируется сплошь да рядомъ, и *содержаніе партійной работы понимается, какъ совокупность различныхъ техническихъ функций „подъ руководствомъ центра“*. Причина такой aberrаціи очевидна. Та работа, которая въ каждой европейской партіи, въ томъ числѣ, разумѣется, и въ социалистическихъ, совершается за кулисами партійной сцены, — печатаніе, разсылка, расклейка и т. д. и т. п. — у насъ выпячивается на передній планъ, похищаетъ громадную массу матеріальныхъ и личныхъ силъ Партіи и, именно вслѣдствіе этого, приковываетъ къ себѣ большую и лучшую долю творческаго вниманія и творческихъ усилій... Въ постоянной борьбѣ со стихійной силой полицейскаго разрушенія, спящей въ теченіе часа то, что создавалось кропотливымъ трудомъ въ теченіе мѣсяцевъ, въ постоянной борьбѣ съ бѣдностью нашей не легальной техники, которая представляетъ собой какіе то базисы каменнаго вѣка въ обстановкѣ пара и электричества, въ этой не

установленной борьбы *технических предпосылок политической работы* начинают покрывать все поле политических задач Партии. Что-же удивительного, если напряженно работающая в этой сфере мысль способна возводить разделение труда в организационный принцип революционной („ортодоксальной“) социалдемократии! Такова „материальная“ причина подмены задач пролетарской политики задачами организационной техники, подмены вопросов борьбы с самодержавием и с буржуазным обществом вопросами подпольного соперничества с политической полицией. Къ этому нужно прибавить, что новое „политическое“ направление развивалось в борьбе со старым „экономическим“, которое организационно выражалось в т. наз. „кустарничестве“. Сознанию кустика, получившаго внезапное „просияние своего ума“ и до крайности устыдившагося своей наготы (и теоретической, и политической, и технической, и всякой иной), разделение труда должно было представиться спасительным всеразрушающим принципом, а мануфактура — ослепительным идеалом. Именно мануфактура, а не фабрика, которая уже поминалась в полемической литературе, — ибо фабрика предполагает высоко развитую технику, сводящую къ минимуму роль разделения труда, тогда как мануфактура, опирающаяся на технические основы „кустарничества“, дѣлаетъ разделение труда предметом теоретического культа.

... Чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждого *колесика*, писалъ вдохновенно Ленинъ, чѣмъ больше число *детальных работниковъ* надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія в общихъ рядахъ вызывали бы неизбежные провалы („Что дѣлать“, стр. 130, курсивъ мой).

Въ этихъ строкахъ первобытному „кустарю“, представившему въ своемъ лицѣ всѣ отрасли кустарной дѣятельности, отчетливо противопоставляется „детальный работникъ“ (Theilarbeiter) мануфактуры, дѣльному индивиду — „колесико“ сложнаго механизма... При такой системѣ самые пороки вчерашняго кустика — его невѣжество, безинициативность, политическая примитивность — обращаются на пользу дѣлу, ибо „односторонность и даже недостатки частичнаго (детальнаго) рабочаго становятся его преимуществами, разъ онъ превращается въ часть совокупнаго, коллективнаго рабочаго“ („Капиталъ“, т. I, стр. 280, рус. перев. изд. Поповой). „Разсудокъ и воображеніе могутъ заблуждаться, говорить цитируемый Марксомъ Фергюсонъ, но привычка двигаться рукой или ногой не зависятъ ни отъ разсудка, ни отъ воображенія. Поэтому и мануфактуры наиболее процвѣтаютъ тамъ, гдѣ люди всего болѣе умѣютъ отрешаться отъ духовной жизни...“ („К.“, I, 291). Соображеніямъ Ленина, застрявшимъ у него въ головѣ еще съ періода борьбы съ народничествомъ, — интеллигенція боится фабрики... „вопли противъ разделения труда подъ руководствомъ центра“ только выдаютъ природу „буржуазнаго интеллигента“... — этимъ соображеніямъ мы можемъ, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же основаніемъ противопоставить слова Маркса о „буржуазномъ сознаніи, которое мануфактурное разделение труда, пожизненно приковывающее рабочаго къ одной де-

тальной операциі, и безусловное подчиненіе частичныхъ работниковъ капиталу (центру!) прославляетъ, какъ иѣкую организацию труда, увеличивающую его производительную силу“ („К.“, I, 288).

Но мы опасаемся, что нашъ отличающійся большей настойчивостью, чѣмъ ясностью сознанія собесѣдникъ, съ которымъ мы простились у порога этой главы, сдѣлаетъ изъ нея тотъ перемѣнный выводъ, что „меньшинство“ *противъ* раздѣленія труда и *за* реставрацію „кустарничества“. А мы хотѣли бы привести читателя къ совершенно другому выводу. Мы хотѣли бы, чтобы читатель понималъ, что раздѣленіе труда, не смотря на всю свою полезность, есть принципъ узко-технической, и, значитъ, для того, кто между технической работой и всей партійной жизнью не ставитъ знака равенства, раздѣленіе труда не можетъ быть принципиальной основой партійной организациі; тотъ долженъ сдѣлать выводъ, что *партійная жизнь это то, что остается за вычетомъ „раздѣленія труда“*.

Если требованія экономіи силъ вынуждаютъ насъ — при той жалкой технику, которую мы распоряжаемся — къ чисто мануфактурному раздѣленію труда въ извѣстной сферѣ нашей работы, то мы должны прилагать всѣ усилія къ тому, во-первыхъ, чтобы эту техническую сферу по возможности сузить и, во-вторыхъ, чтобы идеалъ искусныхъ и искусѣйшихъ детальныхъ работниковъ, отлично отдѣланныхъ „колесиковъ“ не переносился нами изъ технической сферы въ сферу работы политической въ собственномъ смыслѣ слова: чтобы въ этой послѣдней области нашимъ идеаломъ была не человѣческая дробь, умѣющая „въ интересахъ революціонной социальдемократіи“ правильно, быстро и послушно „двигать рукой или ногой“ — „подъ руководствомъ центра“, — а цѣлостная политическая личность, членъ партіи, активно реагирующій на всѣ вопросы партійной жизни и представляющій всѣмъ „центрамъ“ свою волю во всѣхъ доступныхъ ему формахъ — до... да, на худой копецъ, до „бойкота“ включительно!

„Все это очень хорошо, очень правильно, но... кто же этого не знаетъ?“ спрашиваетъ читатель изъ „большинства“, тотъ самый, который десять минутъ тому назадъ былъ увѣренъ, что „меньшинство“ *отрицаетъ* раздѣленіе труда... „Кто же этого не знаетъ? Да это само собою разумѣется!“

Этотъ отвѣтъ не становится болѣе осмысленнымъ оттого, что онъ повторяется всѣми сторонниками противоположнаго направленія — отъ мала до велика, отъ Тверскаго Комитета¹⁾ до тов. Ленина²⁾. Мы говоримъ о необходимости выработки *членовъ партіи, сознательныхъ социальдемократовъ*, а не просто искусныхъ „детальныхъ работниковъ“, — намъ отвѣчаютъ: „это само собою разумѣется“. Что это значитъ? Кѣмъ — „разумѣется?“ Въ чемъ реализуется такое „разумѣніе?“ Разумѣется ли „это“ содержаніемъ нашей партійной работы, т. е. составляетъ ли въ настоящее время ея необходимую составную часть автоматическая выработка политически мыслящихъ Parteigenossen? Или эта задача „разу-

¹⁾ См. его резолюцію, „Искра“ № 66.

²⁾ См. „Шагъ впередъ“... стр. 142 и др.

мѣется“ такъ называемымъ организаціоннымъ планомъ Ленина? Или, наконецъ, она лишь субъективно „разумѣется“ каждымъ социальдемократомъ?.. Последнее — несомнѣнно, особенно если пробудить это мирно дремлющее „разумѣніе“ градомъ упрековъ и обвиненій. Но этого недостаточно! Необходимо, чтобы „сама собою разумѣющаяся“ задача ставилась, какъ ясно сознавая цѣль, и практически разрѣшалась въ партійной работѣ. До сихъ поръ въ этомъ направленіи дѣлалось меньше малаго. Болѣе того. Господствующій теперь въ Партіи организаціонный фетишизмъ толкаетъ многихъ товарищей на прямое противодѣйствіе всякимъ попыткамъ правильно *поставить* эту „сама собою разумѣющуюся“ задачу. И это понятно.

То мышленіе, которое возводитъ техническій принципъ раздѣленія труда въ принципъ социальдемократической организаціи, приходитъ — сознательно или бессознательно — къ послѣднему неизбѣжному выводу: отдѣленію сознательности отъ исполнительности, социальдемократической мысли — отъ тѣхъ техническихъ функцій, при помощи которыхъ она должна воплощаться. „Организація профессиональныхъ революціонеровъ“, точнѣе, ея верхушка, является центромъ социальдемократическаго сознанія, а подъ этимъ центромъ — дисциплинированные исполнители техническихъ функцій.

Тов. Ленинъ даетъ классическое выраженіе такому организаціонному идеалу: „... для того, чтобы собрать воедино все эти мелкія дробы, говоритъ онъ, и для того, чтобы не раздробить вмѣстѣ съ функціями движенія самого движенія и для того, чтобы внушить (NB) исполнителю мелкихъ функцій ту вѣру въ необходимость и значеніе его работы, безъ которой онъ никогда и не будетъ работать — для всего этого необходима именно крѣпкая организація испытанныхъ революціонеровъ“. („Что дѣлать“, стр. 98).

Тов. Ленинымъ здѣсь даже не ставится — ему не приходится и въ голову — „сама собою разумѣющаяся“ задача: какъ возмѣстятъ тяжелыя стороны раздѣленія труда повлеченіемъ каждаго работника въ цѣлостную партійно-политическую работу, — итѣть, онъ противопоставляетъ арміи раздробленныхъ исполнителей“ центральный штабъ, который своей собственной монополизированной сознательностью, проницательностью, инициативностью, выдержанностью, твердостью *внушаетъ* всемъ дробямъ вѣру въ то, что онѣ необходимы для общаго дѣла. Что же это: партія или „социальдемократическая“ мануфактура?

Сравните: „Знаніе, пониманіе и воля, проявляемая, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, самостоятельнымъ земледѣльцемъ или ремесленникомъ, (и нашимъ, прибавимъ, „кустаремъ“, который самъ выполнялъ все функціи своей примитивной „экономической“ работы), — теперь требуютъ лишь для веденія всей мастерской (партіи), какъ цѣлаго. Духовныя силы, управляющія производствомъ, разрастаются на одномъ пунктѣ, именно потому, что во многихъ пунктахъ онѣ совершенно исчезаютъ. То, что теряютъ частичные рабочіе, концентрируется независимо отъ нихъ въ капиталъ („центр“). Такимъ образомъ, мануфактурное раздѣленіе труда противопоставляетъ рабочимъ („исполнителямъ мел-

кихъ функцій“) духовныя силы, управляющія матеріальнымъ процессомъ производства, въ качествѣ чужой собственности (централизованной функціи) и господствующей надъ ними власти“. („К.“, I, 291).

Тотъ идеальный, почти геометрическимъ методомъ построенный планъ, который изложенъ въ „Письмѣ къ петербургскому товарищу“, совершенно не задается вопросомъ: а гдѣ же будутъ воспитываться социальдемократическіе дѣятели, будущіе „профессиональные революціонеры“? По „плану“ — метальщики, наборщики, содѣйствующіе чиновники... „попы, генералы, женщины, массы, птицы, и пчелы — все составляетъ мощную корпорацію“, ¹⁾ руководимую профессиональными революціонерами-социальдемократами. Но гдѣ же резервуаръ, изъ котораго каста этихъ недолговѣчныхъ дѣятелей будетъ пополнять себя?... Ученикъ кустари почти всегда становится кустаремъ-мастеромъ. Но детальный работникъ почти никогда не становится хозяиномъ мануфактуры. Спрашивается: гдѣ тотъ мостъ, по которому сегодняшній „детальный работникъ“ сможетъ перейти въ разрядъ политическихъ дѣятелей, и, въ этомъ качествѣ, не только исполнять детальную функцію и „вѣрить“, что надъ его функціей бодрствуетъ око профессиональнаго революціонера, но и самостоятельно ориентироваться въ политической обстановкѣ, найти лозунгъ, подать инициативу?...

Въ цѣломъ рядъ комитетовъ прививаются такъ наз. „дискуссіи“, т. е. собранія, на которыхъ кассиръ, разнощикъ и наборщикъ, встрѣчаются не какъ кассиръ, разнощикъ и наборщикъ, а какъ члены партіи, обсуждающіе партійныя и общеполитическія дѣла. Разумѣется, это только *частичное* возмѣщеніе за тѣ уродства, которыя несетъ съ собою раздѣленіе труда при нашей варварской техникѣ. И съ этой точки зрѣнія можно указать на недостаточность и ограниченность „дискуссій“. Но все же только тутъ, въ этихъ дискуссіяхъ, начинается воспитаніе членовъ партіи. Только эти дискуссіи и образуютъ, при плавнѣйшемъ складѣ работы, узенькій мостъ, по которому „дробь“ переходать въ касту „единиць“ (среди которыхъ не мало нулей, только по недоразумѣнію сходящихъ за единицы). И что же? — т. Ленинъ въ своемъ „планѣ“ съ завидной послѣдовательностью упраздняетъ „дискуссіи“. Неконспиративно. Нарушаетъ единство и стройность плана. Да и къ чему? Того результата, къ какому стремятся „дискуссіи“, можно достигнуть болѣе дешевымъ способомъ: нужно только, „чтобы всѣ участники работы, всѣ и всякіе кружки *имѣли право* доводить свои рѣшенія, желанія, запросы до свѣдѣнія, какъ комитета, такъ и Ц. О. и Ц. К. Если мы обеспечимъ это, то тогда *полнота совѣщаній всѣхъ партійныхъ работниковъ* будетъ достигнута безъ созданія такихъ громоздкихъ и неконспиративныхъ учреждений, какъ „дискуссіи“ („Письмо“, стр. 9). Съ какимъ презрѣніемъ отзывается далѣе Ленинъ о „кустарническихъ“ комитетахъ, рабочихъ и студенческихъ кружкахъ, состоящихъ изъ „неспеціализированныхъ“ членовъ и занятыхъ „безконечными совѣщаніями обо всемъ“,

¹⁾ Изъ письма Герцена къ Бакунину.

вмѣсто того, чтобы вырабатывать „профессиональный опыт“! („Письмо“, стр. 21). „Обо всемъ“ приходится думать и совѣщаться только центру, а все кружки, группы и отдѣльные агенты должны думать и совѣщаться по профессіямъ, сообразно званію и цеху. Сознаніе Партіи централизовано — остается лишь детальныи опытъ каждого детальнаго работника дѣлать достояніемъ центра („доводить до свѣдѣнія“), — уже однимъ этимъ будетъ обогащаться практика всеѣхъ детальныхъ работниковъ, питающихся сознаніемъ профессионально-сознательнаго центра.

Практики, принявшіе эту схему, какъ символъ вѣры, должны были въ концѣ концовъ придти къ вопросу: гдѣ же брать социальдемократовъ, когда вокругъ — одна вѣрующія въ центр „доби“? И къ какимъ паразитическимъ, по истинѣ трагическимъ выгодамъ приходятъ нѣкоторые изъ практиковъ, показываетъ письмо тов. Сѣверянина (очень виднаго дѣятеля Партіи) въ № 51 „Искры“, когда газета редактировалась Ленинымъ и Плехановымъ. „Вы замѣтили? пишетъ Сѣверянинъ, — теперь опытные, дѣльные товарищи чаще бросаютъ комитетскую работу, переходя на спеціальныя функціи. Это скверный симптомъ! *Нѣдо создать отвлеченную организацію, спеціально для подготовки къ социальдемократической работѣ.* Она будетъ находиться въ непосредственномъ завѣдываніи Ц. К., такъ какъ районы воздѣйствія комитетовъ не охватываютъ пунктовъ, важныхъ для революціонной школы; распредѣленіе силъ естественно должно быть въ рукахъ Ц. К., необходимо возможно полное отдѣленіе боевой дѣятельности комитетовъ отъ *подготовительной* работы новой организаціи.

Таково положеніе дѣлъ. Нѣтъ социальдемократическихъ дѣлателей, все уходитъ на детальныя функціи, и такъ какъ работа Партіи не разрѣшаетъ „сама собою разумѣющейся“ задачи воспитанія активныхъ и инициативныхъ социальдемократовъ, то остается *внѣ партійной работы* построить социальдемократическую семинарію „въ непосредственномъ завѣдываніи Ц. К.“. *Социальдемократическая партія* въ процессѣ своей политической практики не создаетъ, не воспитываетъ *социальдемократовъ*. Ихъ приходится фабриковать на сторонѣ. „Боевая“ работа отрывается отъ *подготовительной*, точнѣе сказать, *революціонная* дѣятельность отдѣляется отъ *соціалистической*. Можно ли ярче изобразить банкротство организаціонныхъ мануфактурныхъ идеаловъ?

„Демократизмъ“.

Комитеты въ борьбѣ со старыми крайне тяжеловѣсными quasi демократическими формами организаціонной жизни все болѣе и болѣе сводили централизмъ къ полному самоосвобожденію отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ подкомитетскому міру. Три или пять членовъ комитета представляютъ въ своемъ лицѣ „единство и волю общественнаго рабочаго организма“. Они принимаютъ рѣшенія, они „дѣлаютъ“ повое направленіе въ Партіи, сдаютъ въ архивъ „экономизмъ“, пускаютъ въ оборотъ „централизмъ“, признаютъ „Искру“, отрицаютъ „Искру“, сло-

вомъ, творять всю внутрпартійную политику, — а подъ нимъ міръ детальныхъ работниковъ“, которые набирають прокламаціи, собирають деньги, раздають брошюры... разумѣется, если дѣлающій направленіе комитетъ въ состояніи доставить имъ брошюры. За послѣдніе 3-4 года интенсивныхъ внутрпартійныхъ треній жизнь очень многихъ комитетовъ представляеть рядъ *сoup d'état* въ духѣ нашихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII ст. Гдѣ-то на верху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточаетъ, смѣняетъ, кого-то душатъ, кто-то себя кѣмъ-то провозглашаетъ, — въ результатѣ на комитетской вышкѣ торжествующе появляется флагъ съ надписью: „ортодоксія, централизмъ, политическая борьба“...

Мы сомнѣваемся, чтобъ былъ хоть одинъ комитетъ, который, прежде чѣмъ „признать“ „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ или вполнѣдствіи, „отвергнуть“ ее, счелъ бы своей обязанностью провести свою резолюцію черезъ всѣ подчиненныя комитету группы „детальныхъ работниковъ“, — не „прокатить“ для проформы, а дѣйствительно провести чрезъ *сознаніе* разношниковъ, кассировъ, организаторовъ, пропагандистовъ, агитаторовъ и всѣхъ прочихъ „винтиковъ“ и „колесиковъ“. Этого сложный „демократическій“ процессъ замѣнялся и замѣняется однимъ „централистическимъ“ декретомъ. А если подкомитетскія группы заупрямятся и не согласятся *par ordre du moufti* принять новое „направленіе“? Тогда ихъ раскассировываютъ, а вмѣстѣ съ ними нерѣдко и все мѣстное рабочее движеніе.

Вотъ, напр., какъ изображаетъ одинъ изъ дѣятелей прошлаго періода идейную побѣду „Искры“ въ своихъ письмахъ за границу: „6 ноября 1902 г. . . . Случилось вотъ что съ здѣшнимъ комитетомъ. Ему была предложена резолюція, выражающая совершенное сочувствіе „Искрѣ“ и объявляющая ее желательнымъ органомъ Партіи. Онъ принялъ эту резолюцію, но... съ маленькимъ примѣчаніемъ, въ которомъ порицалась рѣзкость полемики. Резолюція была взята, конечно, обратно, и только послѣ этого резолюцію приняли безъ поправки... Но затѣмъ здѣсь повторилась почти дословно *питевская* исторія: недовольные возстановили наиболее самолюбивые элементы противъ „деспотической интеллигенціи“, причемъ *оказалось* (sic!!!), что *агитация и пропаганда велась до сихъ поръ почти исключительно именно этими недовольными, благодаря чему ихъ вліяніе оказалось, конечно, очень сильнымъ*. Теперь закинула борьба. Старыхъ агитаторовъ почти всѣхъ приходится удалять (куда?!). Подходящихъ людей для замѣны ихъ мало, и поэтому намъ приходится не легко (еще бы!), но побѣда должна быть за нами!“ Черезъ мѣсяць тотъ же безстрашный воитель пишетъ: „4 декабря 1902 г. Дѣла здѣсь обстоитъ слѣдующимъ образомъ: „рабочедѣльцы“ обратили, повидимому, сугубое вниманіе на насъ. Въ воскресенье, 24 ноября, Комитетъ принялъ восторженно предложеніе Организационнаго Комитета и объявилъ ему всяческое содѣйствіе. А дней черезъ 5 молодцы изъ „Р. Д.“ воспользовались отсутствіемъ нѣкоторыхъ товарищей и произвели въ томъ же комитетѣ настоящій *soup d'état*. Было предложено исключить изъ числа членовъ отсутствующихъ и написать въ „Искру“, чтобы она

не печатала выпущеннаго листка, объявляющаго ее партійнымъ органомъ. Вамъ объ этомъ, вбродячи, написали. Но мнѣ поручили сообщить вамъ, чтобы вы *обязательно* напечатали этотъ листокъ... Это послужитъ сигналомъ къ рѣшительной схваткѣ съ здѣшними головотяпами. Все это случилось *довольно неожиданно для всѣхъ*, хотя и оказалось, что они *устыми смутить многихъ рабочихъ и принять больше вліятельныхъ*. Теперь предстоитъ горячая борьба. Дѣло дойдетъ, конечно, до разрыва: по крайней мѣрѣ эта мысль приобретаетъ здѣсь все болѣе сторонниковъ. Дѣла, вообще, плохи, повидимому. Всюду въ концѣ концовъ оказывается (!!!), что мѣстная работа ведется главнымъ образомъ „экономистами“, и этимъ объясняются все Rückschläge положительно всюду: здѣсь, въ Питерѣ и, какъ слышно, въ Харьковѣ“.

Въ ясно видите, что этого дѣятели нельзя назвать плетущимся за массой и преклоняющимся предъ стихійной практикой „хвостизмомъ“. Онъ не идетъ въ хвостѣ, но увы! и за нимъ нѣтъ никакого хвоста... онъ свободно жестикულიруетъ на освобожденномъ мѣстѣ. Конечно, этотъ товарищъ — внослѣдствіи игривіи выдающуюся роль въ практикѣ осаднаго положенія — изъ ряда вопъ, но онъ доводитъ только до абсурда, до карикатуры то, что составляетъ характеристическую черту всего періода и что, какъ мы видимъ изъ тѣхъ же писемъ, имѣло мѣсто „положительно всюду: здѣсь, въ Питерѣ и, какъ слышно, въ Харьковѣ“. Черта эта — эмацсипированность „профессіональныхъ революціонеровъ“ отъ всякихъ не только нравственныхъ („обывательщина!“), но и политическихъ („хвостизмъ!“) обязательствъ по отношенію къ сознательнымъ элементамъ того класса, изъ политической службы которому мы дѣлаемъ цѣль своей жизни. Комитеты потеряли потребность опираться на рабочихъ послѣ того, какъ они нашли опору въ „принципахъ“ централизма.

Посмотрите. Уже сдѣлано новое направленіе, уже „восторженно“ возвѣщенъ четвертый періодъ, уже „Искра“ призвана руководить, — какъ вдругъ оказывается „довольно неожиданно для всѣхъ“, что агитация и пропаганда велись „почти исключительно“ недовольными „Искрой“ элементами, что ихъ замѣнить некому, что они возстановили противъ „Искры“ наиболѣе „самолюбивыхъ“ и, по странной игрѣ случая, наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ... И изъ всего этого морале: сколь трудно заниматься высшей политикой, когда свобода твоихъ движеній связана „головотыпами!“ ¹⁾

¹⁾ Мудрено ли, что стоящій на томъ же принципиальномъ базисѣ Одесскій Комитетъ въ одной изъ своихъ прокламацій предлагаетъ кричать: „Да здравствуетъ *Освободительница* (sic!) русскаго народа Россійская Соціалъдемократія!“ Одесскій Комитетъ выбросилъ, очевидно, какъ пережитокъ „хвостизма“, ту маленькую мысль, что освобожденіе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого народа... Да здравствуетъ „Освободитель“ народа Одесскій Комитетъ, уже освободившій одесскихъ рабочихъ отъ задачи самоосвобожденія! Спрашивается только: чѣмъ лозунгъ Одесскаго Комитета лучше или хуже обещаній такъ называемаго „народнаго героя“, что „Воевая Организация“ добудетъ для рабочаго народа свободу?

Но чѣмъ же объясняется, что методъ „отдумыванія“ за пролетаріатъ, примѣнявшійся въ самыхъ различныхъ формахъ — отъ крайне варварскихъ до вполне парламентскихъ — во весь періодъ „Искры“, не встрѣчалъ тогда или почти не встрѣчалъ самокритики въ рядахъ самихъ „искровцевъ“?

Объясненіе этого факта читатель уже нашелъ на предшествующихъ страницахъ: надъ всей работой „Искры“ непосредственно тяготѣла задача борьбы за пролетаріатъ, за его принципы, за его конечную цѣль — въ средѣ революціонной интеллигенціи.

Эта работа, накоплявшая въ сознаніи „искровцевъ“ психологическіе элементы политическаго замѣстительства, была, какъ мы уже указывали нѣсколько разъ, исторически необходима. Но она была въ то же время исторически ограничена. Она представляла собой извѣстный служебный процессъ въ общемъ потокѣ лишь открывающагося классоваго движенія пролетаріата. Но каждый *частный процессъ* общеклассовой борьбы пролетаріата — и при болѣе широкомъ, чѣмъ у насъ, развитіи этой послѣдней — вырабатываетъ свои собственные имманентныя тенденціи: свои методы мышленія и свои тактическіе приемы, свои специфическіе лозунги и свою специфическую психологию... Каждый частный процессъ стремится перейти за опредѣленные его природой предѣлы и навязать свою тактику, свое мышленіе, свои лозунги и свою мораль всему историческому движенію, вызвавшему данный частный процессъ къ жизни. Средство обращается противъ цѣли, форма — противъ содержанія...

Тѣ методы „замѣстительства“, примѣры которыхъ мы видѣли выше въ области „внѣшней политики“, и ослѣпительные образчики которыхъ, въ сферѣ „внутренней политики“, даютъ намъ приведенныя выше письма воинственнаго „искровца“, составляли общее явленіе цѣлаго періода. Въ той или другой, открытой или замаскированной формѣ они были неизбежны, поскольку процессъ погони за разбѣгавшейся социальдемократической интеллигенціей не терпѣлъ мѣшкотныхъ приемовъ и не допускалъ медленной возни съ „головотяпами“, — иначе сказать: поскольку объединеніе революціонной интеллигенціи вокругъ политическихъ принциповъ социальдемократіи совершалось несравненно болѣе быстрою темпомъ, чѣмъ мобилизація революціоннаго пролетаріата вокругъ лозунговъ классовой политики. Но само собою разумѣется, что навязывать недугъ „замѣстительства“ всему движенію, въ интересахъ якобы его принципиальной чистоты и „ортодоксальности“, значитъ подкапываться подъ его основы.

Наша задача — застраховать Партію, по возможности, отъ всяческихъ неожиданностей. А безспорно, самой трагической изъ этихъ неожиданностей была бы такая: въ рѣшительную минуту „головотяпы“ (пролетаріатъ) „довольно неожиданно для всѣхъ“ поворачивается къ намъ спиною. Необходимо, во избѣжаніе такой поистинѣ трагической перспективы, во что бы то ни стало упрочить нашу политическую, нравственную и организаціонную связь съ сознательными элементами рабочаго класса. *Необходимо, чтобы каждое наше принципиальное рѣшеніе было ихъ рѣшеніемъ.*

Въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ „экономисты“ строго порицаются за свое стремленіе строить мѣстную организацію на такихъ началахъ, „...чтобы комитетскія рѣшенія обходили всѣ кружки и только тогда становились дѣйствительными рѣшеніями“ (стр.109). Мы отнюдь не стоимъ за юридическую обрядность комитетскихъ референдумовъ. Не въ „демократическихъ“ фикціяхъ дѣло. Но комитеты должны помнить, что ихъ рѣшенія „становятся дѣйствительными рѣшеніями“ лишь тогда, когда они формулируютъ сознательную волю всѣхъ подкомитетскихъ группъ и кружковъ. Къ этому нужно неизмѣнно стремиться — не во имя того или другого „демократическаго“ предразсудка, но во имя устойчивости и жизненности нашей партіи.

Мы не останавливаемся здѣсь на техникѣ вопроса, какъ достигнуть этой цѣли, отсылая читателя къ брошюрѣ тов. Череванина: „Организаціонный вопросъ“, сущность которой, на нашъ взглядъ, составляетъ не тотъ или другой организаціонный „планъ“, не принципъ „автономіи“ комитетовъ, очень условный, а именно эта простая, почти банальная, но нами слишкомъ энергично „ликвидованная“ мысль: развитіе и упроченіе тѣснѣйшихъ связей коллективнаго мышленія между руководящей организаціей и „дробнымъ“ персоналомъ технического аппарата. Ибо — повторимъ мы здѣсь сказанное нами въ другомъ мѣстѣ — „гарантію устойчивости партіи нужно искать въ ея базѣ, въ активномъ и самостоятельномъ пролетаріатѣ, а не въ ея организаціонной верхушкѣ, которую, незамѣтно для пролетаріата, революція можетъ нечаянно смести своимъ крыломъ, какъ историческое недоразумѣніе“ („Искра“, № 62).

— „Das war also der langen Rede kurzer Sinn?.. Такова скромная суть длинной рѣчи?.. Пусть „меньшинство“ и не отрицаетъ „раздѣленія труда“, но, считая его зломъ, оно думаетъ лѣчить его другимъ зломъ, еще горшимъ. „Меньшинство“ просто на просто возвращается къ „демократизму“, можетъ быть лишь замаскированному, требуетъ, чтобы комитетскія рѣшенія проходили черезъ подкомитетскія группы, ставитъ профессиональных революціонеровъ въ зависимость отъ малосознательныхъ элементовъ движенія, понижаетъ, такимъ образомъ, инициативу и размахъ комитетской работы, открываетъ, слѣдовательно, ворота „экономизму“, тредъ-юнионизму, хвостизму, оппортунизму и, въ конечномъ итогѣ, передаетъ пролетаріатъ буржуазной демократіи!..“

Какъсь, я съ нѣкоторой безрелигиозностью воспроизвелъ этотъ наборъ словъ... Приходится привыкать! Мы бы не были нисколько удивлены по нынѣшнимъ жестокимъ временамъ, если бы товарищъ Ленинъ въ своемъ будущемъ „сочиненіи“, которое можетъ быть уже пишется, задался цѣлью доказать, что „меньшинство“ склоняется къ... катедерсоціализму. Вы думаете, что это трудно? Нисколько!

„Не хнычетъ ли — простите, я беру на минуту въ руки политическую швабру уважаемаго тов. Ленина, — не хнычетъ ли „меньшинство“ днемъ и ночью, что возвѣщенный мною, Ленинымъ, принципъ раздѣленія труда уродуетъ членовъ партіи,

превращаетъ ихъ въ винтики и колесики,¹⁾ что созданная мною система лишаетъ революціонера „самостоятельности“ и „самодѣятельности“, каковыя качества нужны бѣднымъ вышибленнымъ мною изъ центровъ интеллигентамъ? Бѣдняжки! Ясно видно, что они начитались нѣмецкаго профессора Шмоллера, который въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей тоже — точь въ точь, какъ и неудачливые кандидаты „меньшинства“ — плачется на раздѣленіе труда, которое „все болѣе дробитъ человѣка, предоставляетъ многимъ людямъ (подставь: „членамъ партіи“ — по оппортунистической формулѣ тов. Мартова) бездушную, пустую специализированную дѣятельность (geistlose öde Specialtätigkeit), въ которой вянуть душа, умъ и тѣло“ и т. д. и т. п. Развивайте, развивайте ваши „принципы“, господа „меньшинство“, и вы скоро очутитесь въ объятіяхъ проф. Шмоллера.“

Тов. Ленину, къ сожалѣнію, не хватаетъ гибкости мысли, — иначе, при его методѣ, онъ могъ бы, пользуясь богатствомъ и разнообразіемъ современной міровой литературы, „доказать“ гораздо болѣе диковинныя вещи...

Мы, разумѣется, не остались бы въ долгу предъ тов. Ленинымъ. Мы раскрыли бы на любой страницѣ его послѣднюю брошюру... стр. 159... рѣчь идетъ объ анархической практикѣ „меньшинства“, причемъ въ скобкахъ замѣчается: „практика всегда (NB) идетъ впереди теоріи“. *Всегда?* — начинаемъ мы вопить, পেпада курсива... Неужели, тов. Ленинъ, *всегда?* А мы думали что теорія, представляющая обобщеніе опыта прошлыхъ вѣковъ, способна и *предвосхищать* практику завтрашняго дня и даже практику цѣлыхъ десятилѣтій. Но по „теоріи“ тов. Ленина, отражающей, надо думать, его собственную „практику“, теорія всегда (*всегда!!!*) плетется въ хвостѣ практики. Не есть ли это просто *квази-марксистская апологія теоретическаго „хвостизма“?* Смѣемъ думать, что для начала это не очень дурно?

Дисциплина и централизмъ.

„Партійная дисциплина“ — одинъ изъ самыхъ боевыхъ лозунговъ „большинства“. Очень жаль, что для человѣчества безвозвратно погибли всѣ тѣ разсужденія о дисциплинѣ, которыхъ намъ, членамъ такъ называемаго „меньшинства“, довелось наслушаться прежде, чѣмъ вопросъ вышелъ изъ подполья. Развѣ лишь въ дремучихъ лѣсахъ Урала или въ дебряхъ Сибирской тайги сегодня встрѣтишь представителей благородной, но вымирающей расы „твердыхъ искровцевъ“ перваго призыва, les Jacobins purs comme les rayons du soleil, „якобинцевъ, чистыхъ, какъ солнечный лучъ“. Конечно, разлагающій духъ критики и сомнѣнія добирается и до нихъ. Но они мужественно борются противъ него, стараясь отбросить его на западъ отъ Урала и спасти такимъ образомъ

¹⁾ „...Раздѣленіе труда подъ руководствомъ центра вызываетъ съ его (Аксельрода) стороны трагикомическіе воли противъ превращенія людей въ колесики и винтики“ („Шагъ впередъ“..., стр. 147).

социалдемократическую Азію, руководимую родственнымъ мнѣ Сибирскимъ Союзомъ¹⁾. Разумѣется, всѣ эти усилія осуждены исторіей заранѣе, но сами доблестные уральцы невольно внушаютъ къ себѣ уваженіе своей послѣдовательностью и своимъ мужествомъ. За эти ихъ качества будущій историкъ нашей партіи спасетъ ихъ отъ забвенія: онъ посвятитъ нѣсколько строкъ ихъ „манifestу“, въ которомъ смѣло и честно формулировала позиція „большинства“. Ниже намъ еще придется имѣть дѣло съ этимъ „Credo“ чистыхъ ленинцевъ. Сейчасъ же мы остановимся только на тѣхъ соображеніяхъ „манifestа“, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ вопросу о дисциплинѣ.

„Предвидѣтъ (?) пролетарскую политическую борьбу, — говорятъ „представители“ трехъ уральскихъ комитетовъ²⁾, — подготовиться къ ней, идти впереди массъ можетъ только общерусская централизованная организація революціонеровъ, *въ полномъ распоряженіи которой находятся мѣстные комитеты...* И комитеты, и отдѣльные члены партіи могутъ получить очень широкія полномочія, но это должно зависѣть отъ Центрального Комитета. Центральный Комитетъ можетъ и наоборотъ, — если

1) Авторъ былъ делегатомъ Сибирскаго Союза на второмъ съѣздѣ Партіи. Справедливость требуетъ отмѣтить, что послѣ того, какъ были написаны эти строки, и Уралъ и Сибирь успѣли оказаться далеко позади Одесскаго и Екатеринославскаго комитетовъ, достигшихъ той степени ожесточенности, которая свидѣтельствуетъ объ агоніи ихъ „направленія“.

Екатеринославскіе товарищи перенесли теперь главную тяжесть своего гнѣва съ „меньшинства“ на примирительное теченіе въ самомъ „большинствѣ“. Последняя резолюція Екатеринославскаго Комитета, осуждающая „примиренство“ Ц. К., живо напомнила намъ одну рѣчь въ якобинскомъ клубѣ. „Я упрекаю представителей народа, говорилъ тамъ суровый якобинецъ, въ томъ, что они братались съ мятежниками, въ то время, какъ съ ними слѣдовало вступать въ общеніе не иначе, какъ посредствомъ топора и пика (avec la hache et la pique)“...

2) Тов. Ленинъ неоднократно повторяетъ въ своей брошюрѣ ту мысль, что критиковать принципиальныя резолюціи комитетовъ, т. е. партійныхъ организацій, руководящихъ всей мѣстной работой, значитъ теоретически „нищенствовать“; строить же діаграммы на основаніи голосованій отдѣльныхъ представителей этихъ комитетовъ по вопросу о... мѣстѣ обсужденія вопроса о мѣстѣ Буида въ Партіи — значитъ примѣнять истинно научные методы изслѣдованія. Мы долго, но тщетно старались понять, почему мнѣніе комитетчика важнѣе мнѣнія комитета. Кстати, объ истинно-научномъ методѣ. „Діаграмма“ Ленина оперируетъ съ 41 голосами: 20 голосовъ „меньшинства“, 24 — „большинства“. Изъ этихъ послѣднихъ три „голоса“ перешли къ „меньшинству“, а четвертый — къ... анархистамъ (не аксельродовскаго, а бакунинскаго типа). Мы убѣдительно просимъ тов. Ленина при дальнѣйшей разработкѣ своей діаграммы ввести эти необходимыя поправки.

найдетъ пужнымъ и полезнымъ, — своєю властью раскаспривать комитетъ или другую организацію, онъ можетъ лишитъ того или другого члена партіи его правъ. *Иначе нельзя успешно организовать дѣло пролетарской борьбы* (Приложеніе къ № 63 „Искры“: курс. мон).

До второго съѣзда существовали отдѣльные, совершенно самостоятельные комитеты, какъ реальныя и формальныя величины. Вокругъ нихъ только и складывалась и развивалась вся партійная жизнь. Второй съѣздъ радикально мѣняетъ физиономію Партіи. Въ результатъ такихъ простыхъ дѣйствій, какъ поднятіе рукъ или подача избирательныхъ бумажекъ, оказывается, что въ Партіи уже существуетъ „централизованная организація“, „въ полномъ распоряженіи которой находятся мѣстные комитеты“. „Централизмъ“, очевидно, понимается не какъ сложная организаціонно-политическая и организаціонно-техническая задача, а какъ голая антитеза пресловутому „кустарничеству“. Думаютъ обойти реальную задачу — развить, въ процесѣ совместной работы, во всѣхъ членахъ партіи чувство правдивости и политической отвѣтственности, — давъ Центральному Комитету право раскаспривывать все, что стоитъ на его пути. Такимъ образомъ, для осуществленія идеаловъ этого „централизма“ необходимо, чтобы всѣ реальныя, еще никѣмъ и ничѣмъ не дисциплинированныя элементы Партіи не оказывали Ц. К. никакого противодействія въ его попыткахъ дезорганизовать ихъ. „Иначе, по мнѣнію уральскихъ товарищей, нельзя успешно организовать дѣло пролетарской борьбы“. Остается только спросить: можетъ ли быть вообще, въ такомъ случаѣ, организовано „дѣло пролетарской борьбы“? И придется отвѣтить: нѣтъ, не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Авторы цитируемаго документа предполагаютъ, несомнѣнно, что на пути организаціонныхъ работъ Ц. К. могутъ стоять лишь „экономисты“, „оппортунисты“, вообще, употребляя ихъ выраженіе, „представители другихъ классовъ населенія“. Допустимъ даже, что борющіяся стороны будутъ всегда распредѣляться именно такъ. Но гдѣ же можно найти такое глупое направленіе, хотя бы и „оппортунистическое“, которое позволило бы себя „раскаспривать“, а своихъ сторонниковъ „лишить правъ“, не оказавши предварительно *всего противодействія*, на которое оно способно? Неужели такъ трудно понять, что всякое сколько-нибудь серьезное и значительное теченіе (а съ несерьезнымъ и незначительнымъ не стоитъ и бороться!), предъ которымъ стоитъ альтернатива: молчаливое самоупражденіе *изъ чувства дисциплины* или борьба за существованіе, *не смотря ни на какую дисциплину*, — несомнѣнно выберетъ второй путь? Потому что дисциплина имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока обезпечиваетъ возможность бороться за то, что считаешь правильнымъ, и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда извѣстное направленіе поставлено предъ перспективой „лишенія правъ“, т. е. лишенія возможности бороться за идейное вліяніе, тогда вопросъ его существованія изъ *Rechtfrage* (вопроса права) превращается для него въ *Machtfrage* (вопросъ силы).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, представители крамольнаго теченія — въ зависимости отъ остроты положенія — либо раскалываютъ партію, ставя реальную дисциплину по отношенію къ своимъ принципамъ выше „принциповъ“ формальной дисциплины, либо остаются въ партіи, стараясь давленіемъ своего вліянія свести ограниченія связывающей ихъ партійной дисциплины къ *минимуму*, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить себѣ *максимумъ* свободы дѣйствія и противодѣйствія вреднымъ тенденціямъ. Поскольку они будутъ *сознательно* высвобождать себя изъ подъ узды партійной принудительности — во имя интересовъ партіи, какъ они ихъ понимаютъ, и поскольку ихъ вліяніе *позволитъ* имъ это дѣлать, — настолько жалкимъ суевѣріемъ будетъ всякая попытка противной стороны удержать ихъ повтореніемъ слова „дисциплина“. Ничто не можетъ быть менѣе внушительнымъ, чѣмъ фигура политическаго „вождя“, прибѣгающаго въ рѣшительную минуту къ подобнаго рода заклинаніямъ! Это нужно запомнить разъ на всегда.

Разумѣется, такое состояніе партійныхъ отношеній, когда дисциплина фигурируетъ лишь, какъ обуза, съ одной стороны, какъ угроза, съ другой, не можетъ считаться нормальнымъ; наоборотъ, оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ кризисѣ въ партіи. По „перекричать“ кризисъ нельзя, хотя бы для этого и имѣлись люди, готовые кричать до хрипоты.

Что же дѣлать? Нужно подѣ сферой разлагающейся дисциплины найти такіе реальные запросы и нужды движенія, которые одинаково общи всѣмъ, и вокругъ обслуживания которыхъ можно объединить наиболѣе цѣнные и вліятельные элементы Партіи. По мѣрѣ сложенія такихъ силъ вокругъ жизненныхъ дозупговъ движенія, раны, нанесенныя съ обѣихъ сторонъ партійному единству, будутъ залѣчиваться, о дисциплинѣ перестанутъ говорить, потому что ее перестанутъ нарушать. Кто подѣ этимъ угломъ зрѣнія попытается обозрѣть работу двухъ борющихся теченій нашей партіи, тотъ не затруднится отвѣтить на вопросъ: какое изъ нихъ ведетъ партію къ *реальному* объединенію.

Если на пути къ этой цѣли „меньшинству“ приходилось нарушать то, что „большинство“ считало дисциплиной, то остается лишь сдѣлать выводъ: да погибнетъ та „дисциплина“, которая подавляетъ жизненные интересы движенія! „Исторія“ безспорно сдѣлаетъ этотъ выводъ. Ибо, въ отличіе отъ Екатеринославскаго Комитета, она не придерживается идеалистическаго принципа: „Да сгинетъ міръ — и да здравствуетъ дисциплина!“ Наоборотъ, какъ діалектическая матеріалистка, она всегда въ концѣ концовъ признаетъ, что въ случаѣ внутривлѣ партійнаго столкновенія правъ тотъ, на чьей сторонѣ побѣда, — потому что побѣда *въ конечномъ счетѣ* всегда окажется на сторонѣ того, кто лучше, полнѣе и глубже понимаетъ задачи революціоннаго дѣла.

Поэтому мы съ довѣріемъ смотримъ въ глаза будущему...

Замѣчательное дѣло! Теперь ужь очень и очень многіе изъ числа нашихъ метафизиковъ и мистиковъ централизма находятъ,

что, наиримѣрь, столкновение съ Лигой было ошибкой, неловкостью, оплошностью или безтактностью со стороны представителя Ц. К. и его вдохновителя. Но за эту безтактность совершенно не ответственна система... та самая система, которая не знает другихъ методовъ „организациі пролетарской борьбы“, кромѣ „лишеній правъ“ и „раскассированья“. Совершенно правильные выводы изъ посылокъ кажутся случайными ошибками, безтактностями отдѣльныхъ лицъ, и этимъ путемъ косность чловѣческой мысли покушаетъ право поддерживать въ себѣ вѣру въ „посылки“. Таковъ обычный путь крушенія извѣстныхъ системъ мышленія — и въ больномъ и въ маломъ. Сперва разрушаются выводы, непосредственно подставленные подъ удары опыта. Сознаніе отсѣкаетъ эти правильно сдѣланные, но по существу нелѣпые выводы и путемъ софизмовъ дѣлаетъ правильные выводы изъ нелѣпыхъ посылокъ. Но самый методъ софизмовъ есть уже признакъ разложенія... Мысль запутывается въ собственныхъ противорѣчійхъ и въ концѣ концовъ сдается... Въ такомъ именно фазисѣ — борьбы выводовъ съ посылками — находится мышленіе нашего „большинства“. И мы не считаемъ невозможнымъ, чтобы даже цитированные уральскіе товарищи сегодня оказались готовыми признать, что крестовый походъ на Лигу былъ печальнымъ „недоразумѣніемъ“, хотя, *вообще говоря*, по ихъ мнѣнію, „иначе нельзя усиѣнно организовать дѣло пролетарской борьбы“...

Ничто не можетъ быть жалче, сказали мы выше, фигуры „вождя“, пытающагося заворожить несогласныхъ занять горизонтальное положеніе противниковъ повтореніемъ слова: *дисциплина*. Ленинъ, очевидно, почувствовалъ неловкость своего положенія и попытался „философски“ углубить свои заклипанія.

Вотъ, что получилось при этомъ.

Хлуккій, нервно-развинченный интеллигентъ-индивидуалистъ чурается суровой дисциплины. „Партійная организациа кажется ему чудовишной „фабрикой“, подчиненіе части цѣлому и меньшинства большинству представляется ему „закрѣпощеніемъ“ (См. 1) фельетоны Аксельрода), раздѣленіе труда подъ руководствомъ центра вызываетъ съ его стороны трагикомическіе вопли противъ превращенія людей въ „колесики и винтики“... („Шагъ впередъ“, стр. 147). И отсюда мораль: „Вотъ гдѣ прошедшій школу „фабрики“ пролетарій можетъ и долженъ дать урокъ анархическому индивидуализму“. (стр. 150).

Значить, по новой философіи Ленина, едва усиѣваго истонать пару башмаковъ послѣ написанія брошюры „Что дѣлать?“, пролетарію достаточно прейти „школу фабрики“, чтобы давать интеллигенціи, играющей пока въ его партіи руководящую роль, уроки *политической дисциплины*! По этой новой философіи, всякій, кому идеальная партія не рисуется „какъ огромная фабрика“, кому — наоборотъ — такое представленіе кажется „чудовищнымъ“, всякій, кто не вѣритъ въ непосредственную поли-

1) Лучше не „смотри“, — ибо ничего подобнаго, разумѣется, въ фельетонахъ Аксельрода не „высмотришь“.

тически воспитательную силу машины, тотъ „сразу выдаетъ психологию буржуазнаго интеллигента“, отъ природы неспособнаго различать между отрицательной стороной фабрики — „дисциплиной, основанной на страхѣ голодной смерти“, и ея положительной стороной — „дисциплиной, основанной на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитаго технически производства“ („Шагъ впередъ“, стр. 147).

Не боясь проявить „психологию буржуазнаго интеллигента“, мы утверждаемъ прежде всего, что условія, толкающія пролетаріатъ къ коллективно-согласованнымъ методамъ борьбы, лежатъ не въ фабрикѣ, а въ общихъ социальныхъ условіяхъ существованія пролетаріата; мы утверждаемъ далѣе, что между этими *объективными условіями и сознательной дисциплиной* политическаго дѣйствія лежитъ длинный путь борьбы, ошибокъ, воспитанія — не „школа фабрики“, а школа политической жизни, въ которую нашъ пролетаріатъ только вступаетъ подъ руководствомъ — дурнымъ или хорошимъ — социалдемократической интеллигенціи; мы утверждаемъ, что русской пролетаріатъ, въ которомъ мы едва начали развивать политическую *самодѣятельность*, не способенъ еще, — къ несчастью, для себя и къ счастью для господъ кандидатовъ въ „диктаторы“ — давать уроки дисциплины своей „интеллигенціи“, сколько бы фабрика ни упражняла его въ „совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитаго технически производства“. Нисколько не боясь проявить „психологию буржуазнаго интеллигента“, мы заявляемъ далѣе свою полную солидарность съ той мыслью, что „техническое подчиненіе рабочихъ однообразному ходу орудій труда (= „дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитаго технически производства“) и характерное для фабрики образованіе цѣлаго рабочаго организма изъ индивидуумовъ обохъ половъ и различнѣйшихъ возрастовъ создаетъ *казарменную* (казарменную, а не сознательно-политическую!) *дисциплину*, которая превращается въ настоящій фабричный режимъ“ („Капиталъ“, т. I, стр. 347, рус. пер. изд. Поповой).

Взывая къ дисциплинѣ русскаго пролетаріата, какъ къ реальной величинѣ, Ленинъ дѣйствительно подмѣняетъ, употребляя его собственное выраженіе, вопросъ политическій вопросомъ „философскимъ“. Конечно, „высокоразвитое технически производство“ создаетъ матеріальныя *условія* политическаго развитія и политической дисциплинированности пролетаріата, подобно тому, какъ капитализмъ вообще создаетъ *предпосылки* социализма. Но какъ неосновательно отождествлять социализмъ съ капитализмомъ, точно также негоже отождествлять *фабричную* дисциплину пролетаріата съ дисциплиной *революціонно-политической*.

Задача социалдемократіи въ томъ и состоитъ, чтобъ возстановить пролетаріатъ противъ той дисциплины, которая замѣняетъ работу человѣческой мысли ритмомъ физическихъ движеній и сплотить его противъ этой мертвой и мертвящей дисциплины въ одну боевую армію — нога къ ногѣ и плечо къ плечу, — связанную общностью политическаго сознанія и революціоннаго энтузіазма. *Такой* дисциплины у русскаго пролетарія еще

вѣтъ, фабрика и машина не снабжаютъ его этимъ качествомъ такъ же стихійно, какъ онѣ надѣляютъ его профессиональными болѣзнями.

Казарменный режимъ не можетъ быть режимомъ нашей партіи, какъ фабрика не можетъ быть ея прообразомъ! Вѣднѣй тов. Практикъ, высказавшій эту мысль, „и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово (фабрика) сразу выдаетъ психологию буржуазнаго интеллигента“ („Шагъ впередъ“, стр. 147). Вѣднѣй тов. Ленинъ! Судьба захотѣла поставить его въ особенно смѣшное положеніе: онъ „и не догадывается“, что т. Практикъ — не буржуазный „интеллигентъ“, а прошедшій спасительную фабричную выучку пролетарій...

Русскій пролетаріатъ, тотъ самый, отъ котораго единомышленники т. Ленина сплошь да рядомъ *скрываютъ* вопросы партійнаго кризиса, долженъ завтра, по окрику Ленина, дать суровый урокъ „анархическому индивидуализму“...

Какое негодованіе охватываетъ васъ, когда читаете эти безобразныя, распущенно-демагогическія строки! Пролетаріатъ, тотъ самый пролетаріатъ, о которомъ вамъ вчера еще говорили, что онъ „стихійно влечется къ tradъ-юніонизму“, сегодня уже призывается давать уроки *политической дисциплины*! И кому? — той самой интеллигенціи, которой, по вчерашней схемѣ, принадлежала роль — извнѣ вносить въ пролетаріатъ его классовое, его политическое сознаніе! Вчера онъ еще ползалъ во прахѣ, — сегодня онъ уже вознесенъ на неожиданную высоту! Вчера еще она была посетительницей социалистическаго сознанія, — сегодня уже на нее призываются шпигрутены фабричной дисциплины!

И это марксизмъ! И это социалъдемократическое мышленіе! Понистинѣ, нельзя съ большимъ цинизмомъ относиться къ лучшему идейному достоянію пролетаріата, чѣмъ это дѣлаетъ Ленинъ! Для него марксизмъ не методъ научнаго изслѣдованія, налагающій большія теоретическія обязательства, вѣтъ, это... половая тряпка, когда пужно затереть свои слѣды, бѣлый экранъ, когда нужно демонстрировать свое величіе, складной аршинъ, когда пужно предъять свою партійную совѣсть!..

„Меньшинство“ противъ централизма. Во всемъ мірѣ оппортунисты социалъдемократіи встаютъ противъ централизма. Слѣдовательно, „меньшинство“ оппортунистично. Этотъ силлогизмъ, — неправильный даже съ формальной стороны, — составляетъ главную боевую мысль послѣдней книжки Ленина, если освободить ее отъ балласта прокурорскихъ конструкцій, грубо и перьяливо построенныхъ по системѣ косвенныхъ уликъ... Ленинъ повторяетъ свой силлогизмъ на тысячу ладовъ, стараясь заморозить читателя централистическими „пассажами“. Аксельродъ въ Цюрихѣ противъ централизма. Гейне въ Берлинѣ противъ централизма. Жоресъ въ Парижѣ противъ централизма. Гейне и Жоресъ оппортунисты. Слѣдовательно, Аксельродъ въ компаніи оппортунистовъ. Ясно, что онъ оппортунистъ. И ясное ясное, что „меньшинство“ оппортунистично. Съ другой стороны, Каутскій въ Берлинѣ стоитъ за централизмъ. Нѣкоторый членъ Ц. К. Веспльеръ распускалъ Лигу во имя централизма. Тов. Ленинъ

былъ великимъ вдохновителемъ этого похода во славу централизма. Следовательно... и т. д. и т. д.

„Раскассировавъ“ такимъ уральскимъ способомъ международную социальдемократію (удивительно, что Ленинъ не представилъ намъ по этому вопросу диаграммы!), авторъ считаетъ, что далъ своей аудиторіи все, что ей нужно: *видимость силлонизма, компрометирующаго противника.*

Мы думаемъ, что Ленинъ о своихъ единомышленникахъ худшаго мнѣнія, чѣмъ они того заслуживаютъ. Мы надѣемся, что даже самымъ нетребовательнымъ сторонникамъ тов. Ленина не можетъ не придти въ голову вопросъ: чѣмъ же объясняется, что во всемъ мірѣ противъ централизма выступаютъ въ настоящее время тѣ представители социальдемократіи, которые стоятъ на оппортунистической точкѣ зрѣнія въ своемъ *социально-политическомъ міросозерцаніи*: сотрудничество классовъ *вмѣсто* борьбы классовъ, социальная реформа *вмѣсто* социальной революціи?

И задумавшіеся надъ этимъ вопросомъ, они придутъ къ такому отвѣту: если допустить, что организационный централизмъ является сильнымъ орудіемъ *классовой* борьбы пролетаріата, — а это для насъ несомнѣнно! — то уже становится понятнымъ, почему Гейне или Жоресъ сталкиваются съ централизмомъ, какъ съ враждебной имъ системой организационныхъ отношеній. Организационный централизмъ въ современномъ социалистическомъ движеніи сопутствуетъ господству того направленія въ партіи, которое ставитъ общіе интересы движенія надъ частными и стремится первымъ обезпечить контроль надъ вторыми. Централизмъ является *организационной формой* политическаго контроля партіи надъ ея частями. Оппортунизмъ же строитъ свою карьеру на борьбѣ не за *общія* цѣли движенія, т. е. не за классовые интересы пролетаріата въ ихъ полномъ историческомъ объемѣ, а за частныя и временныя задачи профессиональнаго, муниципальнаго, избирательно-локальнаго (мѣстнаго) характера. Такимъ образомъ, централизмъ враждебенъ *политической* или *программно-тактической* позиціи оппортунизма.

Но вѣдь даже тов. Ленинъ, — не смотря на всю свою отвагу, — не рѣшился сказать, что *программно-тактическія* воззрѣнія „меньшинства“ оппортунистичны. Почему же въ такомъ случаѣ „меньшинство“ „противъ“ централизма?.. И противъ какого централизма?.. И почему это т. т. Каутскій, Парвусъ и Люксембургъ, непримиримые противники Гейне и Жореса, высказались противъ „централизма“ тов. Ленина?.. Тысячекратно повторенный силлогизмъ, рассчитанный главнымъ образомъ на акустическій эффектъ, не даетъ, разумѣется, на эти вопросы никакого отвѣта.

Каутскій связываетъ *организационные взгляды* праваго крыла лѣмецкой социальдемократіи — борьба противъ централизма, противъ дисциплины, противъ „компактнаго большинства“, — съ политической психологіей буржуазной интеллигенціи, хотя бы принявшей марксистскія воззрѣнія. Этотъ анализъ, очень мѣткій и цѣлный, лишь дополняетъ то, что Каутскій говорилъ объ „органическихъ“ тяготѣніяхъ европейской социалистической интеллигенціи къ реформизму, къ программно-тактическому оппорту-

низму¹⁾). Между організаційними и соціально-политическими воззрѣніями интеллигенціи оказывается глубокое внутреннее соотношение, такъ какъ и тѣ и другія вытекаютъ изъ одной и той же групповой психологіи, опредѣляющей, въ свою очередь, соціальными условіями существованія интеллигенціи. Но само собою разумѣется, что одна и та же (или однородная) психологическая канва можетъ дать мѣсто весьма различнымъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно не схожимъ, — политическимъ узорамъ, въ зависимости отъ условій времени и мѣста.

Въ нашемъ случаѣ рѣшающее значеніе будетъ принадлежать вопросу, имѣемъ ли мы дѣло съ интеллигенціей *до* или *по*-революціонной. Устанавливать аналогіи между організаційными взглядами нѣмецкой и французской, съ одной, — русской социалистической „интеллигенціи“, съ другой стороны, игнорируя при этомъ отдѣляющій ихъ „Рубиконъ“ буржуазной революціи, значитъ впадать въ самый безнадежный формализмъ поверхностныхъ сопоставленій подъ видомъ матеріалистическаго анализа. Тѣ или иные організаційные взгляды вовсе не представляютъ собою основного, неизбѣжно-присущаго момента міросозерцанія интеллигенціи, какъ таковой; они вовсе не даны разъ на всегда; наоборотъ, они весьма сложными путями вытекаютъ изъ политической психологіи, измѣнчиво реагирующей на измѣняющуюся политическую среду. Сегодняшній интеллигентъ-„якобинецъ“ можетъ нести въ своей политической психологіи, въ методахъ своего мышленія застрягшаго интеллигента-реформиста. Якобинца отъ реформиста отдѣляетъ завоеваніе извѣстнаго минимума демократическихъ гарантій.

Если, такимъ образомъ, одна и та же соціально-психологическая природа даетъ до такой степени противоположныя *политическія* преломленія, то что ужъ и говорить о частной области вопросовъ *организаціонныхъ*! Интеллигенція можетъ быть и федералистической и централистической, можетъ склоняться къ автономизму и къ автократизму, къ демократизму и къ диктатурѣ, нисколько не измѣняя при этомъ ни своей психологической природѣ, ни природѣ своихъ политическихъ интересовъ.

Тов. Ленину легко было бы удержаться отъ механическихъ аналогій, еслибъ онъ принялъ во вниманіе слѣдующія соображенія. По его собственной формулѣ, о которой рѣчь еще впереди, революціонный социалъдемократъ, это — „якобинецъ, неразрывно связанный съ *организацией* пролетаріата, *сознаваемаго* свои классовые интересы“ („Шагъ вперед“, стр. 140). Пусть такъ. Но *классическій якобинецъ* (переводомъ котораго на марксистскій языкъ хочетъ быть тов. Ленинъ) это вѣдь и есть революціонеръ-интеллигентъ. Ленинъ не будетъ этого отрицать, надѣюсь, по отношенію къ Великой Французской Революціи и — *mutatis mutandis*, — по отношенію къ нашей „Народной Волѣ“. И „централизмъ“ и „дисциплина“, столь импонирующіе Ленину въ якобинцахъ, не заимствовались этими „буржуазно-индивидуалистическими“ революціонерами-интеллигентами у вышколеннаго фабрикой пролетарі-

¹⁾ См., напримѣръ, „Соц. рев.“, стр. 42 и сл., изд. Лиги, 1903.

ата, а непосредственно развивались ими „изъ себя“. А потому, въ обстановкѣ демократіи, тѣ же самые общественные элементы новаго „средняго сословія“ играли и играютъ всѣми цвѣтами радуги, отъ анархизма до милльеранизма. Такъ пластична и гибка природа интеллигенціи, не укладывающаяся въ разъ навсегда заготовленные клѣточки діаграммы!

Одни и тѣ же „свойства“, — и намъ это необходимо твердо запомнить, — толкаютъ интеллигенцію дореволюціонную къ якобинизму — къ заговорщическимъ и централистическимъ организаціямъ, вооруженнымъ динамитомъ или „планомъ“ народнаго возстанія, а интеллигенцію пореволюціонную — къ реформизму, къ притупленію острыхъ граней классовой борьбы. Такова діалектика общественнаго развитія.

Но — діалектикѣ нечего дѣлать съ тов. Ленинымъ.

Онъ обращается съ марксистскими „положеніями“, какъ съ негибкими статьями „Уложенія о Наказаніяхъ“. Спорива находитъ „подходящую“ статью, а затѣмъ копошится въ матеріалахъ обвинительнаго акта, изыскивая тамъ признаки преступленія, формально отвѣчающіе содержанію карательной статьи.

Діалектикѣ нечего дѣлать съ тов. Ленинымъ. Онъ твердо знаетъ, что „оппортунизмъ не случайно, а по самой своей природѣ, и не въ Россіи только, а во *всемъ свѣтѣ* (!), приводитъ къ Мартовскимъ и Аксельродовскимъ организаціоннымъ „взглядамъ“ („Шагъ впередъ“, стр. 128, курсивъ мой).

Онъ это твердо знаетъ, но такъ какъ даже нашъ отважный полемистъ не рѣшается занести Аксельрода и Мартова въ категорію оппортунистовъ вообще (а это было бы такъ привлекательно съ точки зрѣнія ясности и простоты!), то онъ создастъ для нихъ рубрику „оппортунистовъ въ организаціонномъ вопросѣ“... *Понятіе оппортунизма лишается при этомъ всякаго политическаго содержанія.* Это просто „трубочистъ“, которымъ пугаютъ малыхъ дѣтей.

Изведеніе діалектики до софистики, опустошеніе всѣхъ живыхъ понятій идейнаго обихода марксизма, превращеніе социально-историческихъ „типовъ“ въ неподвижныя надобшественныя нормы, служащія для измѣренія земныхъ прегрѣшеній, — такую цѣною покупается борьба съ „меньшинствомъ“! „Оппортунизмъ въ организаціонномъ вопросѣ“! Жирондизмъ въ вопросѣ о кооптаціи двумя третями при отсутствіи одного мотивированнаго протеста! Жоресизмъ въ вопросѣ о правѣ Центральнаго Комитета назначать мѣсто жительства администраціи Лиги!...

Казалось бы дальше идти некуда? Но тов. Ленинъ идетъ дальше.

Написавъ цѣлую книгу на тему о томъ, что революціонные методы („возстаніе“ и „сверженіе“) были допустимы лишь при кружковой жизни; что въ „единой и нераздѣльной“ партіи должна царить дисциплина; что элементы, нарушающіе дисциплину въ партіи пролетаріата, уже *тѣмъ самымъ* демонстрируютъ свой мелкобуржуазный индивидуализмъ, тов. Ленинъ, успѣвшій на полутораэта страницѣхъ если не убѣдить, то утомить читателя всей этой философій, вдругъ буквально огрѣваетъ его по теменн

такого рода афоризмомъ: „Возстаніе прекрасная вещь, когда возстаютъ передовые элементы противъ реакціонныхъ. Когда революціонное крыло возстаетъ противъ оппортунистическаго, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло возстаетъ противъ революціоннаго, это дурно“. („Шагъ впередъ“, стр. 160).

Всѣмъ почитателямъ тов. Ленина полезно было бы вдуматься въ его „аргументацію“. „Меньшинство“ не хочетъ мириться съ партійной дисциплиной. Этимъ самымъ (замѣйте: этимъ самымъ!) оно выдаетъ свой „анархизмъ“ и „жоресизмъ“. Слѣдовательно, „меньшинство“ — оппортунистическое крыло нашей партіи. Это *прямая* теорема. Теперь слѣдуетъ *обратная*.

Возстаніе „меньшинства“ — изъ рукъ вонъ плохая вещь, ибо „меньшинство“ — оппортунистическое крыло нашей партіи. Другое дѣло, если возставать придется „большинству“, революціонность котораго засвидѣтельствована тѣмъ, что противъ него борется оппортунистическое „меньшинство“... „Меньшинство“ же, какъ доказано въ прямой теоремѣ, оппортунистично потому, что нарушаетъ дисциплину. Выводъ изъ обѣихъ теоремъ: у тов. Ленина руки развязаны на обѣ стороны.

Quod est demonstrandum.

Нужно сдѣлать очень незначительное усиліе мысли, чтобы разрѣшить вопросъ: какимъ это образомъ Ленинъ могъ рѣшиться въ нѣсколькихъ процитированныхъ строчкахъ съ такой откровенностью пиуть ногою всю свою брошюру? Положеніе вышукдасть!... Армія нашего генералиссимуса таеть, и „дисциплина“ грозитъ вернуться къ нему не тѣмъ концомъ. А такъ какъ Ленинъ, въ противовѣсъ анархическимъ интеллигентамъ „меньшинства“, представляетъ собою, пользуется приведенной имъ цитатой изъ статьи Каутскаго, „идеальный образчикъ интеллигента, который всецѣло проникся пролетарскимъ настроеніемъ, ... который безъ воркотни идетъ въ ряду и шеренгѣ, работаетъ на каждомъ посту, на который его назначили...“; такъ какъ Ленинъ, подобно Марксу, „никогда не протискивается на первое мѣсто¹⁾“ и образцовымъ образомъ подчиняется партійной дисциплинѣ; такъ какъ тов. Ленинъ обладаетъ всѣми этими совершенно нецѣнными качествами дисциплинированнаго члена партіи, не боящагося остаться въ „меньшинствѣ“, то онъ и считаетъ необходимымъ заблаговременно „ввернуть“ въ свое сочиненіе *философическое оправданіе замышляемаго имъ, для удержанія и закрѣпленія остатковъ своей арміи, партійнаго раскола*. И онъ дѣлаетъ это съ непринужденностью, которая представляетъ собою лишь оборотную сторону его глубокаго презрѣнія къ собственнымъ единомышленникамъ.

Когда противъ меня возстаютъ, это очень дурно. Когда я возстаю, тогда хорошо.

Такова краткая и веселая мораль длинной и скучной книги съ обильными цитатами, „международными“ параллелями, хитрыми диаграммами и прочими средствами психическаго оглушенія.

¹⁾ Мы думаемъ, что бумага, на которой Ленинъ вынысывалъ эти слова, краснѣла за него...

Нѣкоторые выводы:

(Въ письмахъ)

I.

....., мартъ 1904 г.

„Вчера было собраніе пропагандистовъ (11 чел.) съ организаторомъ. Цѣль собранія — познакомить съ планомъ организаціи вообще, нашей — въ частности. Прежде, чѣмъ изложить планъ организаціи, организаторъ сказалъ нѣсколько словъ о „большинствахъ“ и „меньшинствахъ“. Онъ принадлежитъ къ „большинству“, признаетъ планъ организаціи, предложенный тов. Ленинымъ и принятый на съѣздѣ (sic!). „Меньшинство“, говоритъ организаторъ, упрекаетъ „большинство“ въ формализмъ, бюрократизмъ... Это, какъ вы увидите, совсѣмъ несправедливые упреки... Да „меньшинство“ никакого своего плана, взаимнѣ ленинскаго, и не предлагаетъ“. Высказался далѣе въ томъ смыслѣ, что въ „меньшинствахъ“ сказались пережитокъ „Союза“ („демократизмъ“). Сожалѣлъ о беззаботности, съ которой отнеслись къ вопросу о планѣ организаціи, когда этотъ планъ былъ выдвинутъ Ленинымъ въ „Письмѣ къ товарищу“ и въ „Что дѣлать?“. Въ связи съ этимъ упомянулъ, что Троцкій и Засуличъ одобрили планъ, каковымъ онъ былъ въ „Письмѣ“ (?!). Затѣмъ приступилъ къ изложенію плана. „Кружокъ“ — не организація, даже не ячейка организаціи. Ячейка — заводской комитетъ (пока нигдѣ не существующій). Въ такой ячейкѣ насущная необходимость. У насъ *полная неосвѣдомленность о жизни фабрикъ и заводовъ*, а между тѣмъ она богата фактами... Агитаторы часто говорятъ безъ всякой почвы подъ ногами... Итакъ — заводской комитетъ. Во главѣ его — организаторъ-рабочій. Въ заводскомъ комитетѣ пять, шесть членовъ хорошихъ, вліятельныхъ организаторовъ (за отсутствіемъ преемственности, нельзя найти таковыхъ). Функции заводского комитета: распространеніе литературы, устройство кассъ, кружковъ, сборъ свѣдѣній, распространеніе листовъ... Подробно излагалась организація группы для распространенія листовъ. Распространеніе листовъ до сихъ поръ не организовано. Далѣе: организація агитаціонныхъ собраній, организація кружковъ для пропаганды. Члены заводского комитета: организаторъ, техникъ, кассиръ, бібліотекаръ, литераторъ. Городъ раздѣленъ на семь районовъ плюсъ работа среди интеллигенціи. Районная организація: — районный организаторъ, районный пропагандистъ, бібліотекаръ, литераторъ, кассиръ. Составъ мѣстнаго комитета: членъ коллектива (о немъ пока ничего не говорили), техникъ, отвѣтственный пропагандистъ, организаторъ, редакторъ, секретарь. (Простите за спѣшное и спутанное изложеніе: некогда. Если понадобится, напишу обстоятельнѣе). Докладчикъ подробно останавливался на *техникѣ* всей работы, какъ она должна быть организована, чтобы быть *конспиративною и продуктивною*. () взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ группъ, объ ихъ отношеніи къ мѣстному комитету — объ этомъ ничего не говорилось. Была изложена лишь *внѣшняя форма*. Въ концѣ концовъ, докладчикъ

предложилъ вопросъ: есть ли въ этомъ планѣ бюрократизмъ, формализмъ? На это никто ничего не отвѣтилъ, но всѣ склонны были думать, что никакой опасности нѣтъ. Пропагандисты ничего не знаютъ о разногласіяхъ: нѣтъ литературы. Теперь устроена для нихъ „читальня“. Лежатъ: послѣдній № „Освобожденія“, 1-ая часть (?!) „Протоколовъ II сѣзда“ и брошюра Павловича. — Недавно было собраніе изъ 25 человекъ учащихъ, работающихъ на технику. Ихъ тоже знакомилъ съ организационнымъ планомъ. До этого времени съ ними не собирались вовсе: „Ну зачѣмъ вамъ? изучайте свою медицину!“ ...Крѣпко жму руку.¹⁾...“

(Отвѣтъ.)

....., мартъ 1904 г.

„Дорогой другъ! Ваше послѣднее письмо чрезвычайно интересно и даетъ поводъ для разнообразныхъ размышлений и соображеній, такъ что я даже затрудняюсь, съ какой стороны къ нему подойти. Первое, что можно установить, это тотъ несомнѣнный фактъ, что не только организованные N-скіе рабочіе, не только пропагандисты, но и члены N-скаго Комитета до сего дня не разобрались въ смыслѣ раздражающихъ партію разногласій. Теперь сплошь да рядомъ можно слышать заявленія, что „въ основу (!) нашей работы должна лечь идея (!) централизма“ (см. резолюцію, кажется, Батумскаго Комитета). О централизмѣ говорить всюду: въ Мингрельскомъ Комитетѣ и въ Петербургскомъ, въ Рижскомъ и въ Читинскомъ. И думаютъ, что централизмъ это значитъ Центральный Комитетъ. Если есть Ц. К., значитъ, есть и централизмъ. А тотъ фактъ что такая организація, какъ N-скій Ком., не имѣетъ понятія — за недостаткомъ источниковъ и за недостаткомъ интереса — о томъ, чего добивается Ц. О. партіи, чего хочетъ Лига, чего хотятъ тѣ пять или шесть русскихъ комитетовъ, которые солидарны съ Ц. О., этотъ фактъ не наводитъ N-скихъ товарищей на мысль, что *никакого централизма у насъ нѣтъ*. Потому что централизмъ — это то, по крайней мѣрѣ, надо понять — значитъ не Ц. К., Ц. О. или Совѣтъ, а нѣчто гораздо большее. И ужъ прежде всего централизмъ предполагаетъ *активное участіе всѣхъ членовъ Партіи въ общепартійной жизни*. Я, разумѣется, говорю объ „европейскомъ“ а не самодержавно-азиатскомъ „централизмѣ“. Послѣдній не *предполагаетъ, а исключаетъ* такое участіе. Можетъ быть, организационный „планъ“, который вамъ развивали, „самъ по себѣ“ превосходенъ — объ этомъ ниже — но вѣдь этотъ планъ существуетъ уже два года, создалось цѣлое поколѣніе, которое „живетъ“ по „Письму Ленина къ товарищу“ (буквально!), — казалось, централизмъ долженъ былъ бы расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ. А на дѣлѣ N-скій Ком. (не полтавскій, не уфимскій, а N-скій) по вопросамъ, которые чуть ли не годъ уже раскалываютъ наиболѣе вліятельныхъ работниковъ Партіи, отдѣляется только пожиманіемъ плечъ. Не значитъ ли это, что N-скій Ком. не что иное, какъ маленькая грушика кустарей, совершенно какъ и три год

¹⁾ Письмо сокращено. Курсивы мои.

тому назад, ничуть не лучше, — кустарей, которые, как видно изъ вашего же письма, не способны справиться и съ сотой долей мѣстныхъ задачъ, которые по прежнему совершенно индифферентны къ общепартійнымъ вопросамъ или даже питають къ нимъ суверенное презрѣнiе. Гдѣ отлiчiе? Въ чемъ отлiчiе? Въ томъ, что люди обновили нѣкоторые термины революціоннаго жаргона, изъ третьяго слова въ пятое кланутся централизмомъ, да еще въ томъ, что всѣ надежды перенесли со „стихійнаго роста задачъ“ на „идею централизма“ или на организационный планъ, который кѣмъ то, когда то (если дезорганизаторы не помѣшаютъ) будетъ приведенъ въ дѣйствіе, послѣ чего „запляшутъ лѣсъ и горы“... Гдѣ разница? Въ чемъ разница?.. Соціалдемократическій централизмъ неизмѣнно предполагаетъ активное участіе всѣхъ членовъ партіи въ партійной жизни. Для этого, прежде всего, нужна *освѣдомленность*. А у васъ до сихъ поръ только и есть первая часть протоколовъ съѣзда (кто это и для чего разбилъ протоколы на двѣ „части“?) да брошюра Павловича. А протоколовъ съѣзда Лиги нѣтъ. А брошюры Мартова нѣтъ. А „Искры“ нѣтъ. Гдѣ же благотѣльные результаты „идеи централизма“, положенной въ основу партійной работы? Не ясно ли, что Ц. К. еще вовсе не означаетъ централизма даже въ самомъ узкомъ техническомъ значеніи этого слова? И не ясно ли, что Н-скій комитетъ вмѣсто того, чтобы излагать вамъ, пропагандистамъ, организационный „планъ“, который уже тремя или четырьмя поколѣніями комитетчиковъ-„централистовъ“ предлагается вниманію трехъ или четырехъ поколѣній пропагандистовъ-„централистовъ“, отъ чего однако, не происходитъ никакого приращенія партійныхъ богатствъ, — вмѣсто того, чтобы въ четвертый или въ пятый разъ совершать эту работу да сказываться въ нѣтяхъ по вопросу о развогласіяхъ, — вашъ комитетъ долженъ былъ бы остановиться и оглянуться: чѣмъ онъ былъ, и что сталъ, и что есть у него? Онъ увидѣлъ бы, что отъ всѣхъ сказочно быстрыхъ метаморфозъ и превращеній онъ сохранилъ единственное достояніе — старое разбитое корыто кустарничества...

И тогда онъ задалъ бы себѣ вопросъ: да точно ли все дѣло въ организационномъ „планѣ“? Не топчемся ли мы на одномъ и томъ же мѣстѣ, несмотря на то, что „идея централизма“ выдѣрена во всѣ головы, а изъ нѣкоторыхъ головъ даже прямо торчитъ наружу уголь „Письмо Ленина къ товарищу“? Можетъ быть, причины партійнаго застоя лежатъ глубже вопроса о томъ, сколько и гдѣ должно быть кассировъ, бухгалтеровъ и другихъ носителей „идеи централизма“?

И какъ только онъ начнетъ думать въ этомъ направленіи, — а это очень полезное направленіе, — онъ потеряетъ охоту спрашивать „меньшинство“ (какъ это дѣлаетъ вашъ „старшій“): „А гдѣ же вашъ планъ взаимъ отвергаемаго вами плана Ленина?“, — ибо онъ пойметъ, что „меньшинство“ отвергаетъ — въ качествѣ спасительнаго средства — не опредѣленный, самодовлѣющій организационный планъ, а самый планъ такого самодовлѣющаго плана.

Вы писали въ одномъ изъ вашихъ прежнихъ писемъ, какъ

рѣдко проиходятъ у васъ собранія пропагандистовъ: всѣ сидятъ по своимъ угламъ, каждый предоставленъ собственнымъ силамъ, конспирація заѣдаетъ всѣхъ. Но вотъ одно изъ такихъ рѣдкихъ собраній было созвано. Явился руководящій товарищъ. Сказалъ вамъ, что въ „меньшинствѣ“, — съ которымъ онъ впрочемъ, по собственному заявленію, незнакомъ, — сказывается пережитокъ „демократизма“ и затѣмъ изложилъ вамъ, пропагандистамъ, „планъ“ организаціи. А дальше что? Какіе выводы изъ этого плана слѣдуютъ? Какія указанія даетъ онъ вамъ для вашей пропагандистской работы? Чѣмъ обогащаетъ онъ ваше сознаніе? Пачнете ли вы, разойдясь съ собранія, этотъ планъ проводить въ жизнь? Какъ? какимъ образомъ? съ какого конца? Или же эта работа будетъ выполняться кѣмъ нибудь другимъ, напри- мѣръ, тѣмъ организаторомъ, который посвящалъ васъ во всѣ таинства плана? Говорилъ ли онъ вамъ, какъ онъ думаетъ присту- питься къ воплощенію своего „плана“? Думаетъ ли онъ распу- стить всѣ существующія группы и ячейки и на очищенномъ полѣ строить изъ отдѣльныхъ элементовъ по всѣмъ правиламъ централистической архитектуры новое организаціонное зданіе? Или же онъ думаетъ постепенно устранять рудиментарные ор- ганы уже существующей организаціи? Какимъ путемъ? Съ чего онъ думаетъ пачать? Въ чемъ должно выразаться ваше, пропа- гандистовъ, организаціонное содѣйствіе? Изъ вашего письма видно, что объ этихъ „мелочахъ“ онъ не сказалъ *ни одного слова*. Но въ такомъ случаѣ все ваше собесѣдованіе было самымъ бесплоднымъ препровожденіемъ времени.

Кружокъ не организація, даже не ячейка организаціи. Ячейка—заводской комитетъ, пока еще нигдѣ не существующій. Планъ превосходитъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни бюрократизма. Но неужели же вашъ организаторъ не далъ себѣ труда подумать надъ загадкой того явленія, что планъ живетъ самъ по себѣ, а N-ская социальдемократія сама по себѣ. Ваша организація на- столько плоха, что прокламаціи распространяются хуже, чѣмъ во времена „демократизма“. А планъ парочито для города N напи- санный, въ свое время N-скимъ комитетомъ изданный и стара- тельно, на зубокъ, изученный N-скими товарищами, и „старши- ми“, и „младшими“, по прежнему продолжаетъ питать совер- шенно безкорыстные восторги N-скихъ „централистовъ“. Послѣ этого двухлѣтняго централистическаго платонизма основная ячейка ленинскаго „плана“, заводской комитетъ, *нигдѣ не существуетъ*. А „кружокъ“, который по „плану“ существуетъ лишь на задвор- кахъ, выпячивается на авансцену, наперекоръ плану, — и фак- тически кружокъ до днесь является единственной „ячейкой“, въ которой вашъ организаторъ имѣетъ возможность излагать свои организаціонные планы. А вы, пропагандисты, разойдясь послѣ собранія вашего *кружка*, отправитесь къ своимъ *кружкамъ* и на- чнете бесѣдовать съ рабочими — можетъ быть на ту же тему, что дастанетъ пѣкогда день, когда по всему г. N раскинутся завод- скіе комитеты, въ каждомъ комитетѣ будетъ организаторъ, тех- никъ, касиръ и литераторъ, а надъ ними будутъ районные ко- митеты, въ каждомъ изъ нихъ районный организаторъ, район-

пый пропагандистъ, районный библиотечарь, кассиръ и литераторъ, а надъ ними Комитетъ Партіи, а всѣмъ комитетамъ комитетъ нашъ Центральный Комитетъ, который въ свое время окрикаетъ мѣстные комитеты, тѣ окрикнутъ районные, а эти — заводскіе, а заводскіе комитеты окрикнутъ рабочихъ — и пойдетъ писать всероссійскій революціонный пролетаріатъ... Поидеть писать... если только „дезорганизаторы“ не помѣшаютъ!

Я еще разъ задумываюсь: зачѣмъ, для какой цѣли, организаторъ излагалъ вамъ свой „планъ“? Я пытаюсь объяснить себѣ его поведеніе психологически. Я вспоминаю время „первобытной“ кружковой пропаганды. Тогда пропагандистъ ставилъ себѣ цѣль: уяснить рабочему фабрики Паля или Максудэля его мѣсто въ мірозданіи. Начинали съ космологіи. Выводили благополучно человечка отъ обезьяны. Переваливали черезъ исторію культуры, добирались (рѣдко!) до капитализма, до социализма. Въ основѣ этой работы лежала идея — превратить сѣраго пролетарія въ социалдемократа съ законченными материалистическимъ міросозерцаніемъ. Нынѣ это почтенное доктринерство прошло и выльемъ поросло... какъ оказывается, только для того, чтобы возродиться въ самой жалкой, каррикатурной формѣ.

Тѣ элементы нашей партіи, которые воспитались въ періодъ краха „кустарничества“, пришли къ поразительно-ниженской мысли, что *въ основу работы должна лечь идея централизма*. Идея материалистически объясненнаго мірозданья смѣнилась идеей централистически построеннаго „плана“. Широкая, но доктринерская задача: уяснить члену кружка его мѣсто въ божьемъ макрокосмѣ смѣнилась выморочной бюрократической идеей: уяснить члену организациі его мѣсто въ ленинскомъ микрокосмѣ.

Пусть рѣдкому изъ объектовъ первобытной пропаганды удавалось дожить въ кружкѣ до разрѣшенія вопроса: что именно представляетъ изъ себя онъ, рабочій фабрики Паля или Максудэля? Но онъ узнавалъ, что человечество проходило черезъ періодъ полиандріи... Все это — свѣдѣнія правильныя, свѣдѣнія полезныя, свѣдѣнія о томъ, что есть и что было. А N-ское мірозданье, въ основѣ котораго лежатъ 130 рабочихъ-кассировъ, 130 бухгалтеровъ, 130 литераторовъ — вѣдь оно просто выдуманно тов. Ленинымъ въ часы канцелярскаго найтія. Вѣдь оно не существуетъ. Совершенно не существуетъ. И когда вы уясняете рабочему его мѣсто въ *этомъ* мірозданьи, вы просто говорите ему о томъ, „чего не бываетъ, чего никогда не бываетъ“...

Не ясно ли, дорогой другъ, что упреки „меньшинства“ — по адресу нѣкоторыхъ элементовъ нашей партіи — въ бюрократизмъ и формализмъ „лишены всякаго основанія“?

Крѣпко жму руку...“

П.

....., іюль 1903 г.

„Уважаемый товарищъ!... Время ли теперь заниматься детальной разработкой организаціоннаго вопроса? Большія событія надвигаются незамѣтно, и революція можетъ притти гораздо

скорѣе, чѣмъ мы смѣемъ ожидать. А мы разсуждаемъ объ одной трети социальдемократа, подлежащаго введенію въ комитетъ... Когда масса, рѣшительная и революціонная, выйдетъ на улицу, пойдемъ ли мы, что это революція? Найдеть ли масса нужные ей лозунги? А войска? Вѣдь, отъ ихъ поведенія зависитъ исходъ уличной борьбы... Предпринимаемъ ли мы что-нибудь, чтобы сблизить ихъ съ революціонной массой? Поистинѣ, намъ пора готовиться къ революціи, которая придетъ, какъ „тать въ нощи“. На мой взглядъ, такъ: намъ нужно построить свою подготовку такъ, какъ если бы революція должна начаться въ концѣ лѣта, — и всякую „отсрочку“ использовать въ интересахъ нашей партіи... Пора, пора!..“

(т в ѣ т ѣ :

....., августъ, 1904 г.

„Я согласенъ, уважаемый товарищъ, и съ тѣмъ, что революція можетъ быть гораздо ближе, чѣмъ намъ кажется, и съ тѣмъ, что намъ нужно развить возможно болѣе интенсивную и экстенсивную политическую агитацію, и съ тѣмъ, что необходимо вынести на самую широкую массу тѣ боевые очередные лозунги, съ которыми эта масса могла бы выйти на улицу, и съ тѣмъ, что теперь не время разрабатывать детали организаціоннаго вопроса... Но я не соглашусь съ Вами, если Вы выдвинете эти мысли, какъ возраженіе противъ той работы, которую выполняетъ „меньшинство“. Вы хотя прямо не говорите этого, но такъ Васъ можно понять. Для того, чтобы революція, которая во всякомъ случаѣ придетъ, „какъ тать въ нощи“, не застала насъ съ погасшими свѣтильниками, необходимо *политически бодрствовать*. Наша же Партія, къ несчастію, политически дремлетъ. Въ своей дремотѣ она видитъ фантастическіе организаціонные сны, которые временами превращаются въ тяжелые кошмары. Партію необходимо пробудить цѣной какихъ бы то ни было усилий. Иначе ея политическій сонъ можетъ превратиться въ политическую смерть.

Когда Вы говорите: *нужно готовиться къ революціи*, вся Партія согласится съ Вами, но три четверти поймутъ Васъ такъ, будто Вы говорите объ организаціонно-технической подготовкѣ. Гижскій Комитетъ скажетъ: „необходимо выработать строго централизованную организацію профессиональныхъ революціонеровъ“. Что-нибудь въ этомъ же родѣ скажетъ десятокъ другихъ комитетовъ. Для нихъ подготовка къ революціи означаетъ, если не раздачу паролей и лозунговъ и назначеніе числа и часа такъ называемаго „призыва“ къ такъ называемому „возстанію“, то ужъ, во всякомъ случаѣ, внутреннее организаціонное строительство, которое, впрочемъ, правильнѣе было бы назвать дезорганизаціоннымъ, такъ какъ оно начинается съ разрушенія тѣхъ организаціонныхъ формъ, которыя уже существуютъ. А, между тѣмъ, *задача настоящаго рѣшительнаго момента*, который не ждетъ и который не повторится, *состоитъ въ томъ, чтобы взять все организаціонные элементы, какіе имѣются, и объединить ихъ въ систематическую централизованную, не разбросанную и не разлетѣ*

янной работѣ. Цѣль этой работы — держать массу посредствомъ цѣлесообразныхъ тактическихъ приѣмовъ въ политическомъ напряженіи, которое должно все болѣе и болѣе повышаться и, наконецъ, разрѣшиться либо періодомъ революціи, либо, какъ это ни мало вѣроятно, періодомъ временной реакціи.

Вся наша задача цѣликомъ лежитъ въ области политической тактики. Мы, такъ называемое „меньшинство“, не выставляемъ самостоятельныхъ организаціонныхъ задачъ и, думаемъ, что самыя неотложныя изъ нихъ разрѣшаются попутно, въ процессѣ политической борьбы. Въ этомъ смыслѣ мы, дѣйствительно, проявляемъ „оппортунизмъ въ организаціонномъ вопросѣ“. Пужно только имѣть въ виду, что противостоящей нашему оппортунизму организаціонный ригоризмъ есть ничто иное, какъ обратная сторона политическаго тупоумія.

До тѣхъ поръ, пока мысль большинства товарищей, повторяю я здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ, какъ мышьякъ и мышеловкѣ, беспомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ мелочей и пустяковъ, *невозможна самая постановка дѣйствительныхъ политическихъ задачъ*. „Полемиическая“ работа „меньшинства“ въ основѣ своей не имѣетъ ничего общаго съ „детальной“ разработкой „организаціоннаго вопроса“, она сводится къ разрушенію организаціоннаго фетишизма, къ очищенію поля для вопросовъ политической тактики, отъ того или иного практическаго рѣшенія которыхъ зависить вся судьба Россійской Соц.-Дем., и какъ партія революціи и какъ партія пролетариата. Sapiienti sat!

Отправнымъ пунктомъ той кампаніи, которую мы должны открыть немедленно, опираясь на все имѣющіяся у насъ личныя и организаціонныя силы, должна быть, разумѣется, война. Лозунгъ, который она даетъ намъ, ясенъ: *Миръ и свобода!* Мы должны выдвинуть эти лозунги не только, какъ формулировку нашего принципиальнаго отношенія къ войнѣ, но какъ цѣль, которой мы хотимъ достигнуть немедленно. Мы не просто манифестируемъ въ пользу мира, мы, дѣйствительно, надѣемся добиться прекращенія войны, вмѣстѣ съ „прекращеніемъ“ самодержавія. Мы *должны* на это надѣяться — и это должно сказаться и въ содержаніи и въ тонѣ нашей агитаціи.

Мы совершенно не научились давать массѣ боевые лозунги. Формализму нашего политическаго мышленія соответствуютъ не дѣйствительные лозунги, а нѣкоторые шаблоны, которые всегда и вездѣ годятся, потому что даже въ нашихъ собственныхъ глазахъ они часто имѣютъ лишь фразеологическое значеніе.

Прокламація Рижскаго Комитета „О войнѣ“ формулируетъ такой лозунгъ: „Нашимъ отвѣтомъ на все попытки *самодержавной клики* пробудить въ насъ злѣя и направить на нашихъ японскихъ братьевъ пусть будетъ возгласъ: — „Долой буржуазію! Долой войну! Да здравствуетъ миръ и братское единеніе народовъ! Да здравствуетъ социализмъ!“ Ясно, что боевого, дѣйствительнаго лозунга здѣсь не дано. Нельзя же считать лозунгомъ „возгласъ“: „Долой буржуазію! — въ отвѣтъ на авантюры „са-

модержавной клики"! Судьба империальной войны тут связывается съ судьбой буржуазии. Екатеринбургскій Комитетъ говоритъ: „Мы противъ войны, потому что война противъ рабочаго класса. Мы не можемъ теперь предотвращать войны, но мы горячо *протестуемъ* противъ этой ненужной, разорительной, авантюристской войны!“ (Курсивъ прокламаціи).

Эта точка зрѣнія можетъ страшно ослабить нашу революціонную позицію. Мы должны помнить, что судьба царизма теперь связана съ войной; и если вѣрно, что мы вступаемъ въ періодъ окончательнаго крушенія самодержавія, то отсюда долженъ быть сдѣланъ тотъ тактическій выводъ, что мы не просто протестуемъ противъ войны, — мы требуемъ ея немедленнаго прекращенія.

Миръ во что бы то ни стало!

Этимъ лозунгомъ начинается и кончается каждая прокламація, каждая агитаціонная рѣчь. Необходимо учитывать всѣ результаты войны и дѣлать ихъ достояніемъ массы. Прокламаціи простыя, ясныя и, по возможности, краткія должны покрыть всю Россію, и всѣ онѣ въ каждый данный періодъ агитаціи должны бить въ одну точку. *Миръ во что бы то ни стало!* Къ этому лозунгу „призовите всѣхъ: пусть дойдетъ вашъ призывъ въ каждую мастерскую, въ каждую деревню, въ каждую хижину. Пусть городскіе работники сообщать сельскимъ свое высшее пониманіе и образованіе. Говорите, разсуждайте всюду, ежедневно, неустанно, безпрерывно... Чѣмъ больше миллионнои голосовъ повторяютъ ваше требованіе, тѣмъ громче раздастся оно въ ушахъ тѣхъ, къ кому обращено.“ (Лассаль, „Гласный отвѣтъ Ц. К.“).

Среди безработныхъ необходимо поднять самую напряженную агитацію, упирающуюся въ тотъ же лозунгъ. Конецъ войнѣ, которая несетъ народу лишь нищету, безработицу, смерть!

Въ извѣстномъ фазисѣ необходимо осложнить эту агитацію, сдѣлавъ объектомъ ея отношеніе къ войнѣ общественныхъ организацій господствующихъ классовъ. Рабочіе должны потребовать, чтобы земства, думы, университеты, ученые общества и пресса подняли свой вліятельный голосъ противъ войны. Дальнѣйшій ходъ кампаніи въ извѣстной мѣрѣ опредѣлится тѣмъ, какъ будутъ реагировать эти организаціи на требованія революціоннаго пролетаріата.

Государственная помощь голодающимъ крестьянамъ и безработнымъ, безкровнымъ жертвамъ войны! Этотъ второй лозунгъ долженъ быть со всей энергіей выдвинутъ въ подходящій моментъ. Агитація на этой почвѣ можетъ привести къ манифестаціямъ пролетаріата, особенно безработныхъ, противъ думъ и земствъ, расхищающихъ народныя деньги на военныя нужды.

Чѣмъ глубже и шире будетъ движеніе противъ войны, тѣмъ въ большемъ затрудненіи будетъ самодержавіе, поставленное между двухъ огней. Лозунгъ: „*Да здравствуетъ учредительное собраніе!*“ долженъ, какъ указаніе на рѣшительный выходъ изъ

затрудненій, огласить всю Россію. Связь этого лозунга съ двумя приведенными выше понятна сама собой: Учредительное Собраніе должно ликвидировать войну, какъ и все вообще хозяйство Романовыхъ.

„Призывъ“ представителей отъ земствъ, думъ и университетовъ не долженъ заставить насъ врасплохъ. Въ умахъ многихъ товарищей такой призывъ способенъ породить тревогу: „опоздали“ (опоздали — признать къ возстанію?). А между тѣмъ, тѣ или другія „конституціонныя“ реформы сверху нисколько не исключаютъ революціоннаго движенія массъ, наоборотъ, могутъ служить прологомъ такого движенія. Реформы Тюрго стоятъ у преддверія Великой Французской Революціи.

Обращеніе „свыше“ къ думамъ и земствамъ мы должны встрѣтить лозунгомъ: *Всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право!* Для того, чтобы масса поддержала этотъ лозунгъ, необходимо, на что я въ двухъ словахъ указалъ выше, въ процессѣ ея мобилизаціи вокругъ всѣхъ другихъ лозунговъ, противопоставлять ее, такъ или иначе, земствамъ и думамъ, какъ общественнымъ организаціямъ, основаннымъ на сословно-имущественномъ цензѣ.

Разумѣется, было бы нелѣпостью пытаться сейчасъ же установить послѣдовательность, въ которой мы будемъ выдвигать тѣ или другіе лозунги, или формы мобилизаціи массъ вокругъ этихъ лозунговъ... Я могъ дать лишь примѣрную схему предстоящей намъ революціонной работы. Но какъ бы ни измѣнялись и въ какой бы комбинаціи ни выступали наши тактическіе приемы, *самый методъ* тактики долженъ оставаться неизмѣннымъ: въ политическомъ дѣйствіи противопоставлять пролетаріатъ самодержавію и всѣмъ общественнымъ организаціямъ господствующихъ классовъ, особенно тѣмъ, которыя — какъ думы и земства — будутъ, можетъ быть, „призваны“ въ скоромъ времени рѣшать судьбы русской свободы.

Провода эту сложную предреволюціонную кампанію, мы должны помнить то правило, которое Лассаль преподавалъ въ 1863 г. германскимъ рабочимъ: *„Вся тайна практическихъ успѣховъ состоитъ въ искусствѣ всегда сосредоточивать все свои силы на одномъ пунктѣ, на важнѣйшемъ пунктѣ, не смотря по сторонамъ. Не заглядывайте ни вправо, ни влево; будьте глухи ко всему, что не общее и прямое избирательное право или что не связано съ нимъ и не можетъ вести къ нему!“* („Гласный отвѣтъ Ц. К.“)

На какомъ бы этацѣ нашей кампаніи ни застигла насъ революція, въ ней всегда скажетъ свое слово пролетаріатъ, объединенный вокругъ опредѣленныхъ политическихъ лозунговъ. И при такомъ условіи самая революція дастъ колоссальный толчекъ ея дальнѣйшему политическому объединенію. Итакъ: *мобилизація пролетариата вокругъ основныхъ лозунговъ революціи!* — таково содержаніе нашей непосредственной подготовки къ надвигающимся рѣшительнымъ событіямъ. Если, волею исторіи, эти событія будутъ на неопредѣленное время отодвинуты, ни одна частица нашихъ усилій не пропадетъ безплодно. Онѣ цѣликомъ

войдутъ въ нашу великую историческую задачу — развитіе классового сознанія пролетаріата.

Сейчасъ я не знаю другой подготовки, кромѣ этой. Но зато *эту* я знаю и вижу во всей ея сложности, трудности, колоссальности! Вѣрнѣе сказать: всякая иная подготовка приложится къ этой. Da stehe ich, anders kann ich nicht. И это же, конечно, скажетъ всякій сознательный сторонникъ „меньшинства“. Пусть его распнутъ за его организаціонный „оппортунизм“, онъ не сдастся. Даже распятый, онъ долженъ быть готовъ крикнуть: Слѣпцы! комаровъ оцѣживаете, а верблюдовъ не видите!...

ЯКОБИНИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМО- КРАТІЯ.

Не якобинець-соціалдемократъ, а якобинець
или соціалдемократъ.

„Якобинець, неразрывно связанный съ *организацией* пролетаріата, *сознавшій* свои классовые интересы, это и есть революціонный соціалдемократъ“ („Шагъ впередъ“ ... стр., 140). Эта формула должна санкціонировать все политическія и теоретическія завоеванія, сдѣланныя ленинскимъ крыломъ нашей партіи. Въ пей, въ этой маленькой формулѣ, скрывается теоретическій корень разногласій по злосчастному § первому устава, какъ и по всемъ тактическимъ вопросамъ. На ней необходимо, поэтому, остановиться.

Если Ленинъ въ приведенномъ только что опредѣленіи говорить объ „организации пролетаріата, *сознавшій* свои классовые интересы“ вполне сознательно и серьезно, не ради оборота только, тогда это заявленіе не заключаетъ въ себя ничего еретическаго, ибо оно превращается въ простой плеоназмъ. Разумѣется, тотъ, кто связалъ себя съ сознавшимъ свои классовые интересы пролетаріатомъ, соціалдемократъ. Но тогда въ опредѣленіи Ленина, вмѣсто слова *якобинець*, можно поставить: либераль, народникъ, толстовець, менонитъ... вообще, что угодно. Ибо какъ разъ съ того момента, когда якобинець, толстовець или менонитъ свяжутъ себя съ „организацией пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы“, они перестаютъ быть якобинцемъ, толстовцемъ, менонитомъ, а становятся революціонными соціалдемократами. Если же Ленинъ хотѣлъ своимъ опредѣленіемъ сказать нѣчто большее той содержательной мысли, что соціалдемократъ есть соціалдемократъ, тогда его нужно понимать въ томъ смыслѣ, что якобинець, *не переставая быть самимъ собою по методамъ политической мысли вообще, по организационнымъ взглядамъ въ частности*, становится революціоннымъ соціалдемократомъ, какъ только „свяжетъ“ себя съ революціоннымъ пролетаріатомъ, или, можетъ быть, точнѣе, какъ только исторія *навяжетъ* его революціонному пролетаріату. Очень важно, — не столько для нашей партіи, сколько для дальнѣйшей эволюціи самого Ленина и его сторонниковъ, — чтобы онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, теоретически развѣивъ свое опредѣленіе соціалдемкрата.

Въ борьбѣ между революціоннымъ и оппортунистическимъ флангами международнаго соціализма часто прибѣгали къ аналогіи съ Горой и Жироной. Но эта аналогія, конечно, никонмъ

образомъ не устанавливала не только тождества, но хотя бы какого-нибудь сходства *по существу* между якобинизмомъ и революціоннымъ социализмомъ... Кто мыслить не словами и вышшими аналогіями, а живыми понятіями, тотъ, разумѣется, понимаетъ, что социалдемократія отстоитъ отъ якобинизма, по крайней мѣрѣ, на столько же, какъ и отъ реформизма. Робеспьеръ, по меньшей мѣрѣ, такъ же далекъ отъ Бебеля, какъ и Жоржесъ.

Въ какомъ смыслѣ мы можемъ быть якобинцами? Въ смыслѣ настроенія? доктрины? метода политической борьбы? метода внутрипартийной политики? торжественной декламациі?

Якобинизмъ — не сверх-соціальная „революціонная“ категория, нѣтъ, это историческій продуктъ. Якобинизмъ — это высшій моментъ напряженія революціонной энергіи въ напряженную эпоху самоосвобожденія буржуазнаго общества. Это максимумъ радикализма, какой могъ быть данъ буржуазнымъ обществомъ — не путемъ развитія его внутреннихъ противорѣчій, но путемъ ихъ аннулированія и подавленія: въ теоріи — при помощи апелляціи къ правамъ отвлеченнаго человѣка и отвлеченнаго гражданина, на практикѣ — при помощи гильотины. Исторія должна была остановиться для того, чтобы якобинизмъ могъ остаться у власти, такъ какъ всякое движеніе впередъ должно было противопоставить поддерживавшіе якобинцевъ, активно или пассивно, разнокачественные элементы другъ другу и такимъ образомъ, путемъ внутреннихъ треній, понизить ту революціонную волну, на вершинѣ которой находилась партія Горы. У якобинцевъ не было и не могло быть вѣры въ то, что ихъ „истина“ (la vérité) будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе покорять сердца. Наоборотъ, факты говорили противное: отовсюду, изъ всѣхъ щелей, выползали интриганы, лицемѣры, „аристократы“ и „модерантисты“ (умѣренные). Вчера еще вѣрные патриоты, истинные якобинцы — сегодня обнаруживали колебаніе. Всякое притушеніе не принципиальныхъ только, но *мнимыхъ* границъ между якобинизмомъ и всѣмъ остальнымъ міромъ означало высвобожденіе внутреннихъ центробѣжныхъ силъ для ихъ дезорганизующей работы. Закрѣпить моментъ высшаго революціоннаго подъема путемъ „осаднаго положенія“, опредѣлить межевую грань сталью гильотины — такую политическую тактику диктовалъ инстинктъ политическаго самосохраненія.

Якобинцы были утопистами. Они поставили себѣ задачей — „fonder une République sur les bases de la raison et de l'égalité“ („основать республику на основахъ разума и равенства“). Они хотѣли республики равенства — на основѣ частной собственности, республики разума и добродѣтели — въ рамкахъ классовой эксплуатаціи. Методы ихъ борьбы лишь вытекали изъ ихъ революціоннаго утопизма. Они стояли на остриѣ великаго противорѣчія, и они призвали къ себѣ на помощь остріе гильотины.

Якобинцы были чистѣйшими идеалистами. Какъ всѣ бывшіе до нихъ и слѣдовавшіе за ними идеалисты, они „первые“ познали „les principes de la morale universelle“ („принципы всеобщей морали“). Они вѣрили въ абсолютную силу идеи — „истинны“

(„la vérité“). И они считали, что никакихъ человѣческихъ гека-томбъ не будетъ слишкомъ много, чтобы построить пьедесталъ для этой „истины“. Все, что отклонялось отъ провозглашенныхъ ими принциповъ универсальной морали, было порожденіемъ порока и лицемерія. Je ne connais que deux partis, — сказалъ Максимилианъ Робеспьеръ въ своей лебединой пѣснѣ, знаменитой рѣчи 8 термидора, celui des bons et celui des mauvais citoyens⁽¹⁾. Абсолютной вѣрѣ въ метафизическую идею соответствовало абсолютное недовѣріе къ живымъ людямъ. Политическая подозрительность была неизбѣжнымъ методомъ служенія „истинѣ“ и высшей гражданской обязанностью „настоящаго патріота“. Не было пониманія классової борьбы, этого социальнаго механизма, управляющаго столкновениями мнѣній и понятій, и потому не было историческихъ перспективъ, не было увѣренности, что одни противорѣчія въ сферѣ „мнѣній и понятій“ будутъ неизбѣжно углубляться, другія, напротивъ, будутъ все болѣе сглаживаться по мѣрѣ развитія борьбы освобожденныхъ революціей социальныхъ силъ.

Исторія должна была остановиться, чтобы якобинизмъ могъ долѣе сохранять свое положеніе. Но исторія не остановилась. Оставалось безпощадно бороться противъ стихій — до полнаго истощенія. Всякая остановка, малѣйшая уступка означала смерть.

Какимъ безысходнымъ историческимъ трагизмомъ дышетъ рѣчь Робеспьера, произнесенная имъ 8 термидора въ Конвентѣ и вечеромъ повторенная въ клубѣ якобинцевъ! „Въ положеніи (sangière), въ какомъ мы находимся, — говорилъ стоявшій надъ пропастью диктаторъ, — остановиться преждевременно значитъ погибнуть, а мы постыдно отступали. Вы приказали предать казни нѣсколькихъ злодѣевъ, виновниковъ всѣхъ нашихъ невгодъ; они осмѣливаются противиться національному правосудію, — и имъ жертвуютъ судьбами отечества и человѣчества. Будемъ же ждать всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ быть послѣдствіемъ безнаказанно распространяющихся комплотовъ... Отпустите на мигъ бразды революціи, вы увидите, какъ ими овладѣетъ военный деспотизмъ, и какъ вожаки комплотовъ низвергнутъ униженное національное правительство; вѣкъ гражданскихъ войнъ и бѣдствій опустошитъ наше отечество, и мы погибнемъ вслѣдствіе того, что не захотѣли овладѣть моментомъ, отмѣченнымъ въ исторіи людей для основанія свободы; мы обречемъ свое отечество годины бѣдствій, и народныя проклятыя срастутся съ нашей памятью, которая должна была стать драгоценной для человѣческаго рода!“ (La soc. des Jac., T. VI, p. 278).

Какъ глубоко противоположна этой исторической судьбѣ („sangière“) судьба социальдемократіи, партіи самыхъ оптимистическихъ перспективъ. Будущее *гарантируетъ* ей ростъ сторонниковъ ея „истины“, такъ какъ эта истина не внезапное револю-

¹⁾ „Я знаю только двѣ партіи, партію добрыхъ и партію злыхъ гражданъ“ (La société des jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des jacobins de Paris par S.-A.-Aulard. T. VI, p. 254).

ціонное „откровеніе“, а лишь теоретическое выраженіе расширяющейся и углубляющейся классовой борьбы пролетаріата. Революціонный соціалдемократ увѣренъ не только въ неизбежности роста политической партіи пролетаріата, но и въ неизбежности побѣды идей *революціоннаго* соціализма внутри этой партіи. Первая увѣренность покоится на томъ, что развитіе буржуазнаго общества стихійно влечетъ пролетаріатъ къ политическому обособленію, вторая увѣренность — на томъ, что объективныя тенденціи и тактическія задачи этого обособленія лучше всего, полнѣе и глубже, вскрываются революціоннымъ, т. е. марксистскимъ соціализмомъ.

Мы можемъ уже или шире, „мягче“ или „строже“ опредѣлять *формальныя* предѣлы партіи, это зависитъ отъ цѣлаго ряда объективныхъ причинъ, отъ политическаго такта и соображеній политической цѣлесообразности. Но несомнѣнно, что какимъ бы радіусомъ мы не очертили свою пограничную окружность, наша партія всегда будетъ представлять собою, — идя отъ центра къ периферіи, — цѣлый рядъ концентрическихъ поясовъ пролетаріата возрастающей численности и убывающей сознательности. Самые сознательные, а значитъ самые революціонные элементы будутъ въ нашей партіи „всегда въ меньшинствѣ“. И если мы „миримся“ съ такимъ положеніемъ, — а мы съ нимъ миримся, — то это можетъ быть только объяснено нашей вѣрой въ соціально-революціонную „судьбу“ рабочаго класса, иначе сказать, вѣрой въ неизбежное „выживаніе“ революціонныхъ идей, какъ наиболѣе „приспособленныхъ“ къ историческому движенію пролетаріата. Мы вѣримъ, что классовая практика, освѣщаемая лучами марксистскаго рефлектора, будетъ повышать сознательность малосознательныхъ элементовъ и будетъ вовлекать въ поле его свѣта элементы, вчера еще вовсе несознательные. Въ этомъ наше глубокое отличіе отъ якобинцевъ. *Мы относимся къ соціальной стихіи, а значитъ и къ будущему, съ революціоннымъ довѣріемъ.* Якобинцы относились по праву съ мрачной подозрительностью. Та самая стихія, которая вела къ ихъ дифференціаціи и разложенію, вырабатывала въ себѣ тенденціи интеграціи пролетаріата и его политическаго объединенія.

Два міра, двѣ доктрины, двѣ тактики, двѣ психологіи, отдѣленные пропастью. . .

Въ какомъ смыслѣ мы якобинцы?

Они — утописты, мы хотимъ быть только выразителями объективныхъ тенденцій. Они — идеалисты съ ногъ до головы, мы съ головы до ногъ материалисты. Они — рационалисты, мы — діалектики. Они вѣрили въ спасительную силу внѣклассовой истины, предъ которой обязаны преклониться всѣ. Мы вѣримъ только въ классовую силу революціоннаго пролетаріата. Ихъ внутренне-противорѣчивый теоретическій идеализмъ толкалъ ихъ на путь политическаго недовѣрія и безпощадной подозрительности. Нашъ теоретическій материализмъ снабжаетъ насъ несокрушимымъ довѣріемъ къ исторической „волѣ“ пролетаріата. Ихъ методъ былъ гильотинированье малѣйшихъ отклоненій, нашъ ме-

тодь — идейно-политическое изживаніе разногласій. Они отрубали головы, мы просвѣщаемъ ихъ классовымъ сознаніемъ.

Въ какомъ же смыслѣ мы якобинцы?

Правда, они были непримиримы, непримиримы и мы. Якобинцы знали страшное политическое обвиненіе, которое формулировалось словомъ *модерантизмъ*. Мы знаемъ обвиненіе въ *оппортунизмъ*. Но наши „непримиримости“ качественно различны.

Мы продвигаемъ между собою и оппортунизмомъ въ качествѣ клина теоретическій аппаратъ классовой идеологіи пролетаріата, и каждый полновѣсный ударъ классовой борьбы вгоняетъ этотъ клинъ глубже и глубже.

Мы „очищаемся“ такимъ путемъ отъ оппортунизма, а оппортунисты либо уходятъ отъ насъ въ политическій лагерь другого класса, либо подчиняются революціонной, отикудъ *не оппортунистической* логикѣ классоваго движенія пролетаріата. Каждое такое „очищеніе“ укѣпляетъ насъ и часто *непосредственно* увеличиваетъ наши ряды.

Якобинцы продвигали между собою и модерантизмомъ желѣзо гильотины. Логика классоваго движенія была противъ нихъ, и они пытались обезглавить ее. Безуміе! У этой гидры число головъ все болѣе возростало, а головы, преданныя идеямъ добродѣтели и истины, рѣдѣли съ каждымъ днемъ. Якобинцы „очищались“, ослабляя себя. Гильотина была только механическимъ орудіемъ политическаго самоубійства, а самое самоубійство было роковымъ выводомъ ихъ безнадежной исторической позиціи — глашатаевъ равенства на почвѣ частной собственности, провозвѣстниковъ универсальной морали въ рамкахъ классовой эксплуатаціи.

„Необходимы великіе кризисы, говоритъ какой-то безвѣстный якобинець въ октябрѣ 1792 г., чтобы очистить организмъ, зараженный гангреной; нужно отрѣзать члены, чтобы спасти тѣло. Если мы будемъ имѣть дурныхъ руководителей, мы сможемъ быть совлечены съ истиннаго пути; но разъ мы будемъ знать, кто суть истинные якобинцы, они будутъ нашими вождами: мы присоединимся къ Дантону и Робеспьеру и мы спасемъ государство“ (La soc. des jacob., T. IV, p. 372). А черезъ полтора года, въ теченіе которыхъ Дантонъ и многіе другіе изъ „истинныхъ якобинцевъ“ были гильотинированы, какъ зараженные гангреной члены, въ томъ же самомъ клубѣ другой якобинець, почти тѣми же словами снова и снова говорилъ объ „очищеніи“: „Если мы очищаемъ себя, то это для того, чтобъ имѣть право очистить Францію. Мы не оставимъ никакого инороднаго тѣла въ Республикѣ: враги свободы должны трепетать, ибо палица поднята; Конвентъ ее опуститъ. Наши враги не такъ многочисленны, какъ въ этомъ хотятъ увѣрить; скоро они будутъ приведены въ извѣстность, и они появятся на подмосткахъ гильотины (sur le théâtre de la guillotine). Говорятъ, что мы хотимъ разрушить Конвентъ: нѣтъ, онъ остается неприкосновеннымъ; но мы хотимъ срѣзать съ этого великаго дерева мертвыя вѣтви. Великія мѣры, которыя мы предпринимаемъ, похожи на порывъ вѣтра, сбрасывающаго червивые плоды и оставляющаго на деревѣ добрые плоды;

послѣ этого вы сможете собрать тѣ, которые останутся; они будутъ слабы и полны сладости (saveur), они внесутъ жизнь въ Республику. Какая выгода, что вѣтви многочисленны, если онѣ извѣдены червоточиною? Гораздо лучше, чтобы осталось ихъ меньшее число, лишь бы онѣ были зелены и здоровы“. (Ив., Т. VI, р. 47).

... Два міра, двѣ доктрины, двѣ тактики, двѣ психологіи, одѣленные пропастью...

Нѣтъ сомнѣній, что все интернаціональное движеніе пролетаріата было бы обвинено революціоннымъ трибуналомъ въ модерантизмъ, — и львиная голова Маркса первою пала бы подъ ударомъ гильотины. И нѣтъ сомнѣній — съ другой стороны, — что частѣйшимъ *оппортунизмомъ*, принесеніемъ историческихъ интересовъ пролетаріата въ жертву фикціи временнаго успѣха, была, есть и будетъ всякая попытка внести методы якобинизма въ классовое движеніе пролетаріата. Это значило бы маленькими средствами симулировать великія историческія столкновенія. Предъ лицомъ классової борьбы, черпающей въ своемъ развитіи, и только въ немъ, свою силу, гильотина такъ же ничтожна, какъ и потребительный кооперативъ, и якобинизмъ такъ же оппортунистиченъ, какъ и бернштейнство.

Разумѣется, если вы попытаетесь перенести методы якобинскаго мышленія и якобинской тактики въ сферу классоваго движенія пролетаріата, вы получите лишь жалкую каррикатуру якобинизма, — но это не будетъ социальдемократія, ибо социальдемократія не якобинизмъ и ужъ, конечно, не каррикатура якобинизма.

Якобинецъ, „связанный съ организаціей пролетаріата, сознавашаго свои классовые интересы“, въ концѣ концовъ, надо надѣяться, развяжется съ ней. Но поскольку онъ сохранитъ свою формальную связь съ этой организаціей и поскольку въ тоже время онъ сохранитъ свою якобинскую психологію недовѣрія и подозрительности къ стихіи и къ завтрашнему дню, онъ обнаружитъ полную неспособность оцѣнить ту партію, къ которой онъ прикомандированъ, *въ ея развитіи*. „Je ne connais que deux partis, celui des bons et celui des mauvais citoyens“. Добрые граждане это тѣ, которыхъ политическое сознание, развитое или неразвитое, все равно, поворачивается сегодня благопріятной стороной къ моему „плану“. Эту — совершенно частную и случайную — конъюнктуру нужно закрѣпить. Злые граждане это тѣ, которыхъ политическое сознание сегодня отвращается отъ тѣхъ или другихъ деталей моего плана. Ихъ нужно... воспитать? Нѣтъ! подавить, обезсилить, уничтожить, устранить... Партія беретъ не въ динамикъ, а въ статикъ. Мѣриломъ для оцѣнки различныхъ элементовъ партій служитъ не вопросъ объ ихъ роли въ политическомъ движеніи рабочаго класса, а ихъ сегодняшнее отношеніе къ тому или другому „плану“. Вотъ почему получается тотъ поразительный результатъ, что въ „отсталомъ“ крылѣ нашей партіи фигурируетъ, по Ленину: „Группа Освобожденія Труда“, редакція „Искры“, Заграничная Лига, Организационный Комитетъ, — а „передовое“ крыло состоитъ изъ еще не кри-

стабилизовавшейся массы рекрутовъ социальдемократіи, которые въ будущемъ выдѣлять, надо надѣяться, изъ своей среды много добрыхъ социальдемократовъ, но большая часть которыхъ будетъ, конечно, растеряна нашей партіей на ея долгомъ и трудномъ пути.

„Je ne connais que deux partis, celui des bons et celui des mauvais citoyens“. Этотъ политическій афоризмъ начертанъ въ сердцѣ Максимиліана Ленина, — и, прибавимъ тутъ же, въ грубой формѣ этотъ афоризмъ резюмируетъ тактическую мудрость старой „Искры“.

Подозрительность и недовѣріе составляли несомнѣнную составную черту дѣятелей „Искры“, — потому что средой, въ которой они работали, была интеллигенція, въ разныхъ „уклоненіяхъ“ проявлявшая свою анти-пролетарскую природу. Если работа социальдемократіи въ цѣломъ есть лишь оформленіе „стихій“, толкающей пролетаріатъ къ политическому сплоченію, то работа старой „Искры“ состояла въ борьбѣ со стихіей, отталкивающей интеллигенцію отъ политическаго растворенія въ пролетаріатѣ. Задача состояла не только въ томъ, чтобы прояснить политическое сознание интеллигенціи, но и въ томъ, чтобы ее *теоретически терроризировать*. Для социальдемократовъ, воспитавшихся въ этотъ періодъ, „ортодоксія“ есть нѣчто очень близкое къ той абсолютной *vérité*, которая вдохновляла якобинцевъ. Ортодоксальная истина предусматриваетъ все, даже вопросы кооптаціи. Кто отрицаетъ это, тотъ долженъ быть извергнутъ. Кто сомнѣвается, тотъ близокъ къ отрицанію. Кто спрашиваетъ, тотъ готовъ усомниться.

Рѣчь Ленина на съѣздѣ Лиги даетъ въ своемъ родѣ классическое выраженіе его „якобинскихъ“ взглядовъ на пути партійнаго развитія. Онъ, Ленинъ, знаетъ абсолютную организационную „истину“, онъ имѣетъ „планъ“ и стремится къ его воплощенію. Партія достигла бы цвѣтущаго состоянія, еслибъ онъ, Ленинъ, не былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ кознями, интригами, ловушками. Все какъ бы сговорилось противъ него и его „плана“. Противъ него оказались не только старые враги, но и „искровцы, борющіеся съ „Искрой“, ставящіе ей разныя препятствія, тормозящіе ея дѣятельность“... И если бы они еще боролись открыто, прямо! „Но нѣтъ, они дѣйствуютъ исподтишка, изъ-за угла, незамѣтно, тайно“... „Общее впечатлѣніе — (не только обо всемъ предшествующемъ періодѣ работы Организационнаго Комитета, но и о съѣздѣ) получилось такое, что *у насъ велась борьба съ подсиживаніемъ*“.

И Ленинъ пришелъ къ энергичному выводу: для того, „чтобы сдѣлать работу успѣшнѣе, необходимо было *удалить тормозящіе элементы и поставить ихъ въ положеніе, при которомъ они не могли бы портить Партію*“¹⁾... Другими словами, для

¹⁾ Напомнимъ читателю, что формула: *mettre dans l'impuissance de nuire* (поставить въ условія невозможности „портить“) была очень обычной въ якобинскомъ обиходѣ по отношенію къ „внутреннимъ врагамъ“ Республики.

Стага Партія оказалось необходимымъ установить режимъ „осаднаго положенія“, во главѣ котораго сталъ бы, по римской терминологіи, dictator seditionis sedandae et rei gerundae causa (диктаторъ по случаю внутреннихъ неурядиць). Но режимъ „ужаса“ на первыхъ же порахъ обнаружилъ свое полное безсиліе. Dictator seditionis sedandae не сумѣлъ ни подчинить „дезорганизаторовъ“ своему авторитету, ни изгнать ихъ за порогъ Партіи, ни опутать ихъ мертвой петлей дисциплины. „Отсталые элементы“ нисколько не устранились, наоборотъ, они увѣренно брали позицію за позиціей... И нашему обезкураженному Робеспьеру оставалось только повторить пессимистическія слова, сказанныя тѣмъ, кого онъ съ такой безсознательной добросовѣстностью копировалъ: „Къ чему жить при такомъ порядкѣ вещей, когда интрига вѣчно торжествуетъ надъ истиной, когда правосудіе есть ложь, когда наиболѣе низкія страсти, когда самыя смѣшныя опасенія занимаютъ въ сердцахъ мѣсто священныхъ интересовъ человѣчества? ...“

Ленинъ и его единомышленники не поймутъ причинъ своей неудачи, доколѣ они не проникнутся той идеей, что не только общественному развитію въ цѣломъ, но и отдѣльной партіи нельзя предписать пути развитія. Ихъ можно лишь вывести изъ дапныхъ исторіей условій и расчищать путемъ неустальной критической работы. Политическіе раціоналисты — ихъ много у насъ въ Партіи, еще не успѣвшей, какъ мы сказали выше, накопить тактической мудрости и дисциплинировать цѣлымъ рядомъ разочарованій мысль вождей — раціоналисты и метафизики думаютъ, что достаточно „отдумать“ развитіе за всю Партію и вооружиться бичомъ официальной власти, чтобы подстегнуть затѣмъ Партію изъ центра — и она добѣжитъ. Но какъ только всѣ условія для преуспѣяній оказываются на лицо, неожиданно открываются помѣхи и препятствія. Начиается періодъ „интригъ“ и „подсиживаній“. Находятся люди, которые не понимаютъ и спрашиваютъ: „зачѣмъ?“ Находятся другіе, которые упорствуютъ или указываютъ лучшій, на ихъ взглядъ, путь. Находятся третьи, которые учитываютъ недоумѣніе первыхъ, упорство вторыхъ и ищутъ тактическихъ методовъ, которыми можно было бы облегчить Партіи работу наступательнаго движенія. Между этими тремя категоріями политической метафизикъ органически не способны различать. Онъ не анализируетъ, не расчленяетъ, не детализируетъ, не объясняетъ, не задается вопросомъ: зачѣмъ? почему? — онъ видитъ лишь одну реакціонную массу, стоящую на пути его воображаемаго руководительства Партіей. Раціоналистической логикой своего мышленія нашъ „якобинецъ“ все болѣе и болѣе отрывается отъ исторической логики партійнаго развитія, — это отражается въ его сознаніи, какъ угрожающій ростъ партійныхъ подсиживателей, дезорганизаторовъ, искателей и интригановъ, — и въ концѣ концовъ бѣдный „вождь“ долженъ придти къ той мысли, что его „подсиживаетъ“... Партія. Совокупность индивидуальностей разнаго уровня развитія, разныхъ отъѣнковъ міровоззрѣнія, разнаго темперамента, словомъ, *материальное тѣло самой Партіи*, оказывается въ концѣ концовъ тормазомъ для *своего собственнаго развитія*, раціоналистически коп-

струированного. Здесь тайна неудачь Ленина, и здесь же причина его мелочной подозрительности.

Эта злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической петеримости якобинизма, является, это нужно признать, наследіемъ и вмѣстѣ выродженіемъ старой „некровской“ тактики. Но тѣ методы и приемы, которые имѣли свое оправданіе въ условіяхъ политическаго момента, въ настоящее время должны быть ликвидированы во что бы то ни стало, иначе они грозятъ полнымъ разложениемъ нашей партіи — политическимъ, нравственнымъ и теоретическимъ.

Не случайностью, а глубокимъ „запомненіемъ“ является тотъ фактъ, что вождь реакціоннаго крыла нашей партіи, т. Ленинъ, въ отстаиваніи тактическихъ методовъ карикатурнаго якобинизма, психологически вынужденъ былъ дать такое опредѣленіе социаль-демократіи, которое представляетъ собою не что иное, какъ *теоретическое покушеніе на классовый характеръ нашей партіи*. Да, теоретическое покушеніе, нисколько не менѣе опасное, чѣмъ критическія идеи какого-нибудь Бернштейна.

Въ самомъ дѣлѣ. Какую теоретическую операцію произвелъ Бернштейнъ надъ либерализмомъ и социализмомъ? Онъ постарался прежде всего притупить ихъ острия классовыя грапп. Онъ постарался превратить ихъ въ двѣ надклассовыя системы политическаго мышленія, связанныя другъ съ другомъ внутреннею логическою связью. Ту же оперативную работу надъ принципами демократіи и социализма производятъ Жоресъ и его невѣрный другъ Мильеранъ. Незачѣмъ напоминать, что этой возвышенной теоретической спекуляціи отвѣчаетъ вполне практическая спекуляція на министерскія кресла, или, беря отношенія шире, что выведенію социализма, какъ логическаго хвоста, изъ принциповъ либерализма и демократизма соответствуетъ практика превращенія пролетаріата въ политическій хвостъ буржуазной демократіи.

Та же работа — пока только въ области теоретической — производится у насъ экмарксистами-„критиками“-идеалистами. Разница лишь та, что они отправляютъ социализмъ на вычку къ либерализму черезъ чистилище идеалистической философіи. „Идеалы... социальнаго демократизма или социализма, — говоритъ г. Вулгаковъ, съ необходимостью вытекають изъ основныхъ принциповъ философскаго идеализма¹⁾“. А въ роли абсолютныхъ, т. е. не подлежащихъ классовой оцѣнкѣ, принциповъ идеализма фигурируютъ политическія завѣты и зароки либерализма. Это выискиваетъ г. Бердяевъ. „Либерализмъ, по идеальной своей сущности, ставитъ цѣли: развитіе личности, осуществленіе естественнаго права, свободы и равенства, социализмъ же открываетъ только новые способы для болѣе послѣдовательнаго проведенія этихъ вѣчныхъ принциповъ²⁾“. И наконецъ „Освобожденіе“, въ которомъ всегда нужно искать политическаго ключа къ философскимъ іероглифамъ процвѣтающей у насъ идеалистической меты-

¹⁾ „Отъ марксизма къ идеализму“, стр. VI.

²⁾ „Проблемы идеализма“, стр. 118, курс. мой.

физики, закрѣпляетъ теоретическія завоеванія идеализма такимъ энергическимъ тезисомъ: „... либерализмъ и социализмъ никоимъ образомъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга или даже противопоставлять одинъ другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны!“...

Политическая тенденція буржуазной демократіи — взять пролетаріатъ подъ свою опеку — требуетъ, чтобы и въ сферѣ идеологій либерализмъ и социализмъ выступали не какъ принципы двухъ непримиримыхъ міровъ, капитализма и коллективизма, буржуазіи и пролетаріата, а какъ двѣ отвлеченныя системы, изъ которыхъ одна (либерализмъ) покрываетъ другую (социализмъ), какъ цѣлое — свою часть или, вѣрнѣе, какъ алгебраическая формула свое частное арифметическое значеніе. Съ такой позиціи совершенно исчезаетъ суровая „игра“ классовыхъ мыщъ буржуазнаго общества, ясныя очертанія общественныхъ реальностей расплываются въ царствѣ идеологическихъ тѣней. И не можетъ быть, разумѣется, никакого сомнѣнія въ томъ, что и Бернштейнъ и Жоресъ и Мильеранъ, а завтра — въ свободной Россіи — и гг. Бердлевъ, Булгаковъ, а можетъ быть, и г. Струве — охотно согласятся ввести себя въ такую формулу: „соціалдемократъ, это — либераль (или демократъ), связавшій себя съ организаціей пролетаріата, сознаваго свои классовые интересы“.

Что скажетъ тов. Ленинъ по поводу этой „формулы“? Онъ скажетъ, что логически она бессмысленна, а политически — выражаетъ несомнѣнную тенденцію навязать пролетаріату чуждую и враждебную его классовымъ интересамъ идеологію, тактику, наконецъ, политическую психологію. Не такъ ли? Что же дѣлаетъ самъ тов. Ленинъ? Онъ пытается произвести точно такую же операцію, какую совершаютъ Бернштейнъ, Жоресъ и наши „идеалисты“, съ той разницей, что — сообразно своей революціонной позиціи — онъ вмѣсто *либерализма* беретъ его крайнее революціонное дѣтство, плоть отъ плоти и кровь отъ его крови, *якобинизмъ*. Тов. Ленинъ безстрашнымъ курсивомъ заявляетъ: „якобинецъ, связанный съ организаціей пролетаріата, сознаваго свои классовые интересы, и есть революціонный социалдемократъ“. Но въ такомъ случаѣ тов. Ленинъ долженъ принять и другую формулу, формулу „Освобожденія“, замѣнивъ въ ней либерализмъ его дѣввымъ крыломъ, якобинизмомъ. Формула тогда будетъ звучать такъ: „Якобинизмъ и социалдемократизмъ никоимъ образомъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга или противопоставлять одинъ другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны“... И не только по „основному идеалу“, но и по методамъ революціонной тактики и по содержанію политической психологіи. Тогда останется подвести итогъ: якобинизмъ есть частный видъ либерализма; социалдемократизмъ есть частный видъ якобинизма.

Если тов. Ленинъ не захочетъ сдѣлать „два шага назадъ“ отъ даннаго имъ единственнаго принципиальнаго, безстрашно-принципиальнаго „лозунга“, тогда онъ *вынужденъ* будетъ сдѣлать

1) „Освобожденіе“, № 33 (9), „Къ аграрному вопросу“.

„шагъ впередъ“ отъ своего опредѣленія, принявъ всё вытекающее изъ него выводы и... послать свою визитную карточку товарищамъ по партіи.

Entweder — oder!

Либо достраивайте вашъ теоретическій мостъ между революціонно-буржуазной (якобинской) и пролетарской демократіей, подобно тому, какъ выпешдіе изъ марксизма либералы строятъ мостъ между буржуазнымъ либерализмомъ и пролетарскимъ социализмомъ, — либо откажитесь отъ той практики, которая толкаетъ васъ на такого рода теоретическія покушенія.

Либо якобинизмъ, либо пролетарскій социализмъ!

Либо отступление съ единственной принципиальной позиціи, вами *дѣйствительно* занятой въ борьбѣ съ „меньшинствомъ“, либо отступление съ поля марксизма, вами *формально* защищаемого отъ „меньшинства“.

Entweder — oder, тов. Ленинъ!..

... „Почему бы проказницѣ исторіи, слышимъ мы голосъ т. Аксельрода, не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя изъ школы ортодоксальнаго, революціоннаго марксизма?“ „Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ“. Почему бы?..

Вождемъ *революціонной* буржуазной демократіи можетъ быть только *якобинецъ*. Онъ соберетъ свою армію — она будетъ не велика и не грозна эта армія! — вокругъ бряцающихъ лозунговъ суровой „диктатуры“, желѣзной „дисциплины“, „призыва къ возстанію“. Идеологической формой примиренія революціонной интеллигенціи съ ея ограниченной буржуазно-революціонной (якобинской) ролью можетъ явиться марксизмъ, — разумѣется не его классовое социалистическое содержаніе, а его формальныя рамки, настолько опустошенныя, что этотъ „ортодоксальный марксизмъ“ можно „связать“ съ якобинизмомъ, чтобы получить „революционную социалдемократію“.

Тов. Аксельродъ, по утверженію Ленина, „не сумѣлъ *ничѣмъ, ни ровнеюшко таки ничѣмъ* доказать и показать у такихъ-то и такихъ-то представителей ненавистнаго ему ортодоксальнаго (такъ и напечатано! Т.) крыла партіи извѣстныя (революціонно-буржуазныя, т. е. якобинскія, Т.) тенденціи“. („Шагъ впередъ“, стр. 139, курс. автора). Аксельродъ „ничего не доказалъ“ — ни „экономистамъ“, когда онъ первымъ противъ нихъ выступилъ, ни нашимъ якобинскимъ стодоначальникамъ, когда онъ политически охарактеризовалъ и тѣмъ самымъ пригвоздилъ ихъ на съѣздѣ Лиги въ своей исторической резолюціи. Аксельродъ „ничего не доказалъ“. Онъ не составлялъ ученыхъ діаграммъ, онъ не комбинировалъ косвенныхъ уликъ, — и потому онъ „ничего не доказалъ“. Онъ сдѣлалъ другое: онъ формулировалъ обозначившуюся въ Партіи *тенденцію*. Для первой работы нужно быть бойкимъ статистикомъ и неряшливымъ адвокатомъ. Для второй — нужно быть марксистомъ и проникательнымъ политикомъ. О „документальныхъ“ доказательствахъ позаботились другіе. Этихъ нужныхъ Ленину доказательствъ слипкомъ много въ партійной практикѣ нашихъ наглядныхъ, статистическихъ и дѣйствительныхъ

статскихъ яacobинцевъ, ихъ много въ резолюціяхъ нашихъ комитетовъ, съ знаменитымъ уральскимъ „манифестомъ“ во главѣ. . . И всѣ эти разрозненные, „кустарническія“ покушенія на марксизмъ получаютъ особенный вѣсъ послѣ того, какъ „самъ“ Ленинъ „централизовалъ“ ихъ въ своей брошюрѣ, увѣнчанной безсмертной „формулой“ социальдемократа-яacobинца!

Диктатура надъ пролетаріатомъ.

Могучая логика жизни! Она „песчинку на пути кладетъ, и умникъ внизъ кубаремъ летитъ“. . . Тотъ „маленькій“ фактъ, что въ нѣкоторомъ организаціонномъ планѣ нѣкоторой социальдемократической партіи оказалась за бортомъ группа, вынестовавшая эту партію, сдѣлался источникомъ большой партійной борьбы. Пришлось сказать себѣ: очевидно, что этотъ организаціонный планъ съ изъянцемъ, очевидно, что мышленіе, разрѣшившееся этимъ планомъ, страдаетъ нѣкоторымъ органическимъ порокомъ. . .

Авторъ „плана“, примѣнявшій во внутринартійной политикѣ методы, чуждые всему духу социальдемократіи, оказался вынужденнымъ требованіями собственной позиціи „расширить“ понятіе социальдемократа и сопречь его съ понятіемъ яacobинца. Жизнь развиваетъ свою могучую логику и заставляетъ маленькихъ неослѣдвательныхъ эклектическихъ людей такъ или иначе сводить концы съ концами. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. . .

. . . Въ то время какъ Ленинъ творилъ свою „формулу“ социальдемократа-яacobинца, его единомышленники на Уралѣ вырабатывали новую „формулу“ диктатуры пролетаріата. Субъективно уральскіе яacobинцы, какъ и Ленинъ, остаются въ рамкахъ марксизма. Но у политической жизни есть достаточный запасъ толчковъ и щелчковъ, чтобы заставить ихъ „расширить“ эти рамки. . . либо советамъ проститься съ ними, когда онѣ окажутся слишкомъ стѣснительными. А этого слѣдуетъ, раньше или позже, ожидать. „Если парижская коммуна 1871-го года пала, — говорятъ уральскіе марксисты, — то ближайшая причина та, что въ ней были представлены разныя направленія, представители разныхъ, часто противоположныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ. Каждый тянулъ въ свою сторону, въ результатѣ спору было много, дѣла — мало. . . И надо сказать не только о Россіи, но и о всемірномъ пролетаріатѣ, что ему необходимо готовить и *подготавливаться къ получению(!!!)* сильной, властной организаціи. . . *Подготовка пролетаріата къ диктатурѣ* — такая важная *организаціонная(!)* задача, что ей должны быть подчинены всѣ прочія. Подготовка состоитъ, между прочимъ, въ созданія настроенія(!) въ пользу сильной, властной пролетарской организаціи, выясненія всего значенія ея. Можно возразить, что *диктаторы(!!!)* являлись и являются сами собой. Но такъ не всегда было, и *не стихійно, не оппортунистически должно быть въ пролетарской партіи.*

Здѣсь должны сочетаться высшая степень сознательности съ безирекословнымъ повиновеніемъ — одно должно вызывать дру-

гое (*сознаніе необходимости есть свобода воли*)". У насъ въ Россіи въ виду централизованнаго самодержавія особенно важенъ „вопросъ объ организаціи, строго централизованной, конспиративной, способной идти впереди партіи и руководить ея *ближайшею задачею* — а она совпадаетъ съ *конечною*".

Такова социальнo-революціонная философія трехъ комитетовъ: уфимскаго, средне-уральскаго и пермскаго... (См. приложение къ № 63 „Искры“, курс. мов).

Эту философію можно формулировать въ трехъ тезисахъ:

1. Подготовка пролетаріата къ диктатурѣ есть задача *организаціонная*, состоящая въ подготовкѣ пролетаріата къ *полученію* властной организаціи, увѣнчивающейсѣ *диктаторомъ*.

2. Появленіе этого диктатора надъ пролетаріатомъ, въ интересахъ диктатуры пролетаріата, необходимо готовить сознательно.

3. Отступленіе отъ этой программы означаетъ оппортунизмъ.

Во всякомъ случаѣ авторы документа имѣютъ мужество открыто заявить, что диктатура пролетаріата рисуется имъ, какъ диктатура надъ пролетаріатомъ: не самодѣятельный рабочій классъ, взявшій въ свои руки судьбу общества, а „сильная властная организація“, господствующая надъ пролетаріатомъ, и черезъ него надъ обществомъ, обезпечить переходъ къ социализму.

Для того, чтобы подготовить рабочій классъ къ политическому господству, необходимо развивать и упражнять въ немъ самодѣятельность и привычку къ постоянному активному контролю надъ всѣмъ исполнительнымъ персоналомъ революціи. Это и есть та большая *политическая* задача, которую ставятъ себѣ международная социалдемократія. Но для „социалдемократовъ-якобинцевъ“, для безстрашныхъ представителей системы организаціоннаго замѣстительства, громадная *общественно-политическая* задача — подготовка класса къ государственному господству — подмѣняется организаціонно-технической задачей — выработкой аппарата власти.

Первая задача полагаетъ центръ тяжести въ методахъ политическаго воспитанія и перевоспитанія все болѣе и болѣе расширяющихся круговъ пролетаріата путемъ ихъ вовлеченія въ активную политическую работу. Вторая задача все сводитъ къ техническому отбору дисциплинированныхъ исполнителей въ звеня „сильной, властной организаціи“, отбору, который, въ интересахъ сокращенія работы, не можетъ не производиться путемъ механическаго удаленія неприспособленныхъ: посредствомъ „раскассированій“ и „лишеній правъ“.

Повторяемъ. Уральскіе товарищи вполне послѣдовательны въ дѣлѣ замѣны диктатуры пролетаріата — диктатурою надъ пролетаріатомъ, политическаго господства класса — организаціоннымъ господствомъ надъ классомъ. Но это послѣдовательность не марксистовъ, а якобинцевъ или ихъ переложенія на „соціалистическій“ языкъ — бланкистовъ... разумѣется съ самобытнымъ ароматомъ уральской культуры.

Итакъ, мы обвинили нашихъ уральскихъ товарищей въ бланкизмъ. И мы тутъ же вспомнили, что именно въ бланкизмѣ об-

винность революціонныхъ социальдемократовъ Бернштейнъ. Причина совершенно достаточная, чтобы уральцы были зачислены въ революціонные социальдемократы, а мы—въ бернштейнѣанцы¹⁾).

Вотъ почему мы считаемъ крайне полезнымъ привести отзывъ Энгельса о томъ, какъ представляли себѣ свою роль бланкисты въ моментъ социалистической революціи.

„Воспитанные въ заговорщической школѣ, привыкшіе къ необходимой при заговорѣ строгой дисциплинѣ, они исходили изъ того взгляда, что сравнительно небольшое число рѣшительныхъ, хорошо организованныхъ людей можетъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ, не только захватить власть, но, посредствомъ могучей беспощадной энергіи, удержать ее въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока имъ удастся вовлечь въ революцію народную массу и сгруппировать ее вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Для такого дѣла нужна была прежде всего стражайшая, диктаторская централизація власти въ рукахъ новаго правительства“. (Марксъ, „Гражданская война во Франціи“, пред. Энгельса къ III нѣм. изд.).

Но, какъ извѣстно, бланкисты поступали не такъ, какъ требовала логика ихъ доктрины, а такъ, какъ требовала логика революціонныхъ интересовъ пролетаріата, ставшаго у власти. Въмѣсто того, чтобы призывать пролетаріатъ къ „сознательному“ подчиненію диктатору, въ чемъ должна, по мнѣнію уральскихъ діалектиковъ, выразиться „свободная воля“ рабочаго класса, — коммуна прежде всего поняла, что если „этотъ классъ не хочетъ лишиться только что завоеваннаго господства, онъ долженъ... обезопасить себя противъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ; эти служащіе и уполномоченные могли быть въ каждое данное время и всѣ безъ исключенія лишены своего званія“. (Тамъ же).

Уже изъ этихъ двухъ цитатъ достаточно ясно видно, что можно быть противъ якобинизма и не быть бернштейнѣанцемъ. И наоборотъ, прибавимъ мы тутъ же: можно быть *анти*-бернштейнѣанцемъ съ головы до пятъ и въ то же время отстоять на тысячу верстъ отъ марксизма. Плехановъ когда-то писалъ, что наши „экономисты“, какъ двѣ капли воды, похожи на тѣ карикатуры, которыя рисовались съ марксистовъ Михайловскими, Кривенко и другими. Наши централистическіе „замѣстители“, какъ двѣ капли воды, похожи на тѣ карикатуры, которыя писались съ революціонныхъ социальдемократовъ теоретиками русскаго „экономизма“ и европейскими „бернштейнѣанцами“. Совѣмъ недоста-

¹⁾ Большая часть этой главы была написана до выхода книжки Ленина „Шагъ впередъ“. . . Оказывается, мы не ошиблись. На обвиненія въ якобинизмъ и бланкизмъ тов. Ленинъ отвѣчаетъ, какъ и полагалось: „*жироидисты современной социальдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство“, „бланкизмъ“ и т. п. для характеристики своихъ противниковъ (стр. 132). Аксельродъ только „подтверждаетъ“ поздравитное противъ него обвиненіе въ оппортунизмъ „своимъ перефразомъ избитой бернштейнѣанской мелодіи о якобинствѣ, бланкизмѣ и пр.“ (стр. 140).

точно поставить плюсъ и минусъ тамъ, гдѣ у оппортунистовъ стоитъ минусъ и плюсъ, чтобы овладѣть всѣми тайнами революціонной социалистической политики.

Оппортунистъ на изминку отнюдь не знаетъ революціонный социалъдемократъ.

Лучше и яснѣе всего это выступаетъ именно на вопросѣ диктатуры пролетаріата, раздѣляющемъ міръ европейскаго социализма.

У насъ въ Партіи господствуетъ мифъ, будто въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ вопросахъ социализма, кромѣ марксистской („ортодоксальной“) точки зрѣнія, существуетъ лишь точка зрѣнія реформистскаго оппортунизма (бернштейнства тожъ). Это невѣрно. Существуетъ еще третья точка зрѣнія: оппортунизма бланкистскаго. Этой послѣдней ереси наши „ортодоксы“ совершенно не подозреваютъ и не опасаются. А между тѣмъ она намъ во многихъ отношеніяхъ гораздо ближе, чѣмъ бернштейнство...

Оба вида оппортунизма: реформистскій и бланкистскій, опредѣляются тѣми специфическими элементами, которые привноситъ демократическая интеллигенція въ классовое движеніе пролетаріата. Она тяготеетъ къ заговорщическому захвату власти, когда она еще дышетъ опьяняющими парами буржуазной революціи,— и она все болѣе и болѣе склоняется къ противореволюціонному реформизму по мѣрѣ того, какъ буржуазно-революціонныя традиціи отходятъ въ область прошлаго. Вотъ почему, якобинскій оппортунизмъ въ вопросахъ социалистической теоріи и практики въ такой же мѣрѣ отвѣчаетъ политической позиціи и политической психологіи современной *русской* революціонной интеллигенціи, въ какой реформистскій оппортунизмъ отвѣчаетъ политическимъ тяготѣніямъ современной *французской* демократіи.

Для европейскаго социализма якобинскія тенденціи — *überwundener Standpunkt*, давно законченныя стадія развитія. Тамъ *якобинизмъ* и *бланкизмъ* фигурируютъ лишь, какъ жупелы въ устахъ ревизионистовъ и бернштейнцевъ. Наоборотъ, у насъ *ревизионизмъ* и *бернштейнство* начинаютъ явно превращаться въ жупелы въ устахъ и подъ перомъ „ортодоксовъ“, открыто тяготеющихъ къ якобинизму и бланкизму.

Намъ, русскимъ революціонерамъ, нечего, слѣдовательно, гордиться и кичиться, если, въ силу нашей общей политической отсталости, мы въ переживаемую нами предреволюціонную эпоху оказываемся воспримчивѣе къ якобинизму, чѣмъ къ реформизму. Великому дѣлу пролетаріата одинаково чужды и тотъ и другой!..

Если мы хоть сколько-нибудь представляемъ себѣ колоссальность задачъ — не организаціонно-заговорщическихъ, а социально-экономическихъ и социально-политическихъ, которыя выдвигаетъ диктатура пролетаріата, открывающая новую историческую эпоху; другими словами, если для насъ диктатура пролетаріата не пустая фраза, увѣчивающая во внутрипартіи борьбѣ нашу формалистическую „ортодоксальность“, а живое понятіе, вытекающее изъ анализа все болѣе широко разворачивающейся и обостряющейся социальной борьбы пролетаріата съ буржуазіей, тогда мы не сдѣлаемъ вмѣстѣ съ уральцами того жалкаго вывода,

что коммуна не удалась, потому что не имѣла диктатора, тогда мы не обвинимъ коммуны въ томъ, что у нея было „много спору и мало дѣла“, и не порекомендуемъ ей, заднимъ числомъ, устранить „спорщиковъ“ — интригановъ, дезорганизаторовъ и подсиживателей коммуны — посредствомъ „раскассированій“ и „лишеній правъ“. Задачи новаго режима такъ сложны, что опѣ могутъ быть рѣшены не иначе, какъ путемъ соревнованія разныхъ методовъ экономическаго и политическаго строительства, путемъ долгихъ „споровъ“, путемъ систематической борьбы — не только социалистическаго міра съ капиталистическимъ, но и различныхъ теченій внутри социализма, теченій, которыя неизбежно появятся, какъ только диктатура пролетариата выдвинетъ десятки и сотни новыхъ, никѣмъ не предрѣшенныхъ проблемъ... И никакая „сильная, властная организація“ не сможетъ въ цѣляхъ ускоренія и упрощенія процесса подавить эти теченія и разногласія, ибо слишкомъ ясно, что пролетаріатъ, способный къ диктатурѣ надъ обществомъ, не потерпитъ диктатуры надъ собой.

Рабочій классъ, ставшій у государственнаго кормила, несомнѣнно привнесетъ въ своихъ рядахъ много политическихъ инвалидовъ, а въ своемъ обозѣ — много идейнаго балласту. Ему необходимо будетъ въ эпоху диктатуры, какъ необходимо и теперь, очищать свое сознаніе отъ ложныхъ теорій, отъ буржуазныхъ переживаній и освобождать свои ряды отъ политическихъ фразеровъ и революціонныхъ стародумовъ... Но этой сложной работы нельзя *замѣнить*, поставивъ надъ пролетариатомъ хорошо подобранную группу лицъ или, еще лучше, одно лицо, снабженное правомъ раскассированія и разжалованія...

Марксъ отмѣтилъ въ нѣсколькихъ строкахъ „внутреннихъ враговъ“ коммуны, тормозившихъ дѣло революціоннаго пролетариата. Но Марксъ зналъ, что отъ такихъ элементовъ нельзя избавиться декретомъ сверху. „Они — неизбежное зло; освободиться отъ нихъ, — говоритъ Марксъ, — можно только со временемъ, но этого то времени и не дали коммуны“. Освободиться отъ нихъ можно только, углубляя классовое сознаніе пролетариата и дѣлая его, такимъ образомъ, все менѣе и менѣе зависимымъ отъ тѣхъ или иныхъ ошибокъ и промаховъ тѣхъ или иныхъ „вождей“). Марксъ, который черезъ два дня послѣ разгрома Коммуны далъ ей замѣчательную оцѣнку, надо думать, не

1) Именно это имѣла въ виду „Искра“, когда писала, что и „въ Германіи вопросъ о дирижерской палочкѣ утрачивалъ свое значеніе прямо пропорціонально росту классоваго сознанія пролетариата. Классовое самосознаніе пролетариата неуклонно, хоть и медленно дѣлаетъ свое дѣло“. На каковыя рѣчи уральскіе товарищи отвѣчаютъ: „Такое чисто оппортунистическое (!!) положеніе „Искра“ считаетъ вѣрнымъ признакомъ зрѣлости партіи въ ея организаціи“. Итакъ, оказывается, что считать единственнымъ „вѣрнымъ признакомъ“ успѣховъ дѣла пролетариата и зрѣлости его партіи медленный, но неуклонный *ростъ его классоваго самосознанія* значить ни болѣе ни менѣе какъ *владѣть въ частной оппортунизмомъ!*

подозрѣвалъ, что люди, объявляющіе себя его учениками, станутъ черезъ 33 года повторять предразсудки доктринерскаго якобинизма, обнаруженные Коммуной.

Именно Коммуна вскрыла, какимъ жалкимъ и безпомощнымъ оказывается всякое заговорщическое доктринерство передъ логикой классоваго движенія пролетаріата; именно Коммуна показала, что единственнымъ базисомъ неавантюристской социалистической политики можетъ быть только самодѣятельный пролетаріатъ, а не классъ, которому привито „частроеніе“ въ пользу сильной властной организациіи надъ нимъ.

Нужно понять, господа, что развитіе цѣлаго класса совершается неуклонно, но медленно; медленно, но неуклонно. Нужно понять, что никакого другого базиса нашихъ политическихъ успѣховъ, кромѣ уровня пролетарской сознательности, мы не имѣемъ и приобрести не можемъ. Нужно разъ навсегда отказаться отъ „ускоренныхъ“ методовъ политическаго замѣстительства. Кому не терпится, кто хочетъ искать другихъ гарантій — не въ классовой базѣ, а въ организационно-заговорщической верхушкѣ, — тотъ можетъ уходить отъ насъ уже сегодня, ибо завтра его все равно отъ насъ прогонитъ „медленная, но неуклонная“ логика пролетарскаго развитія... куда? къ анархистамъ или къ реформистамъ — кто можетъ предсказать?...

Мы не сомнѣваемся. Скажутъ, что сведеніе вопроса о *диктатурѣ пролетаріата* къ организационной задачѣ, а этой послѣдней — къ вопросу о своевременномъ подготовленіи *диктатора* есть просто мѣстная уральская цѣлѣность.

Но почему же эта цѣлѣность, спросимъ мы, такъ „закономѣрна“? Какимъ это образомъ случилось, что она такъ точно оправдываетъ предсказанія, которыя дѣлались въ литературѣ „меньшинства“? Развѣ не писала сибирская делегациа задолго до появленія уральскаго документа, что, по логикѣ „осаднаго положенія“, гегемонія социальдемократіи въ освободительной борьбѣ означаетъ гегемонію одного лица надъ социальдемократіей? И еще. Развѣ Ленинъ не знаетъ, кому въ системѣ уральскаго социальдемократическаго буланжизма уготовляется центральная роль? И развѣ онъ протестуетъ противъ этого возведеннаго въ теорію издѣвательства надъ социалистической партіей? Онъ молчитъ. Болѣе того. Онъ молчитъ по этимъ вопросамъ такъ краснорѣчиво, что всѣмъ кажется, будто онъ предвкушаетъ и внутренне охорашивается.

Нѣтъ, не курьезъ имѣемъ мы въ уральскомъ манифестѣ, по симтомъ серьезнѣйшей опасности, угрожающей нашей партіи, — и мы обязаны глубокой политической признательностью нашимъ уральскимъ товарищамъ, которые преодолѣли умственную трусость, отличающую большинство ихъ единомышленниковъ, и сдѣлали выводы, отъ которыхъ даже неробкаго человѣка морозъ подираетъ по кожѣ.

...Они уйдутъ отъ насъ, — я говорю о тѣхъ, для кого очерченные взгляды уже успѣли сдѣлаться болѣе или менѣе цѣльнымъ законченнымъ міровоззрѣніемъ, для кого они не простая болѣзнь политическаго роста. Они уйдутъ, ибо этотъ формальный рево-

люціонізмъ — революціонізмъ організаціонной *формы*, а не политическаго *содержанія* — несетъ въ себѣ залогъ своего неизбежнаго и притомъ скорого разложенія.

Пусть даже наша партія создастъ въ обстановкѣ самодержавія идеальную організаціонную постройку, — что невѣроятно. Пусть она пронесетъ даже свою постройку невредимой черезъ все испытанія, которыя готовитъ намъ періодъ ликвидаціи самодержавія... Но когда въ медовые годы освобожденной буржуазной Россіи, въ годы національнаго подъема, когда русскій капитализмъ, омытый новыми, открывшимися ему источниками развитія, оторветъ, можетъ быть, пролетаріатъ на время отъ напряженной политической борьбы и толкнетъ его по линіи наименьшаго сопротивленія, на путь профессиональныхъ и экономическихъ организацій, — тогда „властная, сильная организація“ безжизненно повиснетъ надъ живымъ тѣломъ класса, какъ парусъ, котораго не надуваетъ вѣтеръ...

И тогда все тѣ, для которыхъ „чистымъ оппортунизмомъ“ кажется единственный разсчетъ на „медленный, но неуклонный ростъ классоваго сознанія“, все тѣ, сознанію которыхъ историческая логика классоваго движенія говоритъ меньше, чѣмъ бюрократическая логика того или другаго организаціоннаго „плана“, они все будутъ застигнуты врасплохъ, и волна политическаго разочарованія неизбежно унесетъ изъ нашихъ рядовъ многихъ и многихъ изъ этихъ мистиковъ организаціонной формы. Ибо это разочарованіе затронетъ не просто организаціонную форму, не просто идею централизма, но идею централизма, какъ основу революціоннаго міросозерцанія. Крахъ организаціоннаго фетишизма будетъ неизбежно для ихъ политическаго сознанія крахомъ марксизма, крахомъ „ортодоксіи“, — ибо весь марксизмъ заострился для нихъ въ нѣсколько примитивныхъ организаціонныхъ формулъ... Больше того — это будетъ крахъ вѣры въ пролетаріатъ, какъ классъ, который не далъ себя вести къ диктатурѣ, хотя ему предлагались для этого такіе вѣрные и прямые маршруты...

Разочарованные, они уйдутъ отъ насъ — одни въ реформизмъ, другіе въ анархизмъ, и, если намъ доведется столкнуться съ ними на перекресткѣ двухъ политическихъ дорогъ, мы напомнимъ имъ объ этомъ предсказаніи.